

№ 2
2016

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
«МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Журнал зарегистрирован Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых
коммуникаций 11.09.2000 (свидетельство
ПИ № ФС77-30539 от 20.12.2007)

ISSN 1811-1629

<http://mirs.ropryal.ru/>

THE SCHOLARLY
AND METHODOLOGICAL JOURNAL

“THE WORLD OF RUSSIAN WORD”
(Mir russkogo slova)

Comes out quarterly

The journal is registered by the Russian Federation Ministry
for Printing, TV and Radio Broadcasting, and Mass-Media
Communications at September 11th, 2000
(certificate ПИ № ФС77-30539, date of issue December 20th, 2007)

ISSN 1811-162

<http://mirs.ropryal.ru/>

Учредитель и издатель

Некоммерческое партнерство
«Общество преподавателей русского языка
и литературы»

Адрес редакции: 199034, С.-Петербург, наб.
Лейтенанта Шмидта, д. 11/2
тел.: (812) 325-11-33, факс: (812) 323-66-20,
e-mail: avlova@ropryal.ru

Редакционный совет

- Л. А. Вербицкая — *акад. РАО, д-р филол. наук, проф., Президент СПбГУ, Президент РОПРЯЛ, Президент МАПРЯЛ, Президент РАО*
В. В. Воробьев — *д-р филол. наук, член-корр. РАЕН, проф., зав. каф., РУДН*
Л. П. Клобукова — *д-р пед. наук, проф., акад. МАНПО, зав. каф., МГУ им. М. В. Ломоносова*
Ю. Е. Прохоров — *д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф., проф. СПбГУ*
В. М. Шаклеин — *д-р филол. наук, проф., член-корр. РАЕН, зав. каф., РУДН*
С. И. Богданов — *д-р филол. наук, проф., проректор, СПбГУ*
М. Ю. Сидорова — *д-р филол. наук, проф., проф. МГУ им. М. В. Ломоносова*
С. Н. Голубев — *канд. филол. наук, Ген. директор ЗАО «Златоуст»*
Э. Эндрюс — *д-р наук, проф. Дюкского ун-та*
К. А. Рогова (главный редактор) — *д-р филол. наук, проф., проф. СПбГУ*

Журнал включен в:

- Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и представлен в Научной электронной библиотеке;
- Европейский индекс цитирования по гуманитарным и общественным наукам ERIH PLUS;
- Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (с 2007 года);
- Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

The Founder and Publisher

The non-profit partnership “Association of Teachers of Russian Language and Literature” (“ROPRYAL”)

Editorial board’s address: 11/2 Lieutenant Schmidt emb., room 202, St. Petersburg, RU-199034, Russia,
phone: +7 812 3251133,
e-mail: avlova@ropryal.ru

Editorial board

- L. A. Verbitskaja
St. Petersburg State University, Russian Academy of Education
V. V. Vorobjov
Peoples’ Friendship University of Russia
L. P. Klobukova
Lomonosov Moscow State University
Yu. E. Prokhorov
St. Petersburg State University
S. I. Bogdanov
St. Petersburg State University
V. M. Shaklein
Peoples’ Friendship University of Russia
M. Yu. Sidorova
Lomonosov Moscow State University
S. N. Golubev
Zlatoust Ltd. company
E. Andrews
Duke University
K. A. Rogova — *editor-in-chief*
St. Petersburg State University

The journal is included into

- Russian Science Citation Index (RSCI), and is represented in Scientific Electronic Library (elibrary.ru);
- European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS);
- Scientific Electronic Library CyberLeninka.

Подписной индекс в каталоге
Агентства «РОСПЕЧАТЬ» — 72396.

По вопросам подписки и доставки
журнала за пределами СНГ обращайтесь
к нашим дистрибьюторам:

ЗАО НПО «Информ-система»
117447, Россия, г. Москва,
Севастопольский пр., 11А; тел. (495) 127-
91-47; 129-78-22; факс (495) 124-99-38;
info@informsystema.ru

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Россия, г. Москва, ул.
Гиляровского, 39, тел. (495) 681-91-37;
681-97-63; 681-87-47; факс (495) 681-37-98;
export@periodicals.ru

ООО «Информнаука»
125190, г. Москва, ул. Усиевича, 20;
тел./факс (495) 152-54-81;
тел. 155-43-42, 787-38-73; dla@viniti.ru

ООО «Агентство „Мир прессы“»
127015, г. Москва, а/я 2;
тел./факс (495) 787-63-62; 787-34-15;
mir_press@mail.ru

ЗАО «СВЕТС ИНФОРМЕЙШЕН СЕРВИС»
125252, г. Москва, ул. Куусинена, д. 216,
Международный центр научной
и технической информации;
тел. +7 (499) 740-64-10, +7 (499) 198-70-41,
+7 (909) 967 0413; info@ru.swets.com

ООО «Агентство „Артос-ГАЛ“»
тел. +7 (495) 788-39-88, +7 (812) 331-89-44

Некоммерческая
общественная организация
«Ассоциация выпускников советских
и российских вузов из Сербии»
тел. +7 (495) 585-63-24

Некоммерческая
общественная организация
«Общество выпускников советских
и российских вузов из Черногории»
тел. +7 (495) 585-63-24;
ruskistudentig@yahoo.com



РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ

ЗАТРАТЫ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОЕКТА
ПОЛНОСТЬЮ ПОКРЫТЫ
ЗА СЧЕТ ПОЖЕРТВОВАНИЯ ФОНДА
«РУССКИЙ МИР»



ФОНД РУССКИЙ МИР

№ 2 2016

Главный редактор:

К. А. Рогова —
д-р филол. наук, проф.,
проф. СПбГУ

Над журналом работали:

Редакторы:

Т. Б. Авлова —
канд. пед. наук, доц. СПбГУ
Д. А. Щукина —
д-р филол. наук, проф.,
зав. каф., Горный ун-т

Вып. редактор:

М. С. Шишков —
канд. филол. наук, доц.,
доц. СПбГУ

Корректор:

Н. В. Лутц

Перевод аннотаций:

А. Д. Степанов

Оригинал-макет:

М. С. Шишков

Тираж 450 экз.

Подписано в печать 29.07.2016
Отпечатано в типографии
«СМДЖИ Принт»,
197022, Санкт-Петербург,
Каменноостровский пр., д. 61,
лит. А, пом. 11Н

При перепечатке
материалов ссылка на журнал
«Мир русского слова» обязательна

Присланные рукописи
не возвращаются

Плата с аспирантов
за публикацию рукописей
не взимается

Правила направления,
рецензирования и опубликования
научных статей в журнале
«Мир русского слова»:
<http://mirs.ropryal.ru/rules/>

В НОМЕРЕ CONTENTS

[ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ]

- 4 А. В. Рудакова
Методика описания метаязыкового
компонента психолингвистического
значения слова
- 11 Д. В. Руднев
Безличное употребление связочных
глаголов: история и современность
- 19 Лю Ди
Прагматические аспекты перевода
русского деепричастия
на китайский язык
- 26 Л. Л. Мишакова
Особенности употребления
определённо-личных предложений
в речи персонажей в художественном
тексте (на примере повести
Б. Л. Васильева «Завтра была война»)

- 31 Н. А. Потапова
Русские пословицы тематической
группы «полезные ископаемые»
(на материале словарей В. И. Даля,
М. А. Рыбниковой и В. И. Зиминой)

[КУЛЬТУРА РЕЧИ]

- 37 О. В. Мякшева
Уровни понимания текста
(на материале «восстановленных»
текстов)
- 43 Е. В. Тумакова
Креолизованный текст
в художественном
и медийном дискурсе
- 50 В. Н. Баукин, Ю. И. Строев,
Л. П. Чурилов
Размышления о русском языке
в медицине
- 60 Д. А. Пальшина
ЩАС: путь слова «из речи в язык»

[LINGUISTIC REMARKS]

- A. V. Rudakova
Metalinguistic Component
of Word's Psycholinguistic Meaning:
Methodology of Description
- D. V. Rudnev
Impersonal Use Of Copular Verbs:
Past And Present
- Liu Di
Pragmatic Aspects of Russian Adverbial
Participles Translation into Chinese
- L. L. Mishakova
Definite-Personal Sentences' Peculiarities
in Heroes' Speech: the case of Boris
Vasilyev's "Tomorrow There Came War"

- N. A. Potapova
Russian Proverbs from the "Minerals"
Thematic Group (on the material
of the dictionaries by V. I. Dal,
M. A. Rybnikova and V. I. Zimin)

[SPEECH CULTURE]

- O. V. Myaksheva
The levels of Text Comprehension
(on the base of "restored" texts)
- E. V. Tumakova
Creolized Text in Emotive Prose
and Media Discourse
- V. N. Baukin, Yu. I. Stroeov,
L. P. Churilov
Thoughts on the Russian Language
in Medicine
- D. A. Palshina
'SHCHAS': Transition of the Word
from Speech to Language

[ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ]

- 64 А. Ю. Романов
Сопоставительное преподавание русской
и американской культуры в эпоху глобализации
- 73 И. П. Черноусова
Былинная картина мира в призме «свадебного» кода
(на материале былин о сватовстве)
- 80 Ши Янь
Некоторые эталоны в представлении
концепта «удача / неудача» в русских поговорах
- 84 Юань Лиин
Пословицная репрезентация культурно значимого
смысла «Хозяин, принимающий гостей» в русском
и китайском языках

[ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА]

- 88 Ю. В. Доманский
Холм в русской лирике второй половины XX века
(Л. Аронзон «Утро», Б. Гребенщиков «Сидя на красивом
холме», И. Кормильцев «Люди на Холме»)

[МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА]

- 95 Е. Н. Виноградова, Л. П. Клобукова
Отбор и представление предлогов в Лексических
минимумах по русскому языку как иностранному
(к постановке проблемы)
- 102 Сакорнnoi Катика
Реализация национально ориентированной модели
обучения в неязыковой среде в учебном пособии
по русскому языку для тайских студентов
(Базовый уровень)
- 108 И. Э. Файман, И. А. Бойцов
Между прагматизмом и желанием общаться
(о мотивации к изучению русского языка в странах
Восточной Европы и Прибалтики)

[НЕКРОЛОГИ]

- 114 Памяти Александра Владимировича Бондарко

[ХРОНИКА]

- 10 XXXVII Апрельские чтения кафедры истории русской
литературы СПбГУ
- 83 Неделя русского языка во Вьетнаме

[РОССИЯ... НАРОДЫ, ЯЗЫКИ, КУЛЬТУРЫ]

- 117 И. Масленников
«Практика кино», или «Кино без киноплёнки»

[LINGUOCULTURAL STUDIES]

- A. Romanov
Comparative Teaching of Russian and American Cultures
in the Globalization Epoch
- I. P. Chernousova
The Epic Tale Picture of the World
through the Prism of “Nuptial code”
(case study of epic tales about marriage brokerage)
- Shi Yan
Some Etalons in the Representation of the Concept
of Fortune / Misfortune in Russian Proverbs
- Yuan Liying
The Proverbial Representation of the Culturally Valuable
Meaning of “The Host Receiving Visitors” in Russian
and Chinese

[INTERACTION OF LANGUAGE AND LITERATURE]

- Yu. V. Domanski
Three Hills in Russian Poetry of the Second Half of the 20th
Century («Utro» by L. Aronzon, «Sidia na krasivom kholme»
by B. Grebenschchikov, and «Liudi na kholme»
by I. Kormil'tsev)

[RUSSIAN LANGUAGE TEACHING METHODOLOGY]

- Ekaterina N. Vinogradova, L. P. Klobukova
On Selection and Representation of the Prepositions
in the Basic Dictionaries on Russian as a Foreign Language
- Sakornnoi Katika
Implementation of National-oriented Model
of Teaching Russian Language
in Non-linguistic Environment
in a Textbook for Thai Students (basic level)
- I. E. Faiman, I. A. Boitsov
Between Pragmatism and Desire to Communicate:
on Motivation to Learn Russian in Eastern Europe
and Baltic countries

[OBITUARY]

- In memoriam: Alexandre V. Bondarko

[CHRONICLE]

- 37th April Conference at the Department of Russian
Literature (SPbSU)
- Russian Language Week in Vietnam

[RUSSIA... PEOPLES, LANGUAGES, CULTURES]

- I. Maslennikov
“Cinema Practice”, or “The Cinema without Celluloid”

А. В. Рудакова

МЕТОДИКА ОПИСАНИЯ МЕТАЯЗЫКОВОГО КОМПОНЕНТА ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

ALEXANDRA V. RUDAKOVA
METALINGUISTIC COMPONENT OF WORD'S PSYCHOLINGUISTIC MEANING:
METHODOLOGY OF DESCRIPTION

В статье представлен один из типов значения — психолингвистическое значение. Предложено использовать трафаретную модель при описании всех компонентов этого типа значения слова: денотативном, коннотативном и метаязыковом. Подробно освещен метаязыковой макрокомпонент трафаретной модели.

Ключевые слова: психолингвистика; семантика; психолингвистическое значение; семантическая интерпретация

The article presents one of the psycholinguistic meaning's types, offering the screen model description of all its components: denotative, connotative, and metalinguistic. Metalinguistic component of screen model is discussed in detail.

Keywords: psycholinguistics; semantics; psycholinguistic meaning; semantic interpretation.



**Александра Владимировна
Рудакова**

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего языкознания
и стилистики

Воронежский государственный
университет

Университетская площадь, 1
г. Воронеж, 394006, Россия

► a-rudakova@list.ru

Alexandra V. Rudakova

Voronezh State University

1 Universitetskaya pl.,
Voronezh, 394006, Russia

В ходе исследований ученых Воронежской лингвистической школы, разрабатывающих методику семантического описания языковых единиц разного типа, были разграничены лексикографическое и психолингвистическое типы значения слова.

Под лексикографическим значением понимается значение слова, представленное в толковых словарях. Данный вид значения конструируется лексикографом с учетом принципов краткости и емкости по содержанию. Однако такой вид представления информации о слове не отражает реальную картину языкового сознания носителей языка [9].

Реально существующее значение слова в языковом сознании носителей языка отражает другой тип значения — психолингвистическое (по другой терминологии — психологически реальное [11]; психологическое [2] и др.). Под психолингвистическим значением слова понимается *упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве — более и менее ярких, ядерных и периферийных, все из которых реально связаны с данной звуковой оболочкой (лексемой)* [9].

Психолингвистическое описание осуществляется на основе экспериментальных данных (результатов свободного и/или направленного ассоциативного эксперимента, метода свободных дефиниций, метода

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-04-00250 «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)», НИЧ 15021.

семантического шкалирования, лингвистического интервьюирования и др.). В данном исследовании материалом служит ассоциативное поле стимула, сформированное на основе результатов свободного ассоциативного эксперимента, отраженных в «Ассоциативном словаре употребительной русской лексики» (далее — АСУРЛ) [1]. Ассоциативное поле включает отдельные ассоциации разной яркости, что позволяет в общем виде представить психолингвистическое содержание слова, но без разграничения отдельных его значений и без детального психолингвистического описания семного состава каждого значения. Более глубокое представление психолингвистического содержания семантемы (совокупности семем) и отдельных семем слова-стимула возможно только при использовании ассоциативных данных в качестве инструмента для его детального описания. Это и составляет следующие этапы исследования.

С помощью метода семантической интерпретации ассоциаты интерпретируются как языковые репрезентации семантических компонентов слова-стимула, выделяются отдельные значения (семемы) и описывается семный состав каждого отдельного значения многозначного слова [9]. Семемная интерпретация осуществляется методом денотативной дифференциации — ассоциативные реакции группируются по значениям по денотативному принципу: они разделяются на группы по числу отдельных значений, которые объективируются в эксперименте и обозначают отдельные денотаты. Высчитывается совокупный индекс яркости конкретной семемы, который равен количеству ассоциатов, объективировавших отдельную семему. Семная интерпретация производится путем обобщения полученных результатов: близкие по семантике ассоциативные реакции, по-разному называющие один и тот же семантический компонент, объединяются, формулируется метаязыковое обозначение соответствующей семы, а их частотность суммируется и указывается как частотность актуализации данной семы в эксперименте (индекс яркости отдельной семы).

При описании психолингвистического значения перед ученым встает вопрос: каким образом можно представить столь разнородную

семантическую информацию, удобную для изучения и использования как исследователем, так и обычным носителем языка.

В течение нескольких лет разрабатывается и совершенствуется методика представления психолингвистического значения слова в словаре нового типа — психолингвистическом толковом словаре русского языка [3, 7, 8, 10 и др.].

Была предложена трафаретная модель описания значения слова [5], которая может быть применена к описанию любых психолингвистических значений. Термин «трафаретная модель семантического описания слова» введен Е. А. Маклаковой в докторской диссертации [4]. Трафаретный характер модели психолингвистического описания означает, что она может быть использована как трафарет при представлении каких-либо компонентов — описываемое психолингвистическое значение должно (может) содержать описание всех параметров, предусмотренных моделью как потенциально возможные.

На данный момент подробно описана методика представления двух основных макрокомпонентов психолингвистического значения слова — денотативного и коннотативного (подробнее об указанных компонентах в [6]).

Цель данного исследования состоит в описании третьего макрокомпонента психолингвистического значения слова — функционального (метаязыкового) компонента. Он характеризует особенности употребления языковой единицы (стимула) в речи.

Предлагается использовать один из двух вариантов описания данной языковой информации.

Первый вариант основан на традиционном представлении подобной информации в лексикографических источниках: лексикограф, ориентируясь на свои лингвистические знания и чутье, описывает функциональную характеристику слова (эмоционально-экспрессивную, темпоральную, стилистическую, частотную и иную) в определенном порядке (по трафарету). В словарных источниках данная информация часто представлена непоследовательно, неполно, в предлагаемом варианте трафаретное описание позволяет унифицировать функциональное описание слова.

За основу взяты функциональные характеристики, предложенные Е. А. Маклаковой в трафаретной модели семного описания наименований лиц [4].

Предлагается описывать функциональный мегакомпонент в следующей последовательности:

1) стилистический микрокомпонент (книжное, высокое, поэтическое, официально-деловое; межстилевое; разговорное; сниженное, просторечное, жаргонное, сленговое, вульгарное, нецензурное);

2) социальный микрокомпонент (общепотребительное, детское, молодежное, студенческое, уголовное, солдатское, семейное, юридическое, военное, театральное, церковное, музыкальное, спортивное, медицинское, компьютерное и т. п.);

3) темпоральный микрокомпонент (современное, новое, устаревающее, устаревшее);

4) территориальный микрокомпонент (общераспространенное; территориально-ограниченное — в России, в ряде стран Латинской Америки, в странах Африки, ирландское, шотландское, американское, британское, в Германии и т. д.);

5) частотный микрокомпонент (неупотребительное, редкое, малочастотное, употребительное, частотное, высокочастотное);

6) социально-нормативный микрокомпонент (неполиткорректное, политкорректное, не актуально);

7) коммуникативно-тональный микрокомпонент (тонально-нейтральное, почтительное, вежливое, восхищенное, дружеское, ласковое, шутовское, ироничное, сочувственное, фамильярное, уничижительное, пренебрежительное, презрительное, грубое, бранное, тонально-недопустимое).

Характеристика слова с функциональной точки зрения определяется составителем словаря (при этом не исключается некоторая доля субъективности). Это тоже семы, но функционального типа.

Приведем пример первого варианта описания функционального компонента значения.

КАБАН

Семема 1. Крупная дикая свинья

стилистическая характеристика — межстилевое
социальная характеристика — общепотребительное

темпоральная характеристика — современное

территориальная характеристика — общераспространенное

частотная характеристика — частотное

социально-нормативная характеристика — не актуально

коммуникативно-тональная характеристика — тонально-нейтральное

Семема 2. Семец домашней свиньи

стилистическая характеристика — межстилевое
социальная характеристика — общепотребительное

темпоральная характеристика — современное

территориальная характеристика — общераспространенное

частотная характеристика — частотное

социально-нормативная характеристика — не актуально

коммуникативно-тональная характеристика — тонально-нейтральное

Семема 3. Крупный толстый мужчина

стилистическая характеристика — просторечное
социальная характеристика — общепотребительное

темпоральная характеристика — современное

территориальная характеристика — общераспространенное

частотная характеристика — частотное

социально-нормативная характеристика — неполиткорректное

коммуникативно-тональная характеристика — презрительное, бранное

Очевидно, данная модель может быть применена к описанию разных семантических разрядов лексики и в дальнейшем уточнена.

Другой вариант описания функционального компонента психолингвистического значения полностью основан на «языковом чутье» информантов, т. е. той метаязыковой характеристике слова-стимула, которая приведена ими в качестве ассоциации в ходе эксперимента.

Выделение метаязыкового компонента связано с тем, что при анализе ассоциативных полей стимулов были выявлены ассоциаты особого рода — они не могли быть интерпретированы как семантические компоненты, так как указывали на характер употребления языковой единицы в речи, отношение к ней и др. Такие ассоциаты

были отнесены нами к функциональной характеристике слова и интерпретированы как метаязыковые семы. Они представляют знания носителей языка о правилах употребления слова, способах их образования, языке-источнике и др.

Анализ ассоциативных полей 1080 стимулов (в составе которых 118 799 реакций) [1] показал, что общее количество метаязыковых ассоциаций невелико — 305 ассоциатов (0,003% от общего числа ассоциатов). Однако при небольшом количестве метаязыковых ассоциатов их видовая представленность достаточно разнообразна. В ассоциативных полях 921 стимула метаязыковые ассоциаты отсутствуют (85% от общего количества стимулов).

В тех ассоциативных полях, в состав которых входят метаязыковые ассоциаты, количество функциональных реакций невелико — 1–2 реакции (например: *никакой* — местоимение, *ОМОН* — аббревиатура, *баран* — обзывание, *ругательство* и др.). Все-таки для опрошенных более актуально денотативное содержание семем. Однако встречаются стимулы, на которые были предложены достаточно большое количество подобных ассоциатов — 3–4 реакции (*москаль* — оскорбление 3; *житель Москвы в понимании украинца* и др.). Единичны случаи пяти и более метаязыковых реакций (*зараза* — слово-паразит 3; *ругательство* 2; *грубо, ругать* и др.). Чаще всего это «пустые» с точки зрения семантического наполнения слова, выполняющие какую-либо синтаксическую функцию, например, обращения (стимулы *дорогуша, милочка*), инвектива (стимулы *зараза, гнида, чмо* и др.).

В некоторых случаях при анализе метаязыковых ассоциатов возникают сложные ситуации, связанные с интерпретацией ассоциатов. Один и тот же ассоциат может быть интерпретирован и как семантический компонент денотативного макрокомпонента, и как метаязыковая сема (например, ассоциат *слово* на стимул *держат* может быть интерпретирован как реляционная часть денотативного компонента — актуализация устойчивого выражения «держат слово», и как метаязыковая сема, указывающая на тип языковой единицы, вербализованной стимулом). В по-

добных случаях исследователь интерпретировал ассоциат как объективацию семантики слова, так как информанты чаще обращают внимание не на форму слова как языкового знака, а на его содержание.

При включении метаязыковой информации о слове-стимуле, полученной от информантов, нужно осознавать, что не вся информация с точки зрения лингвистической науки верна, однако она отражает психологически реальное представление о статусе, характере употребления и др. в языковом сознании носителей языка и тоже представляет ценность как для научных целей, так и для педагогических (можно выявлять «слабые» с точки зрения образования места).

В психолингвистическом словаре для исследователей эту информацию можно давать без комментариев, ученый сам сделает соответствующие выводы. В словаре, предназначенном для носителей языка, рядом можно предложить справочные материалы, содержащие реальную информацию о слове. Например, стимул *прохиндей* — реакция *иностранное слово*: по происхождению слово «прохиндей» относится к общеславянским единицам (от слов «прохинь», «хинь» — ерунда, чушь).

Иногда неверная с научной точки зрения информация отражает формирующееся новое значение лексемы: например, реакция *ругательство* на стимулы *олигарх, демократ* — значение «человек, обманывающий простой народ».

Для описания психологически реальной метаязыковой информации можно также использовать трафаретную модель. Многие виды ассоциатов могут быть отнесены к тому или иному микрокомпоненту уже представленной модели (первый вариант, основанный на модели, предложенной Е. А. Маклаковой), для указания некоторых потребуется ввести новые микрокомпоненты.

Перечислим виды метаязыковых ассоциатов, отмеченных в ходе эксперимента информантами в соответствии с описанной ранее трафаретной моделью.

1. Стилистический микрокомпонент

Указание на отнесенность к нелитературным формам современного русского языка (36 ассоциа-

тов): **задница** — нелитературное слово; **круто** — жаргон, сленг; **беспредел** — нецензурно 2; **гнида** — мат; **педик** — нецензурное выражение; **кацап** — вульгаризм и др.

Указание на функцию слова в речи (7 единиц): **блин** — слово-паразит 2; **шняга** — эвфемизм и др.

2. Социальный микрокомпонент

Указание на конкретную группу, члены которой используют данную языковую единицу (адресант) (14 ассоциатов): **жесть** — молодёжь; **фуфло** — тюремный жаргон; **детка** — одно из выражений мужчин; **девка** — так бабушки говорят о плохих девочках и др.

3. Темпоральный микрокомпонент

Указание на темпоральную характеристику слова (12 ассоциатов): **москаль** — старое слово; **инаугурация** — новое; **падла** — советское ругательство и др.

4. Территориальный микрокомпонент

Не отмечен среди метаязыковых ассоциаций, указанных информантами.

5. Частотный микрокомпонент

Указание на частотность употребления слова-стимула (1 ассоциат): **идиот** — слово, одно из первых в моем лексиконе.

6. Социально-нормативный микрокомпонент (неполиткорректное, политкорректное, не актуально)

Метаязыковые ассоциации такого типа практически отсутствуют в ассоциативных полях стимулов. Только одну реакцию можно отнести к этому компоненту: **девка** — не люблю, так нельзя. Характеристика слова-стимула как политкорректного / неполиткорректного пока не актуальна для носителей языка.

7. Коммуникативно-тональный микрокомпонент

Указание на использование единицы для выражения отношения к денотату, ситуации (120 ассоциатов): **бесподобный** — похвала; **бабка** — грубо, грубое обращение к старшему человеку; **блин** — ругательство 3; **брехня** — грубость; **баран** — обзывание, ругательство; **дорогуша** — оскорбительное слово, оскорбление; высказывание, часто нелестное; нелестное обращение; недоброежелание и др.

Указание на выражаемую словом-стимулом эмоциональную характеристику (19 ассоциатов): **детка** — ласка, ласкательно к девушке; шутливое обращение к кому-л.; **дорогуша** — пренебрежение

2; неуважение, фамильярно; уменьшительно-ласкательное; **благоверный** — сарказм и др.

Дополнительно может быть введен такой микрокомпонент, как грамматический — он отражает грамматическую информацию, известную информантам о слове-стимуле.

8. Грамматический микрокомпонент

Указание на тип языковой единицы (10 ассоциатов): **бред** — слово; **тупить** — выражение и др.

Указание на частеречную принадлежность слова-стимула (3 ассоциата): **скинуть** — глагол; **никакой** — местоимение и др.

Указание на грамматическую категорию слова-стимула (3 ассоциата): **кошка** — женский род слов; **самец** — мужской род 2 и др.

Указание на способ образования слова-стимула (10 ассоциатов): **азер** — сокращение от Азербайджан; **вырубить** — от слова «рубить»; **дура** — д-дверь + ура-свет (старославянское) и др.

Указание на способ написания стимула (3 ассоциата): **весёлый** — буква ё; **общаться** — мягкий знак; **суд** — три буквы.

Указание на язык-источник слова-стимула (9 ассоциатов): **альтернатива** — нерусское слово; **га-старбайтер** — немецкий язык; **резюме** — французский; **пижон** — голубь (франц.) и др.

Указание на правила произношения (орфоэпическую норму) (1 ассоциат): **афера** — ударение.

Указание на синтаксическую функцию слова-стимула — использование слова в качестве обращения (17 ассоциатов): **сударья** — обращение; **дядька** — обращение к незнакомому мужчине; **мадам** — нестандартное обращение, обращение, саркастическое обращение и др.

Если грамматическая информация о слове — это один из элементов словарной статьи, то микрокомпонент, который отражает индивидуально-образную информацию о слове, не содержит ни один толковый словарь. Этот компонент психолингвистического значения отражает индивидуальные представления о слове, указывает на отношение к слову-стимулу, степень освоенности его значения:

9. Индивидуально-образный микрокомпонент

Указание на эстетическую сторону употребления слова (3 ассоциата): **гнида** — ой, как некрасиво звучит; **хахаль** — много «х» пожалуй слишком; **старушенция** — плохо звучит.

Указание на эмоционально-оценочное отношение к слову-стимулу (14 ассоциатов): *промокашка* — смешное слово; *чумовой* — дебильное слово; *отпадный* — глупое слово; *сволочь* — любимое слово и др.

Представление слова с помощью языковой игры (7 ассоциатов): *жаргон* — *нограж* (буквы стимула в обратном порядке); *семья* — *7я* (буквенно-цифровая запись слова-стимула) и др.

Указание на незнание значения слова-стимула (10 ассоциатов): *азер* — непонятно; *баланда* — непонятно; *интеграция* — непонятное слово; *корифей* — непонятно и др.

Указание на тематическое поле, к которому относится слово-стимул (6 ассоциатов): *импичмент* — что-то из политики 5; *бодяга* — медицина и др.

Анализ свидетельствует о том, что наиболее актуальна для носителей языка оценка слова-стимула с точки зрения коммуникативной тональности (139 ассоциатов). Это объясняется тем, что в АСУРЛ входит достаточно большое количество сниженной, инвективной лексики, которая и была охарактеризована информантами как оскорбительная. Менее актуальны такие микрокомпоненты, как грамматический (56 ассоциатов), стилистический (43 ассоциата) и индивидуально-образный (40 ассоциатов). Незначительно представлены социальный (14 ассоциатов) и темпоральный (12 ассоциатов) микрокомпоненты. Остальные компоненты не актуальны для сознания носителей языка.

Метаязыковые ассоциации также подвергались семантической интерпретации: сходные ассоциаты разной формы, но близкие по смыслу объединялись, формулировалось единое обозначение данной метаязыковой семы. Например, ассоциаты *обращение 2*, *нелестное обращение*, *обращение к кому-либо*, *обращение к человеку* на стимул *дорогуша* были объединены в одну метаязыковую сему «в речи выполняет функцию обращения».

Приведем пример описания метаязыкового макрокомпонента второго типа, основанного только на метаязыковых ассоциациях, входящих в ассоциативное поле слова-стимула.

Девка (семема «девушка») — стилистический микрокомпонент: сленговое 1 (*сленг*); со-

циальный микрокомпонент: используется в речи женщин старшего возраста 1 (*так бабушки говорят о плохих девочках*); социально-нормативный микрокомпонент: неполиткорректное 1 (*не люблю, так нельзя*); индивидуально-образный микрокомпонент: неприятное слово 1 (*не люблю, так нельзя*).

Детка (семема «девушка») — стилистический микрокомпонент: жаргонное 1 (*жаргон*); социальный микрокомпонент: используется в речи мужчин 1 (*одно из выражений мужчин*); коммуникативно-тональный микрокомпонент: ласкательное 2 (*ласка, ласкательно к девушке*), шутливое 1 (*шутливое обращение к кому-л.*); грамматический микрокомпонент: используется в функции обращения 2 (*шутливое обращение к кому-л., ласкательно к девушке*); индивидуально-образный микрокомпонент: неприятное слово 1 (*противное слово*).

Описание всех трех макрокомпонентов психолингвистического значения слова с помощью трафаретной модели позволяет, с одной стороны, сделать это описание единообразным для большей части лексики, с другой — обнаружить и проанализировать степень заполненности каждого элемента значения в разных группах лексики (слова разной частеречной, стилистической принадлежности, слова с разной коннотативной составляющей и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассоциативный словарь употребительной русской лексики: 1080 стимулов / Науч. ред. А. В. Рудакова, И. А. Стернин. Воронеж, 2011.
2. Залевская А. А. Значение слова через призму эксперимента: монография. Тверь, 2011.
3. Литвинова Ю. А. Психолингвистическое значение лексемы «город» // Вестн. ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2012. № 1. С. 73–75.
4. Маклакова Е. А. Теоретические принципы семной семасиологии и лексикографическое описание языковых единиц (на матер. наименований лиц русского и английского языков): дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2014.
5. Рудакова А. В., Стернин И. А. Алгоритм описания психолингвистического значения слова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015. № 4. С. 100–108.
6. Рудакова А. В. Методика описания денотативного макрокомпонента психолингвистического значения слова // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2014. № 2. С. 66–68.

7. Саломатина М. С. От ассоциативного эксперимента к психолингвистическому толковому словарю: перспективы и трудности / М. С. Саломатина // Вестн. ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2011. № 2. С. 107–109.

8. Стернин И. А., Рудакова А. В. Проблемы создания психолингвистического толкового словаря русского языка // Вопросы психолингвистики. 2012. № 2(16). С. 174–183.

9. Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение и его описание: теоретические проблемы: монография. — Saarbrücken, 2011.

10. Тимошина Т. В. Психолингвистические значения слова в языковом значении школьников // Вестн. ЯрГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. № 3(25). С. 115–117.

11. Фридман Ж. И. Психологически реальное значение слова как феномен языкового сознания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006.

REFERENCES

1. Rudakova A. V., Sternin I. A. (2011) Assotsiativnyi slovar' upotrebitel'noi russkoi leksiki: 1080 stimulov. Voronezh. (in Russian)
2. Zalevskaia A. A. (2011) Znachenie slova cherez prizmu eksperimenta: monografiia. Tver'. (in Russian)
3. Litvinova Iu. A. (2012) Psikholingvisticheskoe znachenie leksemy «gorod». Vestnik VGU. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika. 2012, no. 1, p. 73–75. (in Russian)

4. Maklakova E. A. (2014) Teoreticheskie printsipy semnoi semasiologii i leksikograficheskoe opisanie iazykovykh edinit (na materiale naimenovaniy lits russkogo i angliiskogo iazykov): disertacia. Voronezh. (in Russian)

5. Rudakova A.V., Sternin I. A. (2015) Algoritm opisaniia psikholingvisticheskogo znachenii slova. Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal, no. 4, p. 100–108. (in Russian)

6. Rudakova A. V. (2014) Metodika opisaniia denotativnogo makrokomponenta psikholingvisticheskogo znachenii slova. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika, no. 2, p. 66–68. (in Russian)

7. Salomatina M. S. (2011) Ot assotsiativnogo eksperimenta k psikholingvisticheskomu tolkovomu slovari: perspektivy i trudnosti. Vestnik VGU. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika, no. 2, p. 107–109. (in Russian)

8. Sternin I.A., Rudakova A. V. (2012) Problemy sozdaniia psikholingvisticheskogo tolkovogo slovaria russkogo iazyka. Voprosy psikholingvistiki, no. 2 (16), p. 174–183. (in Russian)

9. Sternin I. A., Rudakova A. V. (2011) Psikholingvisticheskoe znachenie i ego opisanie: teoreticheskie problemy: monografiia. Saarbrücken. (in Russian)

10. Timoshina T. V. (2013) Psikholingvisticheskie znachenii slova v iazykovom znachenii shkol'nikov. Vestnik IarGU. Ser.: Gumanitarnye nauki, no. 3 (25), p. 115–117. (in Russian)

11. Fridman Zh. I. (2006) Psikhologicheski real'noe znachenie slova kak fenomen iazykovogo soznaniia: avtoreferat dissertatsii. Voronezh. (in Russian)

[хроника]

XXXVII АПРЕЛЬСКИЕ ЧТЕНИЯ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СПБГУ

37th APRIL CONFERENCE AT THE DEPARTMENT OF RUSSIAN LITERATURE (SPbSU)

(Продолжение на с. 18, 25, 36, 79)

21–22 апреля 2016 года прошли XXXVII Апрельские чтения кафедры истории русской литературы СПбГУ. Идея проведения регулярных научных мероприятий, имеющих целью обсуждение спорных и актуальных проблем литературоведения, развитие современных методов исследования, обмен мнениями между представителями различных школ и направлений, принадлежала профессору Георгию Пантелеймоновичу Макогоненко (1912–1986), активно участвовавшему в проведении первых подобных заседаний. На протяжении десятилетий на них выступали сам Г. П. Макогоненко, Г. А. Бялый, В. Э. Вацуро, Ю. М. Лотман, В. М. Маркович, З. Г. Минц, А. Б. Муратов, А. М. Панченко, многие другие яркие ученые. В последние годы Апрельские чтения приобрели характер масштабных научных мероприятий с участием ведущих литературоведов России и зарубежья. Так, в прошлом году в рамках Апрельских чтений была проведена Международная научная конференция «Современные проблемы компаративистики», тема Международного научного семинара этого года была сформулирована следующим образом: «Интертекстуальный анализ: принципы и границы». Программа семинара включала около 30 выступлений литературоведов, представляющих университеты и научные центры Петербурга и Москвы, Гамбурга, Иерусалима, Нью-Йорка, Хайфы. Чрезвычайно

широк был и круг затронутых в докладах проблем, спектр подходов к проблематике семинара.

Интертекстуальный анализ уже долгое время остается одним из наиболее популярных направлений в литературоведении, однако сами понятия «интертекст», «интертекстуальность» до сих пор остаются дискуссионными. В этой связи предметом целого ряда выступлений участников семинара стала теоретическая рефлексия по поводу этого ключевого концепта.

Так, в докладе Ф. Н. Двнятина (СПбГУ) «Поэтическая традиция — топика — интертекстуальность» была предложена классификация типов межтекстовых переключек: неосознанные повторы, обусловленные принадлежностью к единой традиции, — использование общего репертуара топосов, характерное, прежде всего, для традиционной словесности, — непосредственный диалог между авторами, т. е. интертекстуальность как таковая. Проблеме соотношения интертекстуальности и топики посвятил свое выступление и П. Е. Бухаркин (СПбГУ), подчеркнувший исторически изменчивый характер межтекстовых взаимодействий, в силу чего применительно, в частности, к риторической словесности от понятия интертекстуальности следует отказаться, поскольку обычная для культуры «готового слова» практика «заимствований» отнюдь не подразумевает диалогических отношений с произведе-

Д. В. Руднев

БЕЗЛИЧНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ СВЯЗОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DMITRY V. RUDNEV

IMPERSONAL USE OF COPULAR VERBS: PAST AND PRESENT

В статье описывается употребление связочных глаголов в различных типах безличного предложения. Исследуются причины, обуславливающие способность связочного глагола к безличному употреблению, дается исторический экскурс безличного употребления различных связочных глаголов.

Ключевые слова: безличное предложение; связочный глагол; семантика; сочетаемость.

The paper deals with the use of copular verbs in different types of impersonal sentences, and explores the reasons influencing the ability of copular verb for participating in impersonal structures; the historical overview of various copular verbs' impersonal usage is also presented.

Keywords: impersonal sentence; copular verb; semantics; distribution.

Проблема безличного употребления связочных глаголов специально не ставилась в научной литературе и предполагает решение ряда частных вопросов, связанных с определением функций связочного глагола в безличном предложении, определением набора связок, способных к безличному функционированию, их синтагматических свойств, описанием моделей безличного предложения, в которых способны употребляться связочные глаголы, и других вопросов.

Функции связочного глагола в односоставном предложении претерпевают ряд изменений по сравнению с двусоставным предложением: связка «в большей степени становится грамматическим „аффиксом“, создавая, прежде всего, грамматическую форму предложения» [4: 85]. В односоставном предложении связка продолжает выполнять квалифицирующую функцию, оценивая независимый предикативный признак, однако логико-семантические типы отношений (тождества, подобия, номинации, идентификации, классификации, характеристики и пр.) представлены в односоставных предложениях значительно скромнее, так как некоторые виды отношений возможны лишь при расчлененном обозначении предмета и его предикативного признака [Там же: 85–86]. Это обстоятельство объясняет, почему далеко не все связочные глаголы способны употребляться в безличном предложении. Безличное употребление ограничивается двумя группами связок — фазисными и модальными; логические связки (*являются, служит, называться* и др.), а также все неспециализированные связки не способны к безличному употреблению.

Безличные предложения со связочными глаголами представлены разнообразными типами. В самостоятельном безличном предложении связочные глаголы встречаются: а) в сочетании со словами категории



**Дмитрий Владимирович
Руднев**

Кандидат филологических наук,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры русского языка

Санкт-Петербургский
государственный университет
Университетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

► rudnev@mail.ru

Dmitry V. Rudnev

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034, Russia

состояния или их эквивалентами (*Мне **сделалось** грустно*), в том числе в предложениях, включающих в свой состав инфинитив (*Мне **показалось** стыдно об этом просить*); б) в безлично-отрицательных предложениях (*У меня **не оказалось** денег*); в) в безлично-инфинитивных предложениях (*Мне **стало** не о чем говорить*); г) в предложениях количественной характеристики (*Работы **оказалось** много*). Безличное предложение со связочным глаголом может быть частью сложноподчиненного предложения, при этом связочный глагол выполняет две функции: а) выступает в сочетании со словами категории состояния, служащими опорными словами для придаточного изъяснительного (*Мне **осталось** непонятно, что я должен был делать*); б) самостоятельно употребляется в качестве опорных слов для этого типа придаточного (*Мне **показалось**, что кто-то пришел*). Не все указанные типы предложений представляют однозначно безличное употребление связочных глаголов. Некоторые конструкции могут быть охарактеризованы как двусоставные с пропозициональным (ситуативно-предметным) подлежащим, выраженным инфинитивом или придаточным предложением [2: 142–149; 8: 148–152].

Фазисные и модальные связочные глаголы обладают неодинаковой способностью к употреблению в различных типах безличного предложения. Ниже мы попытаемся разобраться в причинах этого, описав и сопоставив дистрибутивные возможности разных связочных глаголов.

1. Модальные связочные глаголы

Эта группа связок представлена двумя основными подгруппами: связками со значением кажимости, мнимости (*казаться, показаться, представляться, представиться, мниться, видеться* и др.) и эмергенциальными связками, или, иначе, связками со значением обнаружения (*оказаться, оказываться, обнаруживаться, получаться*; вышедшие из употребления связки *обрестись, явиться, найтись*).

Наибольшими возможностями обладают модальные эмергенциальные связки, особенно связка *оказаться*, способная употребляться во всех типах безличных конструкций. Например:

...когда стали поверять бутылки в погреб, так четырех бутылок виноградного вина и двух бутылок наливки нигде **не оказалось** (М. Н. Загоскин); *И **оказалось** ясно, какого рода создание человек...* (Н. В. Гоголь); ***Оказалось**, что это сам хозяин загоняет свою девчонку-негритянку домой, как отставшую овцу* (И. А. Гончаров); *Здравый смысл отказывался верить, а **не верить** оказалось невозможно* (В. В. Крестовский); *К сожалению, **обдумывать** оказалось некогда* (А. И. Эртель); *В минуту он успел поздороваться и с председателем суда, и с прокурором, и с головой — со всеми, с кем считал нужным поздороваться первый; таковых, впрочем, **оказалось** не много* (М. Горький).

Другие эмергенциальные связки, отличаясь широкой сочетаемостью, все же не способны употребляться во всех типах безличных конструкций. Например:

(*явиться*) *...королевских же устроенных кадетских и гардемариных училищ для онаго французскаго шляхетства весьма **недостаточно явилось**...* (В. Н. Татищев); *...но по искусству **явилось**, что сие токмо немощным и безгласным разорением, а ябедником и сильным ничего не приносит* (В. Н. Татищев);

(*найтись*) *Псалма, преложеннаго Феофаном, архиепископом, при письме вашего превосходительства **не нашлось**, и думаю, что он ошибкою остался* (М. В. Ломоносов); *Вскоре потом **нашлось**, что и лорд Нигисдал должен подвергнуться тому же жребию...* (Н. Г. Курганов).

По-видимому, способность эмергенциальных связок употребляться в безличных конструкциях обусловлена их семантической близостью к глаголу *быть*, под влиянием которого происходит существенное расширение их сочетаемостных свойств, в частности развитие безличного употребления. Связка *оказаться* подобно глагольной связке *быть* утверждает истинный характер предикативного признака, одновременно указывая, что ранее истинная связь между предметом и его признаком была неизвестна; ср. словарную дефиницию связочного глагола *оказаться* 'обнаруживаться, являться в своем действительном виде, как на самом деле' [10: 767–768]. Семантически близкими оказываются отрицательно-безличные предложения с глаголом *быть* и эмергенциальными связками (*Его **не было** дома — Его **не оказалось** дома*). Как отмечает Е. В. Падучева, в отрицательно-безличных предложениях с глаголом *быть* генитив маркирует присутствие фигуры наблюдателя [3: 465]; это является дополнительной

зоной взаимодействия глагола *быть* и эмергенциальных связей, в частности связки *оказаться*, в семантике которых содержится указание на фигуру наблюдателя.

В отличие от эмергенциальных связей модальные связки со значением кажимости имеют очень ограниченное употребление в безличных конструкциях. К числу конструкций, где они встречаются более или менее регулярно, относятся, во-первых, простые предложения со словами категории состояния и инфинитивом; например:

Стыдно мне казалось явиться с бритвой и гребенкой в том городе, где некогда все знали меня как достаточного молодого человека и где несчастное безрассудство отца моего было еще у всех в свежей памяти (О. М. Сомов); *И ей в этот вечер казалось горько жить на свете* (И. А. Гончаров).

Во-вторых, сферой употребления модальных связок со значением кажимости являются сложноподчиненные предложения, где эти связки выступают в качестве предиката пропозиционального отношения (*кажется, что...*) либо в сочетании со словами категории состояния, которые выполняют функцию опорных слов для придаточных изъяснительных (*показалось странно, что...*). Например:

По сему видится, что рабство и неволя противозаконны христианского (В. Н. Татищев); *Мне кажется, что торг твой тебе был не в убыток* (А. Н. Радищев) — *Шиллеру показалось очень досадно, что вдруг незнакомое, непрошеное лицо так некстати ему помешало* (Н. В. Гоголь).

Хронологически более ранним является употребление связочных глаголов со значением кажимости в качестве предикатов пропозиционального отношения: такое употребление развивается у этих глаголов на основе модального значения, которое они приобретают в двусоставном предложении в позиции связки. Позже у них развивается способность к употреблению со словами категории состояния в составе главной части сложноподчиненного предложения и в составе простого предложения в сочетании с инфинитивом.

Три безличных конструкции, в которых встречаются модальные связки со значением кажимости, объединяет то, что они находятся

на грани двусоставных и односоставных структур: инфинитив в простом предложении и придаточное изъяснительное в сложноподчиненном предложении могут быть осмыслены как пропозициональное подлежащее, относительно которого связочный глагол (в сочетании со словами на *-о* или самостоятельно) выполняет роль сказуемого [2: 130–134]. В связи с этим очень примечательной выглядит тенденция к замене слов на *-о* полными прилагательными в форме Тв. п. в этих конструкциях, которая начала действовать в последней трети XVIII века. Ср.:

Ему также казалось странным, что он в сем постоянном стане воинском не видел ни одного коня (Ф. В. Булгарин); *Мне показалось удобным воспользоваться этой минутой...* (И. И. Панаев); *Трудиться казалось ему тоже странным* (И. А. Гончаров).

Безличное употребление модальных глаголов со значением кажимости в иных конструкциях либо не наблюдается вообще (например, в безлично-отрицательных, безлично-инфинитивных конструкциях), либо отмечается крайне редко; например:

Она съездила в отечество свое, занялась было делом в Париже; но там показалось ей тесно после раздолья русского, жизнь слишком разменяна на дрянную мелкую монету (А. Ф. Вельтман); *...но времени впереди казалось еще много, ребенку ведь все равно, куда он приписан и где числится, а вырастет — успеет отпустить* (В. И. Даль).

В целом можно сделать вывод о том, что связочные глаголы со значением кажимости обычно не употребляются в безличных предложениях, которые максимально противопоставлены двусоставным предложениям. Это обусловлено, по-видимому, когнитивной структурой этих глаголов, содержащих указание на объект чувственного восприятия, а также на его оценку и интерпретацию наблюдателем: для выражения этого значения абсолютно безличные структуры оказываются неподходящими.

2. Фазовые связочные глаголы

Для фазовых глагольных связок, в силу отсутствия ярко выраженного модального значения, исключена позиция предиката пропозиционального отношения. Остальные безличные структуры возможны, однако есть ряд специфических черт по сравнению с модальными связка-

ми. Прежде всего, можно отметить, что фазовые связочные глаголы со значением возникновения признака (*стать–становиться, делаться–сделаться*) употребляются в безличных конструкциях несравненно чаще, чем фазовые связочные глаголы со значением продолжения обладания признаком (*остаться–оставаться*). Другой чертой безличного употребления фазовых связочных глаголов является то, что даже в пределах одной семантической группы разные фазовые связки обнаруживают неодинаковую способность к употреблению в безличных конструкциях.

Фазовые связки со значением возникновения признака встречаются хотя и не во всех безличных конструкциях, однако имеют самую высокую долю безличного употребления среди всех связок (см. приводимую ниже таблицу на основе данных Национального корпуса русского языка).

Таблица. Безличное употребление фазовых связок в русском языке XVIII–XIX вв.

	XVIII в.	1800–1850 гг.	1890–е гг.
<i>стать</i>	8%	33%	25%
<i>становиться</i>	2%	16%	17,5%
<i>сделаться</i>	2%	7,5%	12,5%
<i>делаться</i>	нет	6,5%	20%

Приведенные в таблице данные показывают, что связочный глагол *стать–становиться* развил способность к безличному употреблению раньше, чем глагол *делаться–сделаться*, и обладает этой способностью в большей мере. Кроме того, можно сделать однозначный вывод о том, что разные видовые формы фазовых связок с разной частотностью представлены в безличных конструкциях.

Среди фазовых связок в отношении своей способности употребляться в безличных конструкциях особое место принадлежит связке *стать*. Первые случаи безличного употребления связки *стать* относятся к XVII веку, ср.:

...а в кьлейце моей **стало свѣтло** в полунощи (Житие Епифанія); Помышляю лежа: «Христе, свете истинный, аще не ты меня от безгоднаго сего и нечаемого времени избавишь, **нечева** мне **стало делати**: яко червь исчезаю» (Житие протопопы Аввакума).

Эту связку характеризует не только очень высокая доля безличного употребления, но и то, что она встречается в максимальном числе типов безличных конструкций. В отличие от других фазовых связок со значением возникновения признака она, например, употребляется в отрицательно-безличных и безлично-инфинитивных конструкциях:

Он увидел, что ему в коллегии **делати стало нечего**, и для того повез меня мучить в деревню (Д. И. Фонвизин). ...ах! она помнила, что у нее был отец и что его **не стало**, но для успокоения матери старалась таить печаль сердца своего и казаться покойною и веселою (Н. М. Карамзин).

Наиболее частотным безличным употреблением связки *стать* является употребление в простом предложении в сочетании со словами категории состояния:

В сердце у меня **стало тепло** от удовольствия, как у ребенка, которому подарили любимую игрушку... (О. М. Сомов); Наконец ему **стало стыдно** самого себя (В. А. Соллогуб).

Значительно реже отмечается безличное употребление связки *стать* в предложениях, где помимо слов категории состояния присутствует инфинитив:

Мне **страшно стало оставаться** одному, и целых три дня я бродил по городу в глубокой тоске, решительно не понимая, что со мной делается (Ф. М. Достоевский); Разговор понемногу перешел на то, как теперь **стало трудно жить**, как все дорого и как редко выслуживаются и попадают в люди мелкие чиновники (А. И. Куприн).

Наконец, связка *стать* представлена в конструкциях количественной характеристики, а также в сочетании со словами категории состояния, выступающими в качестве опорного слова для придаточного изъяснительного; например:

Кажется, против прежнего и гусей **стало меньше** (А. П. Чехов); Теперь, конечно, уж не та категория людей, и не секут, и живут чище, и наук **стало больше**, но, знаете ли, душа все та же, никакой перемены (А. П. Чехов);

Дяде уж самому **стало досадно**, что он пустился в такие объяснения о том, что считал общеизвестной истиной (И. А. Гончаров); Приятельскому кружку, однако, скоро **стало известно**, что между ними установилась любовь (Н. С. Лесков).

Для безличного употребления связки *стать*, а также других фазовых связок — в отличие от модальных связок — не является характерной замена слов на –о полными прилагательными

в Тв. п. Приведенные примеры безличного употребления связки *стать* свидетельствует о том, что она способна вводиться в самые разнообразные структуры, сближаясь в этом отношении с эмергенциальными связками. Синтагматическая близость к эмергенциальным связкам обусловлена генезисом связки *стать*. Вероятнее всего, возникновение связочного употребления глагола *стать* произошло на основе значения 'явиться, предстать' [9: 23]. Это значение, развившееся из значения 'расположиться, остановиться где-л.', содержит указание на фигуру наблюдателя, то есть содержит в своей семантике эмергенциальный смысловой компонент, который сближает связку *стать* со связочными глаголами типа *оказаться*. Длительное время фазовое значение связки *стать* было осложнено модальным оттенком обнаружения, который был утрачен ею лишь к XIX веку. Особенность семантики находила отражение в сочетаемости этой связки, нетипичной для других фазисных связок [6].

Эмергенциально-результативный оттенок до сих пор ощущается в семантике этой связки при ее употреблении в безлично-отрицательных и безлично-инфинитивных предложениях. В современном русском языке для связки *стать* невозможно лишь безличное употребление в качестве предиката пропозиционального отношения (**стало/станет, что...*), однако не исключено, что такое употребление было возможно в русском языке XVI–XVII вв.: такое предположение позволяет сделать существование в современном русском языке вводных единиц *стало быть* (разг.), *стало* (прост.). Образование вводных единиц, генетически связанных со связочными глаголами, регулярно происходит на основе их употребления в качестве предикатов пропозиционального отношения [7].

Связка *становиться* не имела и не имеет таких широких возможностей для безличного употребления, как связка *стать*, так как никогда не содержала эмергенциального оттенка в своей семантике. Для нее возможно безличное употребление в простом предложении в сочетании со словами категории состояния (в том числе изредка при наличии инфинитива), в предложениях количественной характеристики, а также в соста-

ве главной части сложноподчиненного предложения в сочетании со словами категории состояния, выступающими в качестве опорных слов для придаточного изъяснительного. Например:

Час от часу становилось ему [Андрею Ивановичу] страшнее (Н. Ф. Павлов); *Становилось темно*. Наконец наступила ночь, покрыв всю окрестность мрачною завесой (В. А. Соллогуб); *Оставаться* долее за портьерой *становилось неудобно*, и Сергей Григорьевич предпочел войти в залу (А. И. Куприн); *Дождь только что перестал, облака быстро бежали, голубых просветов становилось все больше и больше на небе* (А. П. Чехов).

Связочный глагол *делаться–сделаться* развил способность к безличному употреблению по аналогии со связочным глаголом *стать–становиться* в течение XIX века, однако число безличных конструкций, где он встречается, ограничено. Главным образом их безличное употребление отмечается в простом предложении, где безличные формы связок *делаться* и *сделаться* сочетаются со словами категории состояния (особенно часто со словами *грустно, дурно, лучше, скучно, совестно, страшно, тошно* и нек. др.). Например:

Когда Матвей Егорыч переехал с казенной квартиры на наемную, ему сделалось очень грустно (И. И. Панаев); *...в продолжение бала ей [барышне] уже делалось три раза дурно* (И. И. Панаев); *И всем делалось в одно и то же время и жалко и жутко* (М. Е. Салтыков-Щедрин).

Связки *делаться* и *сделаться* употребляются в основном для описания состояния субъекта; употребление связочного глагола *делаться–сделаться* в семантической модели «природа / окружающая среда и ее состояние» является редким, а во второй половине XIX века еще больше сокращается, например:

Наконец, когда на дворе сделалось сыровато, дамы пошли в комнаты переодеться и приготовляться к танцам (Ф. В. Булгарин); *Отчего так темно делалось?* (Н. Г. Гарин-Михайловский); *В навильоне делалось врозь страшно тихо...* (А. И. Куприн).

Остальные безличные модели редко включают в себя связки *делаться* и *сделаться*, однако их употребление возможно и в них. Например:

...тогда мне делается несносно и тяжело жить, и невольно приходят в голову самые черные мысли (М. Е. Салтыков-Щедрин); *А между тем теперь отыскать и поймать потрясателя сделалось уже со-*

вершено **необходимо**... (Н. С. Лесков); И Афанасию Ивановичу **сделалось жалко**, что он так пошутил над Пульхерией Ивановной, и он смотрел на нее, и слеза повисла на его реснице (Н. В. Гоголь); ...и мне **делалось** даже **совестно**, что я из богемы делаю скачок прямо в заколдованный круг Ротшильдов (Д. Н. Мамин-Сибиряк); Мне **сделалось ясно**, что уезжает последний знакомый человек и что теперь я остаюсь уже окончательно один (Д. Н. Мамин-Сибиряк).

В последних двух типах безличных конструкций слова на –о изредка заменяются полными прилагательными в Тв. п.:

Из слов их делалось ясным, что они крепко обдумали предложение барина и рады отправиться хоть сию минуту (Д. В. Григорович).

Ограниченная возможность безличного употребления связочного глагола *делаться–сделаться* напрямую обусловлена ее происхождением от глагола со значением созидания. Исследователи отмечают, что глагольная связка *сделаться* частично сохраняет значение активного действия в современном русском языке, что может привносить в конструкции с ней оттенок динамики возникновения признака [5: 88], она более конкретно и наглядно, чем *стать*, выражает фазисное значение изменения и поэтому практически не используется в плане будущего отдаленного, будущего неопределенного, заменяясь в этих случаях связкой *стать* [11: 74]. В современном русском языке связка *сделаться* содержит в своей семантике сему личности и поэтому тяготеет к сочетанию с именем лица в позиции подлежащего [1: 13]. Оттенок динамичности возникновения признака оказывается уместным в безличных конструкциях, которые описывают состояние человека, подчеркивая психическую активность субъекта состояния, однако в других случаях этот оттенок плохо коррелирует с общей семантикой конструкции. Например, в семантической модели «природа / окружающая среда и ее состояние» содержится указание на фигуру наблюдателя, степень психической активности которого значительно ниже, чем в предыдущей модели. Еще в большей мере это относится к предложениям количественной характеристики.

Итак, фазовые связочные глаголы со значением возникновения признака регулярно упо-

требляются в безличных конструкциях; в отличие от них фазовый связочный глагол со значением продолжения обладания признаком *остаться–оставаться* имеет очень ограниченную способность к безличному употреблению. В наших материалах почти нет примеров безличного употребления связочного глагола *остаться–оставаться* в простом предложении в сочетании со словами категории состояния: ...где было темно, там и **остаётся темно**... (Вестник Европы, 1868). Зато частотны примеры, которые могут быть отнесены с оговорками к безличному употреблению: речь идет об употреблении связок *остаться* и *оставаться* в сочетании с опорными словами, присоединяющими придаточное изъяснительное. В таких предложениях связочный глагол *остаться–оставаться* регулярно сочетается с опорными словами, указывающими на неизвестность информации, заключенной в придаточной части. Например:

Каким же образом происходит зачатие и питание или приращение, остаётся ещё вопросом, которой в одних токмо догадках доселе имел решение (А. Н. Радищев); *Влюбилась ли также Авдотья Петровна — неизвестно и, вероятно, останется вечной тайной* (В. А. Соллогуб); *И непонятным остаётся, как это Васька идет с ними, живет с ними, ест с ними* (А. М. Ремизов).

Эти примеры характеризуются тем, что в качестве опорного слова употребляются главным образом полное прилагательное и существительное в Тв. п. Слова на –о встречаются редко и, по-видимому, относятся уже к прошлому:

Что в оном находится, по невозможности взглянуть и по незнанию языка, осталось нам неизвестно (Ф. Ф. Беллинсгаузен).

Такие предложения близко стоят к двусоставным предложениям с подлежащим, выраженным фразовым подлежащим. На это указывает возможность введения слов типа *это, все*. Например:

Я вам говорю, что я в вас не сомневаюсь... притом это все останется тайной между нами (И. С. Тургенев); *Когда он ушел и как ушел — все осталось неизвестным* (Д. Н. Мамин-Сибиряк).

Встает вопрос, почему связочный глагол *остаться–оставаться* имеет столь ограниченные способности к безличному употреблению.

Судя по всему, это можно связать с общей семантикой безличных конструкций со словами категории состояния: значение состояния уже содержит указание на длительность (дуративность) признака, что делает лишним употребление связок *остаться* и *оставаться*. При необходимости подчеркнуть неизменность состояния употребляется наречие *по-прежнему*; сочетание *всё так же* и т. п.; например:

Если будет всё так же холодно, Ваши уедут дня через два куда-то станции за две отсюда, на какую-то речку, где потише, теплее и подешевле, и там дождутся срока ехать в Дрезден, то есть недели полторы (И. А. Гончаров); *В горнице было по-прежнему темно, и на крыльце никто не показывался* (Н. С. Лесков).

Приведенные выше безличные конструкции не являются единственными для связочного глагола *остаться–оставаться*: он может вводиться также в безлично-отрицательные предложения и предложения количественной характеристики. Возможность этих двух типов безличных конструкций для связочного глагола *остаться–оставаться* обусловлена, как представляется, его семантической близостью к глаголу *быть*. (Ср. словарную дефиницию связочного глагола *остаться–оставаться*: ‘сохраняться, не переставать существовать’ [10: 1161].) Например:

В полгода от двухсот пятидесяти тысяч не осталось и половины (А. Ф. Вельтман); *А для серьезного разговора на эту тему теперь уже не оставалось времени...* (В. Г. Короленко).

Выводы. Сопоставительный анализ связочных глаголов показывает их неоднородность как в отношении способности вводиться в разные типы безличных конструкций, так и в отношении частотности безличного употребления. Наиболее частотным связочным глаголом в безличных конструкциях является глагол *стать–становиться*; это обусловлено тем, что этот глагол является практически единственным способом выражения начала наступления состояния в безличных предложениях с предикатом, выраженным словами категории состояния. Глагол *делаться–сделаться* относится к уходящим явлениям русского языка и уступает глаголу *стать–становиться* как по общей частотности употребления в двусоставных и односоставных именных предложениях, так

и по способности употребления в разных структурно-семантических типах безличного предложения в силу особенностей своей семантики.

Наиболее широкими возможностями употребляться в разных типах безличного предложения обладают эмергенциальные связки, особенно связка *оказаться*. Основной причиной этого является то, что эмергенциальное значение, то есть значение обнаружения, сближается с бытийным значением; в силу этой близости глагол *быть*, обладающий максимальными синтагматическими возможностями среди предикатов, оказывает влияние на эмергенциальные глаголы, способствуя расширению их сочетаемости. Однако общая частотность безличного употребления связки *оказаться* значительно ниже, чем связок *стать* и *становиться*, так как у говорящего гораздо реже возникает потребность в выражении значения обнаружения, чем значения возникновение.

Связки со значением мнимости тяготеют к употреблению в тех безличных структурах, которые имеют спорный статус и могут быть квалифицированы как двусоставные. Это обусловлено когнитивной структурой этих связок, которые содержат указание на объект восприятия, субъект восприятия, его перцептивно-оценивающую деятельность и результат этой деятельности: реализация когнитивной структуры этих связок в тех безличных предложениях, в которых максимально редуцирован субъект, становится практически невозможной.

Одним из наиболее редких связочных глаголов, употребляющихся в безличных предложениях, является глагол *остаться–оставаться*. Семантическая близость к глаголу *быть* делает для него возможным употребление в разных типах безличных структур, однако такое употребление в некоторых безличных структурах — скорее потенциальная возможность. Это особенно относится к наиболее частотной безличной структуре, предикат которой включает слова категории состояния: состояние предполагает имплицитное указание на длительность и неизменность, поэтому употребление глагола *остаться–оставаться* оказывается семантически избыточным.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Аналогичным образом развил связочное употребление глагол *выйти*. Фазисное значение этого связочного глагола, осложненное, как и у связки *стать* в древности, эмергентным смысловым оттенком, развилось на основе исходного значения движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коротаева М. В. Полузнаменательные связочные глаголы в современном русском языке. Киров, 1996.
2. Ломов А. М. Типология русского предложения. Воронеж, 1994.
3. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
4. Попова Л. В. Связка в односоставных личных предложениях // Русский язык в школе. 2009. № 4. С. 84–89.
5. Попова Л. В. Система связей именного сказуемого в современном русском языке. Архангельск, 2005.
6. Руднев Д. В. О происхождении связочного глагола *стать* // Русский язык в научном освещении. 2014. № 2. С. 82–103.
7. Руднев Д. В. Модальные глаголы-связки и их роль в формировании семантики опорных слов сложноподчиненного предложения // Вестн. СПбГУ. Сер. 9. 2011. Вып. 1. С. 128–133.
8. Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс): учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М., 2006.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 28 (*Старичекъ — Сулебный*). М., 2008.

10. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 8 (О). М.; Л., 1959.

11. Чернов В. И. Полузнаменательные связочные глаголы в современном русском языке // Вопросы русского языкознания. Вып. 1. Куйбышев, 1976. С. 71–88.

REFERENCES

1. Korotaeva M. V. (1996) Poluznamenatel'nye svyazochnye glagoly v sovremennom russkom yazyke. Kirov. (in Russian)
2. Lomov A. M. (1994) Tipologiya russkogo predlozheniya. Voronezh. (in Russian)
3. Paducheva E. M. (2004) Dinamicheskie modeli v semantike leksiki. Moscow. (in Russian)
4. Popova L. V. (2009) Svyazka v odnosostavnykh lichnykh predlozheniyakh. *Russkii yazyk v shkole*, no 4, p. 84–89. (in Russian)
5. Popova L. V. (2005) Sistema svyazok imennogo skazuemogo v sovremennom russkom yazyke. Arkhangel'sk. (in Russian)
6. Rudnev D. V. (2014) O proiskhozhdenii svyazochnogo glagola *staf'*. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, no 2, p. 82–103. (in Russian)
7. Rudnev D. V. (2011) Modal'nye glagoly-svyazki i ikh rol' v formirovaniі semantiki opornykh slov slozhnopolchinennogo predlozheniya. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, ser. 9 Filologiya, vostokovedeniye, zhurnalistika, p. 128–133. (in Russian)
8. Skoblikova E. S. (2006) *Sovremenniy russkii yazyk. Sintaksis prostogo predlozheniya (teoreticheskii kurs)*. 3rd edition. Moscow. (in Russian)
9. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.*, vol. 28 (2008). Moscow. (in Russian)
10. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: in 17 vols, vol. 8 (1959)*. Moscow; Leningrad. (in Russian)
11. Chernov V. I. (1976) Poluznamenatel'nye svyazochnye glagoly v sovremennom russkom yazyke. In: *Voprosy russkogo yazykoznaneya*, issue 1. Kuibyshev, p. 71–88. (in Russian)

[хроника]

XXXVII АПРЕЛЬСКИЕ ЧТЕНИЯ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СПбГУ

(Начало на с. 10, продолжение на с. 25, 36, 79)

ниями предшественников. Намеченная П. Е. Бухаркиным и Ф. Н. Двинятиным проблема изучения литературной топики была подхвачена М. Н. Виротайнен (ИРЛИ). В докладе «Поэтическая география как интертекст» она рассмотрела топонимы, которые в русской поэзии Золотого века функционируют как поэтические топосы, т. е. берутся из текстов поэтов-предшественников и наравне с другими реминисценциями подключают произведение к той или иной поэтической традиции. В сообщении Е. А. Филонова (РНБ, СПбГУ) была прослежена судьба романтического топоса-формулы «морщины на челе», появляющегося в составе портретной характеристики героя в русской поэзии и прозе первой трети XIX века и сохраняющегося (с некоторыми семантическими модификациями) в литературе постромантической эпохи.

И. Н. Сухих (СПбГУ) в докладе «О границах интертекста (Чеховский текст и „интертекст“») отметил, что интертекстуальность может стать аналитической категорией только в том случае, если она будет пониматься как особенность лишь некоторых авторов и произведений, а не существенное свойство литературы; важнейшим кри-

терием интертекста при таком подходе становится значимость того или иного текстуального совпадения в художественном произведении. А. Д. Степанов (СПбГУ) выдвинул ряд историко-литературных и структурных критериев, позволяющих исследователю установить не эксплицитную автором связь двух текстов; в качестве примера такого «верифицируемого анализа» докладчик предложил сопоставление рассказов Чехова «Супруга» (1895) и К. С. Баранцевича «Котел» (1888). Р. Ходель (Университет Гамбурга) в докладе «„Опосредованная интертекстуальность“? (А. Платонов и упрек в „карагаевщине“») также обратился к вопросу о способах установления объективности неявных межтекстовых переключек. По мнению исследователя, важным подтверждением аллюзии или реминисценции могут стать случаи, когда читательская аудитория и критики «вчитывают» одно произведение в другое. В. М. Паперный (Университет Хайфы) предложил различать «адресованную» (то есть рассчитанную на осознание читателем) и «неадресованную» интертекстуальность, представленную такими явлениями, как нерелексивное подражание, эпигон-

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА РУССКОГО ДЕЕПРИЧАСТИЯ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

LIU DI

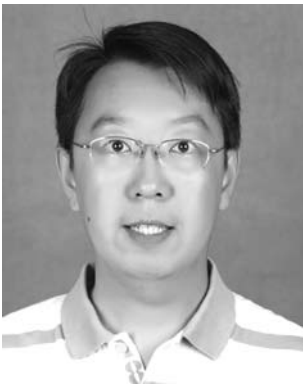
PRAGMATIC ASPECTS OF RUSSIAN ADVERBIAL PARTICIPLES TRANSLATION INTO CHINESE

Русское деепричастие как чрезвычайно сложный грамматический феномен не имеет параллельного, формального аналога в китайском языке. При переводе такой грамматической единицы в целях достижения эквивалентности должны быть переданы не только ее грамматическое значение, но и прагматика. В данной статье представлены основные прагматические аспекты перевода русского деепричастия на китайский язык.

Ключевые слова: прагматика; грамматика; русское деепричастие; перевод; китайский язык; эквивалентность.

Russian adverbial participles are unprecedented complex grammatical phenomenon, having no formal analogue in Chinese. While translating this grammatical unit, the translator in order to achieve some equivalence must transfer not only its grammatical meaning, but also its pragmatic aspects. This article represents the main pragmatic aspects of translating Russian adverbial participles into Chinese.

Keywords: pragmatics; grammar; Russian adverbial participles; translation; Chinese; equivalence.

**Лю Ди**

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель
факультета русского языка

Хэйхэский университет

*Город Хэйхэ,
провинция Хэйлуцзян, Китай*

► llsh352@yandex.ru

Liu Di

Heihe University

*No.1 Xueyuan Road, Heihe City, Heilongjiang
Province, 164399, People's Republic of China*

В современном переводоведении доминирует «прагматика», исследующая «функционирование языковых образований в речи — отношение между высказыванием, говорящими и контекстом (ситуацией) в аспекте человеческой деятельности» [12: 360]. Перевод нами понимается как особый коммуникативный акт или завершённый текст.

Прагматический аспект перевода (прагматика перевода) изучается российскими учеными достаточно активно. Он предполагает выявление «влияния на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала и обеспечить желаемое воздействие на рецептора перевода» [5: 401]. В таком «ходе» и «результате» функционируют определенные прагматические параметры, которые серьезно влияют на его смысловую структуру и производят определенное воздействие на читателя или слушателя, требуют адекватной передачи средствами языка перевода. Характер такого воздействия, по словам В. Н. Комиссарова, определяется в основном тремя факторами — содержанием высказывания, особенностями составляющих высказывание знаков и рецептором [Там же: 36–37]. Прагматический потенциал могут порождать языковые элементы различных уровней. Г. М. Зельдович в книге «Прагматика грамматики» указал на то, что «те же самые прагматические правила, которые специфицируют в тексте

значение слова, группы слов и целостного предложения, имеют своей областью действия также и грамматику» [4: 7].

Грамматика является необходимым средством организации речи, выражая логическое и отвлеченное отношение между словами или в тексте. Грамматическое явление в определенных условиях может порождать прагматический потенциал. Например, в предложении *Ты по театрам будешь, а я с ребенком* (Е. Земская)¹ слово *театры* имеет грамматическую форму — множественное число, а реальный смысл — единственное, выражает неодобрительное отношение говорящего к собеседнику, поэтому китайский переводчик предложил в переводе не употреблять множественного числа, которое не имеет такой оценки в грамматике китайского языка, и перевел так: *你去剧院看演出, 我却看孩子* (букв. *Ты по театру будешь, но я с ребенком*). В этом случае переводчик выявил грамматическую прагматику в исходном тексте и принял правильное решение, используя при переводе союз *но*, у которого противительное значение выражено сильнее, чем у союза *а*, чтобы передать читателям неодобрительную оценку говорящим предмета речи.

Следовательно, единицы грамматического уровня способны служить средствами прагматического воздействия на реципиента, в процессе предпереводческого анализа они должны рассматриваться и под этим углом зрения.

Русское деепричастие активно функционирует в современной русской речи [13: 3] и используется в процессе межъязыковой коммуникации. Оно вызывает у китайских учащихся и переводчиков сложности понимания, употребления в речи и при переводе. Это связано с тем, что русское деепричастие, как чрезвычайно сложный, многоаспектный грамматический феномен, не имеет параллельного, формального аналога в китайском языке. Кроме изучения грамматической формы и значения русского деепричастия в сопоставлении с китайским языком, также нужно учитывать его прагматические факторы, поскольку такое грамматическое явление имеет прагматический потенциал. Сохранение прагматического потенциала деепричастия является

важным условием в достижении эквивалентности его перевода на китайский язык.

Грамматический аспект переводоведческой прагматики предполагает, что переводчик должен: 1) понимать целеустановку автора, употребившего то или иное грамматическое средство; 2) при выборе соответствия в языке перевода максимально передать читателю намерение у автора исходного языка при употреблении данного грамматического явления. При переводе деепричастия, соответственно, с одной стороны, понять намерения коммуниканта, употребившего деепричастие в своем высказывании, а с другой — передать это намерение в переводе.

Прагматический потенциал деепричастия может быть обусловлен стилистической маркированностью глагольной формы. Л. С. Бархударов в работе «Язык и перевод» предложил классификацию (возможную, а не окончательную) типов прагматических значений: стилистическая характеристика слова, регистр слова и эмоциональная окраска слова [2: 108–112]. С точки зрения морфологии суффиксы деепричастий имеют разную стилистическую окраску, но в современном литературном русском языке преимущественно употребляются суффиксы, обладающие книжной стилистической маркированностью (*-а, -я, -в*), в результате чего деепричастные обороты отличаются стилистической окраской от параллельных синтаксических конструкций. Синтаксический строй русского языка имеет ряд особых конструкций, которые характеризуются общностью заключенного в них содержания при разном грамматическом составе. Такие параллельные синтаксические конструкции могут включать в себя причастный и деепричастный обороты, придаточное предложение в составе сложного, самостоятельного простого предложения, конструкции с отглагольным существительным, например, *студент сдал зачеты; студент, который сдал зачеты; студент, сдавший зачеты; студент, сдав зачеты; студент после сдачи зачетов; студент после того, как он сдал зачеты* [11: 367].

Для успешного перевода деепричастий необходимо определить их параллельные конструкции в русском языке. И. Б. Голуб к ним относит

придаточные части сложноподчиненного предложения и члены простого предложения (конструкции с отглагольным существительным) [3: 418–419]. Ср.:

1. Прочитав это письмо, редактор окончательно уверовал в свое собственное творчество (И. Г. Эренбург, Необычайные похождения Хулио Хуренито).

2. Когда редактор прочитал это письмо, он окончательно уверовал в свое собственное творчество.

3. После прочтения этого письма редактор уверовал в свое собственное творчество.

Три предложения, образующие парадигму, близки по смыслу, но различны по грамматическим особенностям и прагмасемантическим оттенкам. Деепричастные обороты выражают мысль более экономно и придают тексту книжную окраску. В сложноподчиненном предложении сказуемое (*прочитал*), являющееся спрягаемой формой глагола, подчеркивает действие и усиливает его субъектное значение, не имеет стилистической закреплённости, а союзы в предложении служат уточнением характера связи. Конструкции с отглагольными существительными характеризуются официальностью и обобщенностью и употребляются преимущественно в текстах официально-делового и научного стилей, предлог формально определяет его семантическое отношение к сказуемому. Таким образом, деепричастные обороты отличаются от параллельных конструкций сферой стилистического употребления.

С учетом сказанного при переводе предложения с деепричастием из романа «Анна Каренина» Л. Н. Толстого «Глаза Степана Аркадьича весело заблестели, и он задумался, улыбаясь» нужно передать не только грамматическое отношение обстоятельства, выраженного деепричастием *улыбаясь*, к сказуемому, выраженному глаголом *задумался*, то есть значение образа действия, но и книжную стилистическую маркированность деепричастия.

Другим аспектом прагматической проблемы перевода русского деепричастия на китайский язык является выбор соответствия.

В процессе анализа способов перевода деепричастия нам удалось систематизировать шесть китайских средств передачи этой безэквивалент-

ной грамматической единицы: 1) обстоятельно-центральное словосочетание (без дополнительного оформления); 2) соединенно-предикативное словосочетание (без дополнительного оформления); 3) конструкция «глагол (глагольное словосочетание) + маркер «地» + глагол (глагольное словосочетание); 4) конструкция «глагол (глагольное словосочетание) + видо-временная морфема «着», «了», «过» + глагол (глагольное словосочетание); 5) союзное сложное предложение; 6) бессоюзное сложное предложение². Классификация строилась с учетом того, что способ перевода должен отражать подчинительные отношения между главным и второстепенным предикатом (сказуемым и обстоятельством). При анализе примеров мы обнаружили, что в выборе соответствий не существует единообразия. Например, для перевода рассмотренного предложения «Глаза Степана Аркадьича весело заблестели, и он задумался, улыбаясь» мы нашли семь версий:

1. 奥勃朗斯基高兴得眼睛闪闪发亮。他想得出神，脸上浮着微笑。(букв. «Он задумался, на лице скользит улыбка»)(《安娜·卡列尼娜》(上), 托尔斯泰(俄), 草婴译, 上海, 上海文艺出版社, 2007).

2. 奥布隆斯基想得出神，脸上浮着微笑，眼里闪着愉快的光芒。(букв. Облонский задумался, на лице скользит улыбка, глаза весело заблестели)(《安娜·卡列尼娜》(上), 托尔斯泰(俄), 杨楠译, 北京, 北京燕山出版社, 2007).

3. 斯捷潘·阿尔卡季齐眼睛里闪出快乐的光，微笑着沉思起来。(《安娜·卡列尼娜》，托尔斯泰(俄), 高惠群, 石国生译, 上海, 上海译文出版社, 2006).

В китайском переводе используется видо-временная морфема «着», которая участвует в оформлении китайского обстоятельства — буквальный обратный русский перевод невозможен из-за отсутствия точного русского соответствия.

4. 斯捷潘·阿尔卡季齐的眼睛快乐地闪耀着，他含着微笑沉思。(《安娜·卡列尼娜》(上), 托尔斯泰(俄), 周扬, 谢素台译, 北京, 人民文学出版社, 1989).

В китайском переводе используется видо-временная морфема «着», которая участвует в оформлении китайского обстоятельства — буквальный обратный русский перевод невозможен из-за отсутствия точного русского соответствия.

5. 奥布朗斯基的眼睛放射出快活的光彩。他微笑着沉思默想起来。(《安娜·卡列尼娜》(上), 托尔斯泰(俄), 力冈译, 北京, 中国书籍出版社, 2005). В китайском переводе используется видо-временная морфема «着», которая участвует в оформлении китайского обстоятельства — буквальный обратный русский перевод невозможен из-за отсутствия точного русского соответствия.

6. 斯杰潘·阿尔卡迪耶维奇眼中放射出快活的光芒, 含着微笑沉思默想。(《安娜·卡列尼娜》(上), 托尔斯泰(俄), 文良译, 呼和浩特, 内蒙古人民出版社, 2008). В китайском переводе используется видо-временная морфема «着», которая участвует в оформлении китайского обстоятельства — буквальный обратный русский перевод невозможен из-за отсутствия точного русского соответствия.

7. 斯捷潘·阿尔卡季季的眼睛露出愉快的神情, 他面带笑容, 陷入沉思。(《安娜·卡列尼娜》(上), 托尔斯泰(俄), 齐博雅译, 北京, 中国致公出版社, 2003.) (букв. «Глаза Степана Аркадьича заблестели радостью, у него на лице улыбка, он задумался»).

В переводах 1, 2 и 7 для передачи деепричастного оборота употребляются бессоюзные сложные предложения, а в остальных — свойственная китайскому языку конструкция с видо-временной морфемой «着». Это происходит потому, что некоторые грамматические семы деепричастия могут выражаться двумя или более средствами китайского языка, поскольку в китайском языке, как в русском, также существуют параллельные конструкции. По нашим наблюдениям, для передачи значения образа или способа действия деепричастия можно использовать следующие средства китайского языка: 1) обстоятельство-центральное словосочетание (без дополнительного оформления); 2) соединенно-предикативное словосочетание (без дополнительного оформления); 3) конструкция «глагол (глагольное словосочетание) + маркер «地» + глагол (глагольное словосочетание)»; 4) конструкция «глагол (глагольное словосочетание) + видо-временная морфема «着» + глагол (глагольное словосочетание)»; 5) бессоюзное сложное предложение. В переводах мы обнаружили два из названных средств.

Если то или иное грамматическое значение может быть передано несколькими китайскими средствами, переводчик должен выбрать средство,

передающее наибольшее число сем деепричастия. Средства китайского языка обнаруживают разное количество эквивалентных деепричастию компонентов смысла, поэтому для осуществления максимального уровня эквивалентности при переводе деепричастия на китайский язык нужно учитывать прагматический аспект перевода.

Для решения этой проблемы необходимо произвести прагмасемантический анализ китайских средств передачи русского деепричастия. Прагмасемантический анализ китайских соответствий мы определяем как их компонентный анализ с целью выявления объема сем, включая денотативные и коннотативные, дающих возможность эквивалентного перевода деепричастия³. Результат анализа служит основанием выбора китайского средства перевода деепричастия.

При сравнении двух средств, которые использованы при переводе предложения из «Анны Карениной», обнаруживается, что конструкция с видо-временной морфемой «着» передает следующие семантические признаки: эксплицитно выражает значение образа действия, обладает книжной маркированностью с опорой на конкретизацию сюжета.

В наши дни стилистика становится важным средством достижения эквивалентности перевода, она тесно связана с прагматикой перевода. Все большую значимость приобретает стилистический аспект теории перевода, который «заключается в правильном подборе лексико-грамматических средств в соответствии с общей функционально-коммуникативной направленностью подлинника и с учетом существующих литературных норм языка, на который делается перевод» [10: 169]. Поскольку книжная маркированность является необходимым компонентом современного русского деепричастия и «стилистические приемы перевода используется в тех случаях, когда объектом перевода служат стилистически отмеченные единицы исходного текста» [Там же: 169], при изучении перевода деепричастия на китайский язык необходимо анализировать китайские средства передачи русского деепричастия в стилистическом аспекте и рассматривать их стилистическое отношение к деепричастию. Но в боль-

шинстве учебников по русско-китайскому переводу этой проблеме не уделяется внимания⁴, только в учебнике «Курс русско-китайского перевода» (Шанхай, 1985) говорится, что деепричастие русского языка употребляется более широко в текстах письменной речи [15: 172].

По сравнению с конструкцией с видо-временной морфемой «**着**» бессоюзное сложное предложение передает значения образа действия имплицитно и аналитично, при этом оно не обладает книжной маркированностью. Поэтому мы имеем основание считать, что конструкция с видо-временной морфемой «**着**» обладает эквивалентностью.

Кроме вышесказанного общего прагматического фактора (прагматического значения языковой единицы и выбора средства языка перевода), существуют отдельные случаи, когда необходимо учитывать прагматические проблемы русского деепричастия в аспекте его перевода на китайский язык.

В синтаксическом отношении деепричастие требует особого внимания. Важнейшим фактором, регулирующим его употребление, является тождество субъекта основного и второстепенного действий. В современном русском языке субъект главного и второстепенного сказуемых, выраженных соответственно личной формой глагола и деепричастием, один и тот же, это норма употребления деепричастия. Например: *Пожалуйста, господа, в дом, — сказал он, улыбаясь* (А. П. Чехов, Крыжовник). Функционирование деепричастия в составе деепричастного оборота не влияет на норму. Например: *Здравствуй, дружище, — машинально улыбаясь бледными, почти голубыми губами, сказал Петя, между тем как глаза его все еще были серьезны и затуманены мыслью* (Б. А. Губер, Сыновья).

В то же время надо учитывать, что норма употребления деепричастий характеризуется динамикой. В произведениях таких писателей XIX века, как А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. И. Герцен, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, наблюдаются многочисленные отступления от современного правила. Например: *Поселившись теперь в деревне, его мечта и идеал были в том,*

чтобы воскресить ту форму жизни, которая была при деде (Л. Толстой). Для XIX века такое употребление не было аномальным, поскольку в ряде случаев нормы русского языка формировались под влиянием французского, бытовавшего в аристократической среде в качестве языка повседневного общения. Таким образом, в литературе XIX века согласование деепричастия с иным, нежели у главного сказуемого, субъектом не являлось стилистически маркированным. Однако уже в конце XIX века норма употребления деепричастий изменилась и приблизилась к современной. Именно на изменении нормы построена языковая игра, использованная А. П. Чеховым в рассказе «Жалобная книга» (1884), где старая норма контрастирует с новой. Ср.:

«Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа. И. Ярмакин».

«Находясь под свежим впечатлением возмутительного поступка... (зачеркнуто). Проезжая через эту станцию, я был возмущен до глубины души следующим... (зачеркнуто). На моих глазах произошло следующее возмутительное происшествие, рисуемое яркими красками наши железнодорожные порядки... (далее всё зачеркнуто, кроме подписи). Ученик 7-го класса Курской гимназии Алексей Зудьев».

«Проезжая через станцию и будучи голоден в рассуждении чего бы покушать я не мог найти постной пицци. Дьякон Духов».

В первом из фрагментов рассогласование подлежащего и второстепенного сказуемых намеренно употребляется писателем для создания комического эффекта, поскольку отражает устаревавшую, уже неактуальную норму. Особенно отчетливо ее архаика воспринимается в сравнении с двумя другими примерами. Китайский же переводчик не осознал этого и перевел так: «本人乘火车到达这个车站, 观赏窗外的风景, 不意我的帽子飞掉了。依·亚尔蒙金。」(《契诃夫小说全集·第2卷》上海译文出版社, 2008, 342–343), букв. «Я подъезжал к этой станции, глядел на природу в окно, из-за невнимательности моя шляпа слетела»), в результате чего автору текста перевода не удалось выразить иронию автора, переданную посредством нарушения нормы употребления деепричастия в речи.

Нормы употребления деепричастия в речи должны учитываться при переводе текстов на ки-

тайский язык как в процессе предпереводческого анализа текста, так и на этапе трансляции, поскольку несоблюдение норм употребления деепричастия может вызывать проблемы прагматического несоответствия оригинала и перевода.

Прагматический потенциал деепричастия также связан с его устаревшими суффиксами. В современном русском языке деепричастие СВ оканчивается на -в (кроме деепричастия, образующегося от возвратного глагола), но, по наблюдениям Л. Р. Абдулхаковой, большое количество деепричастий с суффиксом -вши существует в поэтической речи, в особенности в поэзии первой половины XX века (И. Бунин, Н. Гумилев, А. Белый, А. Ахматова и др.); это объясняется его использованием для образования стихотворного ритма [1: 34]. Например: *Каретный кузов быстро промелькнул, Блеснувши глянец стекол мерзлых* (И. А. Бунин. На Невском). Это ненормативное употребление деепричастия порождает прагматический потенциал. В этом случае, на наш взгляд, при переводе деепричастия *блеснувши* лучше учитывать его устаревшую форму, поэтому мы предлагаем в качестве соответствия выбрать устаревший китайский глагол.

Прагматика деепричастия в аспекте русско-китайского перевода может касаться также использования средств языка перевода. Кроме упомянутых шести средств передачи русского деепричастия в китайском языке, при анализе текста перевода мы обнаружили другие четыре средства, которые использованы китайскими переводчиками и определены нами как второстепенные средства перевода деепричастий: 1) перевод деепричастия китайским определением; 2) перевод деепричастия сказуемым главного предложения сложного подчиненного предложения китайского языка; 3) эллипс сказуемого русского предложения и перевод деепричастия сказуемым; 4) перевод деепричастия самостоятельным простым предложением⁵.

Основные и второстепенные средства перевода деепричастий необходимо отличать друг от друга. Основными языковыми средствами перевода деепричастия являются общеупотребительные средства структурно-функциональной

системы китайского языка, передающие типичную семантику и функцию деепричастия — обстоятельство с глагольным значением или второстепенное сказуемое. Назовем их устойчивыми соответствиями. Кроме устойчивых соответствий, переводчики могут употреблять индивидуальные средства передачи деепричастий, отличающиеся самостоятельным сказуемым или определением. Учитывая факультативный характер их использования, а также то, что они характеризуются контекстуальным использованием или адаптацией к норме языка перевода, мы называем их речевыми средствами перевода деепричастия. По сравнению с речевыми средствами языковые соответствия более устойчивы, стабильны, мотивированы и могут быть использованы в преподавании методики перевода. Речевые средства отражают индивидуальную переводческую стратегию. В результате чего аспект прагматики перевода деепричастия на китайский язык становится более многообразным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пример-предложение и его перевод взяты из монографии [14: 38].
- ² Подробнее см.: [8].
- ³ Подробнее см.: [7].
- ⁴ Подробнее см.: [6].
- ⁵ Подробнее см.: [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулхакова Л. Р. Развитие категории деепричастия в русском языке: автореф. дис. ... докт. фил. наук. Казань, 2007.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М., 2008.
3. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М., 2010.
4. Зельдович Г. М. Прагматика грамматики. М., 2012.
5. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М., 2011.
6. Лю Ди. Китайская русистика о проблемах и возможностях перевода русского деепричастия // Вестн. МАПРЯЛ. 2012. № 70. С. 49–54.
7. Лю Ди. Средства достижения прагмасемантической эквивалентности при переводе русского деепричастия на китайский язык // Вестн. Московского гос. гуманитарного ун-та им. М. А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2011. № 4. С. 61–71.
8. Лю Ди. Типология средств передачи грамматической семантики русского деепричастия в китайском языке // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2011. № 4. С. 51–59.

9. Лю Ди. Функционально-вариативные речевые средства передачи русского деепричастия в китайском языке // Иностранные языки в школе. 2015. № 2. С. 56–60.

10. Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода. М., 2009.

11. Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование. М., 2010.

12. Русский язык: энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. М., 2008.

13. Чунашева О. М. Грамматика русского деепричастия. Мурманск, 2008.

14. Чэнь Цзе и др. Е хань юй янь дуй би юй фань и [Сопоставительное исследование русского и китайского языков и переводческий анализ]. Шанхай, 2006. (陈洁等. 俄汉语言对比与翻译. 上海: 上海外语教育出版社).

15. Чжэн Цзэшэн, Ди Минлун. Е хань фань и цзяо чэн (сю дин бэнь), шан цэ [Курс русско-китайского перевода (исправленное издание), 1-ая часть]. Шанхай, 1985. (郑泽生, 狄明龙. 俄汉翻译教程(修订本), 上册, 上海, 上海外语教育出版社).

REFERENCES

1. Abdulkhakova L. R. (2007) Razvitie kategorii deepri chastii v russkom iazyke: avtoreferat dissertacii. Kazan'. (in Russian)

2. Barkhudarov L. S. (2008) Iazyk i perevod: voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda. Moscow (in Russian)

3. Golub I. B. (2010) Stilistika russkogo iazyka. Moscow. (in Russian)

4. Zeldovich G. M. (2012) Pragmatika grammatiki. Moscow. (in Russian)

5. Komissarov V. N. (2011) Sovremennoe perevodovedenie. Moscow. (in Russian)

6. Liu Di. (2012) Kitaiskaia rusistika o problemakh i vozmozhnostiakh perevoda russkogo deepri chastii. Vestnik MAPRYAL, no. 70, p. 49–54. (in Russian)

7. Liu Di (2011). Sredstva dostizheniia pragmasemanticheskoi ekvivalentnosti pri perevode russkogo deepri chastii na kitaiskii iazyk. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Ser. «Filologicheskie nauki», no. 4, p. 61–71. (in Russian)

8. Liu Di (2011). Tipologiiia sredstv peredachi grammaticheskoi semantiki russkogo deepri chastii v kitaiskom iazyke. Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Ser.: Russkii i inostrannye iazyki i metodika ikh prepodavaniia, no. 4, p. 51–59. (in Russian)

9. Liu Di (2015). Funktsional'no-variativnye rechevye sredstva peredachi russkogo deepri chastii v kitaiskom iazyke. Inostrannye iazyki v shkole, no. 2, p. 56–60. (in Russian)

10. Neliubin L. L. (2009) Vvedenie v tekhniku perevoda. Moscow. (in Russian)

11. Rozental' D. E., Dzhandzhakova E. V., Kabanova N. P. (2010) Spravochnik po russkomu iazyku: pravopisanie, proiznoshenie, literaturnoe redaktirovanie. Moscow. (in Russian)

12. Karaulov Iu. N., ed. (2008) Russkii iazyk: entsiklopediia. Moscow. (in Russian)

13. Chupasheva O. M. (2008) Grammatika russkogo deepri chastii. Murmansk. (in Russian)

14. Cheng Jie deng (2006) E han yu yan dui bi yu fan yi [Comparative research of Russian and Chinese and translation analysis]. Shanghai (in Chinese; 陈洁等. 俄汉语言对比与翻译. 上海: 上海外语教育出版社).

15. Zheng Zesheng, Di Minglong (1985) E han fan yi jiao cheng (xiu ding ben), shang ce [The course of Russian-Chinese translation (revised edition), 1st part]. Shanghai (in Chinese; 郑泽生, 狄明龙. 俄汉翻译教程(修订本), 上册, 上海, 上海外语教育出版社).

[хроника]

XXXVII АПРЕЛЬСКИЕ ЧТЕНИЯ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СПбГУ

(Начало на с. 10, 18, продолжение на с. 36, 79)

ство и т. п. Г. А. Левинтон (ЕУ, СПб.) в докладе «К истории и терминологии „интертекстуальных“ исследований (1960-е — 1970-е годы)» противопоставил предложенному Ю. Кристевой понятию *интертекст*, которое, с его точки зрения, обладает существенными недостатками, восходящий к школе К. Ф. Тарановского термин *подтекст*. Это понятие подразумевает «однонаправленность» заимствования (четко определяет, «кто кого» цитирует) и поэтому представляется докладчику предпочтительным.

В ряде докладов были описаны примеры преломления средневековой традиции в литературе «нового времени». М. В. Рождественская (СПбГУ) рассмотрела общий для некоторых древнерусских апокрифических сочинений фрагмент о двух женах («белой» и «румяной»), символизирующих Ветхий и Новый Завет, и обратила внимание на его соответствие образам поэзии М. В. Ломоносова. Н. С. Демкова (СПбГУ) выявила не отмечавшуюся ранее параллель между романом Б. Пастернака «Доктор Живаго» и «Словом о полку Игореве»: описывая бегство Юрия Живаго из лагеря партизан, Пастернак творчески переосмыслил мотив бегства князя Игоря из половецкого плена. А. М. Грачева (ИРЛИ) в докладе, посвященном повести А. М. Ремизова «Странница», установила, что

текст, раскрывающий апокалиптическое осмысление событий революции 1917 года, основан на компилировании и переосмыслении сюжетных мотивов и образов Библии, древнерусских апокрифических памятников (апокалипсисы, видения, хождения), житий и посланий.

Перспективы интертекстуального анализа как части комментаторской работы продемонстрировали Е. В. Кардаш (ИРЛИ), обратившаяся к анализу претекстов пушкинского вольного перевода «Из А. Шенье», и Е. Д. Толстая (Еврейский университет, Иерусалим), в докладе «Общие и необщие места: венецианский сверткост и „Накануне“ Тургенева» описавшая широкий круг вероятных источников венецианского эпизода в финале тургеневского произведения.

А. А. Карпов (СПбГУ) на примере повести В. Ф. Одоевского «Жизнь и похождения одного из здешних обывателей в стеклянной банке, или Новый Жоко» показал, какие возможности открывает интертекстуальный комментарий для интерпретации некоторых «загадочных» произведений русской литературы. В сообщении «Голоса европейских философов в „Войне и мире“» Б. В. Аверин (СПбГУ) выявил огромный пласт идей европейской религиозной философии (от Фомы Кемпийского

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОПРЕДЕЛЁННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ Б. Л. ВАСИЛЬЕВА «ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА»)

LIDIJA L. MISHAKOVA

DEFINITE-PERSONAL SENTENCES' PECULIARITIES IN HEROES' SPEECH:
THE CASE OF BORIS VASILYEV'S "TOMORROW THERE CAME WAR"



**Лидия Леонидовна
Мишакова**

Аспирант кафедры русского языка
как иностранного
и методики его преподавания

Санкт-Петербургский
государственный университет

Университетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

► lidamishakova@mail.ru

Lidiia L. Mishakova

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034 Russia

Научный руководитель:
д-р филол. наук, проф. В. П. Казаков

В статье рассматриваются особенности функционирования односоставных определённо-личных предложений в речи персонажей повести Б. Л. Васильева «Завтра была война»; классифицируются и описываются речевые акты, в выражении которых эти предложения принимают участие. Описываются ситуации, в которых оказался возможным тот или иной способ выражения различных речевых актов, даются комментарии, связанные с характером отношений между адресантом и адресатом.

Ключевые слова: определённо-личное предложение; речевой акт; адресант; адресат.

The article is devoted to peculiarities in functioning of one-part definite-personal sentences in the novel "Tomorrow There Came War" by Boris Vasilyev. The author offers a classification of the speech acts, in expression of which these definite-personal sentences take part, describes the situations making different speech acts possible, and comments the relations between addresser and addressee.

Keywords: definite-personal sentence; speech act; addresser; addressee.

Определённо-личные предложения были выделены А. А. Шахматовым как спрягаемо-глагольные бесподлежащные предложения, в которых спрягаемая глагольная форма «вызывает представление о подлежащем, оставшемся не выраженным особым словом». Его примеры: «Люблю! добавил он; Не согласен! Не могу! Не желаю» [10: 64, 66]. При этом автор отмечает, что «формы 1-го и 2-го лица настоящего, будущ. и прошедшд. времени имеют в русском языке два значения: с одной стороны, в односоставных предложениях это главный член таких предложений, с другой, в двусоставных это сказуемое» [Там же: 65]. Есть у него замечание и о том, что возможны случаи с пропуском подлежащего (в его примерах — *ты*), которые можно считать неполными тоже «с пропуском подлежащего» [Там же: 69]. Сложность рассматриваемого явления была преодолена в дальнейшем: в «Русской грамматике» все предложения, которые после Шахматова относили к определённо-личным, стали считать неполными [8: 248].

Позднее исследователи с большим вниманием отнеслись к замечанию Шахматова о неоднородности предложений с Я-подлежащим и его пропуском. Было отмечено, что реализация в Я значения действующего

лица связана с сохранением подлежащего, тогда как Я говорящего опускается [6: 175]. Это положение было уточнено в результате наблюдений над контекстом употребления бесподлежащих предложений: они проявили свою принадлежность ситуации я — здесь — сейчас [7: 365] или, как теперь уже становится общепринятым — к режиму on-line, представляющему собой коммуникативную передачу «разного рода информации между индивидуумами. Центральным феноменом этого режима является естественный дискурс, который динамически развивается в реальном времени» (см. [4: 602]).

В этом режиме в письменной речи активно используется прямая речь, характерная для произведений художественной литературы. Для анализа подобных предложений мы обратились к повести Б. Л. Васильева «Завтра была война», в значительной степени построенной в форме диалогов, что позволяет провести наблюдение не только над употреблением определённо-личных предложений, но и над целями их использования, которые определяются участием в создании образов персонажей.

Рассмотрение семантики определённо-личных предложений будем проводить в аспекте теории речевых актов, которые вслед за Арутюновой понимаем как «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе», как единицу «нормативного социоречевого поведения, рассматриваемую в рамках прагматической ситуации... Р. а. всегда соотносены с лицом говорящего» [2]. По мнению Дж. Серля, «для любого потенциального р. а. существует потенциальное предложение (или набор таких), произнесение которого в определенном контексте является осуществлением именно данного» [11: 18–19].

На самом деле классификация речевых актов вызывает большие трудности, поскольку они сами являются слагаемыми многих обстоятельств. Так Дж. Серль для обоснования принципов отношения высказывания к тому или иному типу определил 12 значимых с лингвистической точки зрения параметров, сократив их позднее до восьми

(см.: [5]). Мы опираемся на типы языковых актов, выделенных Н. И. Формановской, которая, проведя сопоставительный анализ существующих классификаций, устанавливает обобщенный минимум восемь классов речевых актов [9]. Все они были обнаружены в повести Б. Васильева.

I. Репрезентативы-сообщения

Некоторое сообщение, сопровождающееся стремлением убедить собеседника.:

1) «Почему вы пришли? Ну, почему?» — «Мы пришли потому, что мы знаем Леонида Сергеевича и... и тоже уверены, что это ошибка. Это кошмарная ошибка, Вика, вот **посмотришь**» (с. 534)¹;

2) Люберецкий молчал, но слушал жадно, ловя каждое слово. И вздохнул: «Какой тяжелый год!»

Все примолкли. А Зиночка сказала, как всегда, невпопад: «Знаете почему? Потому что високосный. Следующий будет счастливым, вот **увидите!**»

Следующим был тысяча девятьсот сорок первый (с. 600).

Использованные в приведённых примерах глаголы: *увидеть* — получить знание, представление о ком-либо, о чём-либо, познать и *посмотреть* (посмотришь) — разг. проверить — сблизаются по своему значению, выражая при обращении ко второму лицу уверенность в правоте высказываемого мнения. В тексте повести они принадлежат молодой девушке Зине и высказываются ею в трудных ситуациях с намерением поддержать окружающих, выразить уверенность в изменениях к лучшему.

II. Комиссивы-обязательства

Обещание:

1. «Спасибо, Вика. — Искра тоже улыбнулась ей, кажется, впервые в жизни. — **Верну** в собственные руки» (с. 462).

2. «Артем близко живет, — вспомнила Искра. — Беги, Зинаида! В долг: завтра в классе **соберем!**» (с. 512).

В обоих примерах используется форма глагола 1-го лица ед. и множ. числа буд. вр. сов. вида со значением выполнения действия. Обратим внимание на то, что оба высказывания принадлежат девушке с именем Искра, «мать которой часто выступала в школах, техникумах... говорила резко и коротко, точно командуя...»

3. — К одиннадцати **вернемся**. Счастливо гулять, Шпендик! (с. 456).

Тональность этого обещания отличается от высказанного в первом и втором предложениях. Оно включено в ситуацию ухода братьев из дома, чтобы не мешать младшему отметить с друзьями свой день рождения. Обещание вернуться к одиннадцати звучит как напоминание о времени, отведённом для праздника.

Отдельно следует рассмотреть обещание «отрицательного» характера, когда говорящий отказывается обещать что-либо, чтобы дачей ложного обещания не подвести людей и не обмануть их доверия.

4. *А собрание будет через неделю, так что не волнуйся пока. Я сам в райком звонил.*

— А Вика?

— А с Люберецкой пока ничего хорошего **не обещаю** (с. 544).

В рассмотренных примерах глагол — главный член предложения — занимает последнее место, являясь ремой и формируя верификативный тип высказывания [1]. Исключение составляет первый пример с фразеологизованным глагольным словосочетанием.

III. Директивы-побуждения

1. **Приглашение к совершению совместного действия.** Такое значение является одним из возможных значений формы первого лица множественного числа глагола². Определённые предложения с глаголом в таком употреблении можно подразделить на два типа: вопросительные и невопросительные.

При использовании вопросительных предложений происходит модификация побуждения к совместному действию в сторону его смягчения, а также апелляция к сфере волеизъявления собеседника, от которого зависит совершение действия [3: 156]:

1. *Посидим немного? Или ты торопишься?* (с. 516)

2. — *Только в кино мы не пойдём.*

— *Понимаю. Может, погуляем? Дождя нет, погода на «ять»* (с. 586).

3. *Искра уже не плакала, а испуганно следила за ним [Сашкой]; он встретил ее взгляд, с трудом улыбнулся:*

— *Будем заниматься, что ли?* (с. 441).

В первых двух предложениях используются глаголы с приставкой *по-*, которая сообщает

о совершении действия в течение некоторого, чаще непродолжительного времени: *посидим, погуляем*, что включается в выражение «смягчения», предполагает возможность отказа собеседника. Заметим, что вопросительные предложения чаще используются в дружеской беседе: во всех трёх приведённых высказываниях адресантом выступают молодые люди — лица мужского пола — при разговоре с девушками.

Невопросительные предложения используются, прежде всего, при статусном общении, когда разговаривает начальник с подчинённым или строгая мать с дочерью, чаще используются невопросительные предложения.

4. *«Жить надо не распоряжениями, а идеями. А какая наша основная идея? Наша основная идея — воспитать гражданина новой, социалистической Родины. Поэтому всякие распоряжения **похерим и сделаем** таким макаром»* (с. 463).

Высказывание принадлежит директору школы, оно обращено к учительнице, для него характерен утверждающий тон.

5. *Оставим этот разговор: ты умница, ты все поняла и... И иди спать. Иди, завтра у тебя очень тяжёлый день* (с. 569).

Решение матери закончить трудный разговор с дочерью также находит выражение в утвердительном высказывании.

Областью использования невопросительных предложений со значением побуждения является ситуация, в которой обращение к собеседнику носит характер не столько приглашения, сколько инструкции к действию.

6. *«Пора, — шепнул Паика. — За это время можно полишколы переколотить. Я пойду на разведку, а ты открывайся. **Встретимся** у мостика»* (с. 531).

7. *«А Искра так и не пришла? Надо же сходить к ней! Немедленно и всем вместе. И **уведем** ее гулять»* (с. 586).

В ситуации заботы о подруге призыв к совершению действия звучит в достаточно категоричной форме, отражающей стремление убедить собеседника в том, что нужно поступить именно так, а не иначе.

Как отмечает А. А. Калинина, в предложениях, где выражается побуждение к совместному действию, чаще используется форма СВ; форма же НСВ выражает более категоричные оттенки

побуждения, запрещение, призыв к прекращению действия [Там же: 154]. В большинстве наших примеров действительно содержится форма СВ; однако есть и одно предложение (№3), в котором использована форма НСВ (*будем заниматься*), не выражающая категоричного оттенка, о котором пишет исследователь. Напротив, вопросительная интонация и вопросительная частица *ли* вносят смягчающий оттенок. Синонимами предложения *Будем заниматься* можно считать *Начнём/станем заниматься*, т. е. предложения с характерным для СВ значением начального предела. В то же время в предложении № 5 использованная форма СВ звучит довольно категорично. Так что наблюдение, сделанное А. А. Калининой, можно рассматривать как тенденцию, а не общее правило.

2. Рекомендация:

И [Искра] тут же прикрикнула на Лену: «Не реви! Теперь надо действовать, а реветь будете в милиции, если понадобится» (с. 510).

Рекомендация представлена как факт действия в будущем, при этом используется форма изъявительного, а не повелительного наклонения. Интересно, что в предложении, предшествующем рассматриваемому, рекомендуемое теперь действие запрещается (*Не реви*). Однако запрещается оно лишь до времени, точнее — до более подходящего места (например, слёзы могут помочь разжалобить милиционера). Рекомендация носит достаточно категоричный характер.

3. Приказ:

*Мы не будем делать выводов, учитывая твоё безупречное поведение в прошлом. Но учти, Полякова. Завтра же **проведешь** экстренное комсомольское собрание* (с. 541).

Приказ выражен при помощи формы не повелительного, а изъявительного наклонения. При этом главный член определённо-личного предложения выражен формой СВ, поскольку факт действия в будущем описывается как решённый: это действие, которое, с точки зрения говорящего, не может не осуществиться. Заметим, что адресантом является учительница, бесконечно далекая от своих учеников, руководствующаяся исключительно казёнными принципами, ставшая виновницей гибели своей ученицы.

4. Предостережение:

— *Эй, Стамеска!*

От подворотни отклеилось трое мальчишек; впрочем, одного можно было бы уже назвать парнем. Двигались они лениво, враскачку, загребая ногами.

— *Куда топаетшь, Стамеска?*

— *По делу. — Сашка весь съезжился, и Искра мгновенно уловила это.*

— *Может, **подумаешь** сперва? — Старший говорил как-то нехотя, будто с трудом отыскивая слова. — Отишей девчонку, разговор есть* (с. 438).

Своим вопросом говорящий как бы предостерегает: подумай, лучше не уходи от разговора с нами, потому что будет хуже. Адресант — один из хулиганов — бывших приятелей Саши Стамескина — обращается к нему с предостережением-угрозой, чувствуя за собой силу.

IV. Экспрессивы — выражения эмоций

1. Упрёк, обвинение:

1. *Я спрашиваю тебя, Коваленко, кто мог натрепать-ся, кроме тебя? **Молчишь?*** (с. 527).

Адресант упрекает адресата не столько в молчании, сколько в том, что стоит за этим молчанием: в данном случае в рассказе учительнице о чтении школьниками стихов «кулацкого певца» Есенина на дне рождения Артема. Молчание в ответ на обвинение становится признанием вины.

2. *Получается, братишка* (с. 453).

Адресант осуждает адресата за то, что тот собрался обмануть родителей, сказав им, что заработанные деньги у него украли, тогда как сам хотел потратить их на празднование своего дня рождения. Упрёк сформулирован в конструкции *с вранья жизнь **начинаешь***, которая в сочетании: начало жизни — ложь звучит обличением. На него указывает сниженное и потому приобретающее презрительную окраску слово *с вранья*.

2. Похвала:

— *Зачинено-заборонено, — тупо бормотал сторож.*

— *А сколько стоит, чтобы разборонить? — вдруг звонко спросила Зиночка.*

Сторож впервые глянул заинтересованно. Засмеялся, погрозил корявым пальцем:

— *Ай, девка, далеко **пойдѣшь*** (с. 511).

В данном фрагменте описывается эпизод, в котором герои — школьники — хотели вызволить из собачьего приюта питомца известной

актрисы. Сторож, тупо отвечавший на просьбы ребят, сразу среагировал на слова девочки, отметив её находчивость, выразившуюся в способности к моментальному образованию окказионализма (*разборонить*) и к стоявшему за ним предложению.

Итак, проведённое наблюдение за конструкциями прямой речи персонажей в повести Б. Васильева «А завтра была война» позволяет сделать некоторые выводы. Прежде всего, подтвердилась принадлежность определённо-личных предложений режиму on-line, их включённость в процесс «непосредственной передачи информации между индивидуумами».

Рассмотрение этих конструкций в аспекте теории речевых актов выявило возможности их участия в формировании всех разновидностей этих речевых единиц. При этом самыми продуктивными оказываются предложения с главным членом 1-го лица ед. и мн. числа и 2-го лица ед. числа. Эти данные, полученные в результате анализа одного произведения, требуют проверки на большом языковом материале. Обнаружены тенденции к закреплённому использованию видов глагола, а также коммуникативных типов предложения, в частности — вопросительных.

Очевидна роль речевых актов и соответствующих им определённо-личных предложений в создании образов персонажей, характеризующих их речевое поведение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цитаты приводятся по следующему изданию: *Васильев Б. Л. Завтра была война* // Васильев Б. А зори здесь тихие. М.: Эксмо, 2010. В скобках указан номер страницы.

² Как пишут авторы «Русской грамматики», эта форма может употребляться «для обозначения совместного участия в каком-л. действии говорящего и того, к кому обращена речь» [8: 635–636].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адамец П.* Порядок слов в современном русском языке. Прага, 1966.
2. *Арутюнова Н. Д.* Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/412c.html>
3. *Калинина А. А.* Специфика предложений с глаголами в форме 1 лица множественного числа, выражающими побу-

ждение к совместному действию // *Переходность и синкретизм в языке и речи.* М., 1991. С. 151–156.

4. *Кибрик А. А.* Когнитивный анализ дискурса: локальная структура // *Язык и мысль. Современная когнитивная лингвистика* / Сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев; ред. А. А. Кибрик и др. М., 2015. С. 595–634.

5. *Пучкова А. В.* К вопросу о классификации речевых актов прагмалингвистическом подходе к изучению языка. URL: <http://textarchive.ru/c-2149214-p50.html>

6. *Рогова К. А.* Нормативный аспект в употреблении определённо-личных предложений // *Слово и предложение: исследования по русскому языку и методике преподавания: Сб. науч. ст. в честь 70-летия проф. В. П. Пronicheva.* СПб., 2007. С. 169–176.

7. *Рогова К. А.* Семантико-функциональная классификация односоставных предложений. Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии: очерки / Отв. ред С. В. Вяткина, Д. В. Руднев. СПб., 2012. С. 360–367.

8. *Русская грамматика.* Т. II. Синтаксис. М., 1980.

9. *Формановская Н. И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М., 2002.

10. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941.

11. *Searl J.* *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language.* Cambridge, 1969. P. 18–19.

REFERENCES

1. Adamets P. (1966) Poriadok slov v sovremennom russkom iazyke. Praga. (in Russian)
2. Arutiunova N. D. (1990) Rechevoi akt. In: *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'.* Moscow. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/412c.html> (in Russian)
3. Kalinina A. A. (1991) Spetsifika predlozhenii s glagolami v forme 1 litsa mnozhestvennogo chisla, vyrazhaiushchimi pobuzhdenie k sovmestnomu deistviu. In: *Perekhodnost' i sinkretizm v iazyke i rechi.* Moscow, p. 151–156. (in Russian)
4. Kibrik A. A. (2015) Kognitivnyi analiz diskursa: lokal'naia struktura. In: *Kibrik A. A., comp., ed., Koshelev A. D., ed. (2015) Iazyk i mysl'. Sovremennaia kognitivnaia lingvistika.* Moscow, p. 595–634. (in Russian)
5. Puchkova A. V. K voprosu o klassifikatsii rechevykh aktov pragmalingvisticheskogo podkhode k izucheniiu iazyka. URL: <http://textarchive.ru/c-2149214-p50.html> (in Russian)
6. Rogova K. A. (2007) Normativnyi aspekt v upotreblenii opredelennolichnykh predlozhenii. In: *Slovo i predlozhenie: issledovaniia po russkomu iazyku i metodike prepodavaniia: Sbornik nauchnykh statei v chest' 70-letia prof. V. P. Pronicheva.* St. Petersburg, p. 169–176. (in Russian)
7. Rogova K. A. (2012) Semantiko-funktsional'naia klassifikatsiia odnostavnykh predlozhenii. In: *Viatkina S. V., Rudnev D. V., ed. (2012) Grammatika i stilistika russkogo iazyka v sinkhronii i diakhronii: ocherki.* St. Petersburg, p. 360–367. (in Russian)
8. *Russkaia grammatika* (1980). Vol. 2. Sintaksis. Moscow. (in Russian)
9. *Formanovskaia N. I.* (2002) Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskii podkhod. Moscow. (in Russian)
10. *Shakhmatov A. A.* (1941) Sintaksis russkogo iazyka. Leningrad. (in Russian)
11. *Searl J.* (1969) *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language.* Cambridge, p. 18–19. (in English)

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПОЛЕЗНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЕЙ В. И. ДАЛЯ, М. А. РЫБНИКОВОЙ И В. И. ЗИМИНА)

NATALIA A. POTAPOVA

RUSSIAN PROVERBS FROM THE "MINERALS" THEMATIC GROUP
(ON THE MATERIAL OF THE DICTIONARIES BY V. I. DAL, M. A. RYBNIKOVA AND V. I. ZIMIN)

В статье рассматриваются русские пословицы тематической группы «полезные ископаемые», по данным «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля и словарей пословиц М. А. Рыбниковой и В. И. Зими́на. Анализируются паремии с лексемами *алмаз, гранит, глина, железо, золото, камень, песок, серебро*, образное содержание которых включает в себя культурные коды (природно-ландшафтный, антропный, соматический) с целью выявления и описания того строительного материала, который соответствует культурному смыслу образной структуры пословиц. Автор приходит к выводу, что пословицы тематической группы «полезные ископаемые» в концентрированной форме отражают многовековую мудрость народа, его наблюдения над миром, окружающими природными объектами и явлениями и взаимоотношениями между людьми.

Ключевые слова: язык; речь; культура; словарь; пословица; полезные ископаемые; природно-ландшафтный код культуры.

The article deals with the Russian proverbs from the "minerals" thematic group, taken from the "Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language", compiled by V. I. Dal, and the proverbs dictionaries by M. A. Rybnikova and V. I. Zimin, analysing proverbs with the lexemes 'diamond', 'granite', 'clay', 'iron', 'gold', 'stone', 'sand', 'silver', including their cultural codes (the natural and landscape, the anthropic, the somatic) for the purpose of identification and description of the construction material, corresponding to the cultural sense of the proverbs' figurative structure. The author concludes that these proverbs reflect people's ancient wisdom, their observations on surrounding natural objects and human beings relationships.

Keywords: language; speech; culture; dictionary; proverb; minerals; natural and landscape code of culture.



**Наталья Александровна
Потапова**

Аспирант

Национальный минерально-сырьевой
университет «Горный»

20-я лин. В.О., 2,
Санкт-Петербург, 199106

► natpotaprabota@mail.ru

Natalia A. Potapova

National mineral resources university
(Mining university)

The 20th lean. Vasilyevsky Island, 2, St.
Petersburg, 199106, Russia

Научный руководитель:

д-р филол. наук, проф. Д. А. Щукина

При анализе языка как феномена культуры и отразившихся, закрепившихся в нем проявлений культуры отдельного внимания заслуживает паремиологический фонд языка — ценный источник сведений о культуре и менталитете народа, зафиксировавший представления данного этноса о системе ценностей, общественной морали, отношений к миру, природе, людям, окружающей действительности.

Паремии занимают особое место в языковой картине мира, поскольку они наиболее образно, аргументированно и лаконично позволяют выразить целый комплекс культурных смыслов, связанных с человеком, человеческим сознанием и обществом. Определяя пословицу, В. И. Даль анализирует характерную для нее двустороннюю структуру:

«Это суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Пословица — обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми. Но „Одна речь не пословица“: как всякая притча, полная пословица состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения, и из приложения, толкования, поучения» [2: 35]. «Пословицы будем мы рассматривать, — писал Ф. И. Буслаев, — как художественные произведения родного слова, выражающие быт народа, его здравый смысл и нравственные интересы» [1: 80]. По словам исследователя М. А. Рыбниковой, «в пословицах нашло отражение стихийно-материалистическое мировоззрение народа, возникшее в результате трудовой деятельности людей. В них запечатлен ум и трудолюбие народа, поэтому традиционные пословицы не потеряли своего значения и в современности» [6: 8]. Таким образом, подчеркнуто неотъемлемое свойство русской пословицы — многозначность, типическое обобщение, образное объяснение множества явлений. При этом искусство говорящего состоит в том, чтобы, встретив и опознав явление, случай, свойство, человеческий поступок, охарактеризовать его пословицей, установив связь между частным случаем и его поэтическим определением, высказанным в пословице: «*Пословица к слову молвится*».

Для выявления пословиц тематической группы «полезные ископаемые» необходимо прежде всего обратиться к данным словарей: «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля [3], «Русские пословицы и поговорки» М. А. Рыбниковой [6], «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» В. И. Зиминой [4]. В ходе исследования были отобраны актуальные лексемы *алмаз, гранит, глина, железо, золото, камень, песок, серебро*, зафиксированные в сознании современного носителя русского языка, представляющие тематическую группу «полезные ископаемые». Далее названные выше словари были проанализированы с целью определения частотности употребления пословиц с выделенными лексемами, а также объединения их в смысловые группы. Слова *глина, камень, песок* были отнесены к группе «горная порода»,

железо, золото, серебро к группе «металлы», а лексемы *алмаз, гранит* объединены в группу «камень». Необходимо отметить, что употребляемые в данной статье слова «пословица» и «паремическое выражение» следует считать синонимами.

Во время работы со словарем Владимира Ивановича Даля, достоинством которого считается большой иллюстративный материал на основе фразеологизмов и паремий, методом направленной выборки было выявлено 93 пословицы, включающие и описывающие представленные лексемы. С лексемой *алмаз* — 4, *глина* — 2, *железо* — 12, *золото* — 26, *камень* — 32, *песок* — 9, *серебро* — 8. Необходимо отметить, что при анализе паремических выражений, представляющих тематическую группу «полезные ископаемые», было обнаружено отсутствие пословиц с лексемой *гранит*.

Рассмотрим примеры. Пословица «*Куй железо пока горячо*» объединяет два представления человека — о себе, об особенностях характера, а также о физическом свойстве и характеристике *железа*. Нормативное употребление данной пословицы связано с ситуацией, когда говорится о необходимости торопиться делать что-либо, пока есть возможности, благоприятные условия. Точно так же с *железом*, его куят только пока оно горячее, то есть в то время, когда оно поддается физической обработке.

Паремические выражения «*Ржавое железо не блестит*», «*В огне и железо плавко*» являются примерами того, как пословицы описывают химические и физические свойства *железа*, представляя собой дополнительный источник горно-геологических знаний. В паремическом выражении «*Булат не гнется, шелк не сечется, красное золото не ржавеет*» отображается химическое свойство *красного золота*.

Особое место в словаре В. И. Даля занимают многочисленные пословицы с компонентом *камень* — 32 пословицы. В разных культурах *камень* наделяется сложной и многозначной символикой. Он понимается «как некая основа, и как центр мира, и как источник двух стихий мироздания — огня и воды» [8: 323], как родовое, обобщенное понятие горных пород. Так, пословица «*Камень*

не человек, а и тот рушат» описывает физическое свойство камня — прочность, а компонент камень символически осмысливается как фундамент, опора, разрушение которого ведет к неминуемой гибели, краху, несмотря на его прочность.

В исследуемых пословицах отражается не только эмоционально-экспрессивная оценка поступков человека, событий, явлений, нравственная система ценностей, общественная мораль, но и наблюдения человека на основе многовекового жизненного опыта над миром, жизнью природы, что выражается в описании характеристик и свойств объектов. Через компоненты алмаз, глина, железо, золото, камень, песок, серебро пословицы «соотносятся, с одной стороны, с горно-геологической терминологией, с другой — с природно-ландшафтным кодом культуры, т. е. совокупностью имен, научных характеристик, свойств природных объектов и элементов ландшафта, которые выступают в роли языка культуры» [10: 167]. Таким образом, все пословицы с приведенными лексемами были разделены на три группы.

К первой отнесем паремические выражения, в которых лексемы алмаз, глина, золото, железо, камень, песок, серебро выражают свойства полезных ископаемых (13 пословиц). Например:

«Ржа железо ест», «Ржавое железо не блестит», «В огне и железо плавко», «Золото и на воде плавает», «Золото железо режет», «На то дорогу золотом устлали, чтоб она железо ела», «Булат не гнется, шелк не сечется, красное золото не ржавеет», «От жару и камень треснет» и т. д. Представленные пословицы представляют собой дополнительный источник научных знаний о мире и природе.

Вторая группа объединяет пословицы, в которых через компоненты алмаз, глина, железо, золото, камень, песок, серебро отражается богатый, жизненный опыт народа, его высокие моральные качества, в которых нашло отражение стихийно-материалистическое миропонимание русского народа, сформировавшееся в результате трудовой деятельности людей (31 пословица). Например:

«Орем землю до глины, а едим мякину», «Песок под ногами, а кому нужно, возят», «Пора да время дороже золота», «Кто умеет золотом шить, не пойдет молотом бить: а кто умеет молотом бить, не пойдет землю рыть»,

«Богатый не золото ест, а бедный не камень гложет», «При рати железо дороже золота», «Кто живет в добре, тот ходит в серебре», «Экзекутор сургуч ест, бумагу ест, чернила ест и песок ест», «Одним камнем двух собак разогнал», «Мое сердце в тебе, а твое в камени» и т. д.

Третья группа представляет собой паремические выражения, которые соотносятся, с одной стороны, с горно-геологической наукой, с другой — с особенностями национальной языковой картины мира, отражающей ум и фантазию русского народа, специфику этнически обусловленного взгляда на окружающую действительность. С помощью лексем алмаз, глина, железо, золото, камень, песок, серебро, входящих в состав пословиц, отражаются названия научных наименований природных объектов и элементов ландшафта, описываются их свойства, а также обнаруживается характер, образ мыслей народа, его миропонимание (49 пословиц). Например:

«Алмаз стекольщика белит, негоден, не режет, а только скребет, царапает», «Тверд (верен, дорог), как алмаз», «Человек не глина, а дождь не дубина, не убьет и не размочет», «Моль одежду, ржа железо, а худое братство нравы тлит», «Ссуды пикут на железной доске, а долги на песке», «Он из песку веревки вьет», «Верен, что золото в огне», «Не то дорого, что красного золота, а то дорого, что доброго мастерства», «Капля камень долбит», «Камень не человек, а и тот рушат», «Добро серебро, а золото лучше», и т. д.

Таким образом, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля позволил выделить пословицы тематической группы «полезные ископаемые», раскрывающие и описывающие не только нравственную систему ценностей человека, но и свойства, научные характеристики объектов. Пословицы представляют собой дополнительный источник информации о металлах, камнях, горных породах, об их особенностях и характерных признаках. Как отмечает А. Н. Мартынова, «пословицы — явления мысли, языка и искусства. Главное в пословице как жанре фольклора не ее логическая природа, не информация, заложенная в ней, а художественный образ, смысловая двуплановость» [5: 6].

Исходя из основного теоретического положения о том, что народное творчество постоянно шлифуется и активно развивается, что оно неразрывно связано с текущей жизнью,

Мария Александровна Рыбникова, автор словаря «Русские пословицы и поговорки», показывает, что с помощью пословиц можно характеризовать настоящее и прошлое, образно оценивать социальный строй, явления общественного порядка, семейный быт, моральные качества человека, а также его отношение к природе и окружающему миру. В ходе исследования методом направленной выборки из словаря М. А. Рыбниковой было отобрано 44 пословицы. С лексемой *алмаз* — 2 пословицы, *глина* — 3, *железо* — 4, *золото* — 25, *камень* — 10, *серебро* — 5.

В отличие от словаря В. И. Даля в сборнике М. А. Рыбниковой отмечено меньшее количество паремических выражений с данными лексемами, а также отсутствуют пословицы со словами *гранит* и *песок*. Приведем примеры:

«Золото не в золото, не побывав под молотом», «Не всегда серебро да золото светятся», «Поддельное золото темнеет», «Много звёзд на небе, да высоко, много золота в земле, да глубоко, а за пазухой грош на всякое время хорош», «Не грязь, да не глина, мастеру и есть нечего было», «Вода и землю точит и камень долбит», «В горну и железо плавится», «Хороший алмаз требует хорошей оправы» и т. д.

В данном словаре самую большую группу составляют паремические выражения, содержащие лексему *золото*.

Пословицы из сборника М. А. Рыбниковой также были разделены на три группы. Паремические выражения, описывающие лишь свойства металлов и минералов, представляют меньшее количество так же, как в словаре В. И. Даля.

В самую многочисленную группу вошли пословицы, содержащие, помимо описания национально-культурных особенностей русского народа, научные характеристики, свойства полезных ископаемых (*19 пословиц*). Например:

«Первый день гости — золото, второй — серебро, третий — медь», «Не все то золото, что блестит», «Во всяком камне искра, во всяком человеке правда, да не скоро ее выбьешь», «На одном месте и камень мхом обрастает», «Железо уваришь, а злой жены не уговоришь», «И камень лежа обомшится» и т. д.

Так, в паремическом выражении *«Ржа ест железо, а беда — сердце»* процесс ржавления, в ходе которого происходит разрушение *железа*,

сравнивается с *бедой*, влияющей на изменение физического, эмоционального и душевного состояния человека. В данной пословице образ *беды* создается при помощи олицетворения, приписывающего неодушевленному предмету свойство живого существа. Природно-ландшафтный код культуры и языка взаимодействует с соматическим, определяя характер осмысления человеком окружающей действительности. Таким образом, описанное в пословице химическое свойство *железа*, а именно возможность покрываться ржавчиной, что ведет к его окислению и коррозии, соотносится с разрушительной силой *беды* для каждого человека.

Таким образом, главное свойство пословиц тематической группы «полезные ископаемые» в словаре М. А. Рыбниковой «Русские пословицы и поговорки» — многозначность, обобщение социально-исторического опыта народа, образное объяснение явлений жизни через ассоциации с явлениями природы. В них запечатлен ум и трудолюбие народа.

«Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» Валентина Ильича Зимина содержит богатый пословично-поговорочный материал. Большой интерес словарь представляет как специфическое справочное пособие, способствующее лучшему усвоению по-настоящему народной речи, лучшему пониманию России, духа ее народа. В результате его изучения была отобрана 71 пословица. С лексемой *алмаз* — 5 пословиц, *глина* — 1, *гранит* — 1, *железо* — 9, *золото* — 27, *камень* — 25, *песок* — 4, *серебро* — 1. Главное отличие от словарей В. И. Даля и М. А. Рыбниковой заключается в том, что в тезаурусе В. И. Зимина представлены пословицы, в состав которых входят все рассматриваемые лексемы. Приведем примеры:

«Алмаз и в грязи видать», «Жизнь дала трещину, которую ни глиной не замажешь, ни водкой не зальешь», «Грызи гранит науки», «Ржа съедает железо, а завидующий от зависти гибнет», «Золото испытывают кислотой, а человека золотом», «Капля воробью глотка нет, а камень долбит», «Песок вилами не грузят», «Сказанное слово — серебро, несказанное — золото» и т. д.

Особое место занимают многочисленные пословицы с лексемами *золото* и *камень*.

Аналогично словарям В. И. Даля и М. А. Рыбниковой меньшая часть паремических выражений в тезаурусе В. И. Зимина относится к группе пословиц, описывающих научные характеристики, свойства природных объектов (8 пословиц). Например:

«Железо в работе не ржавеет», «Золото хоть и веско, а кверху тянет», «Булат режет железо и кисель», «Камень упал на горшок — горшку горе; горшок упал на камень — тоже горшку горе» и т. д.

Пословица *«Камень упал на горшок — горшку горе; горшок упал на камень — тоже горшку горе»* — является выразительным примером того, как компонент паремиологической единицы *камень* соотносится с природным кодом культуры и восходит к архетипической, т. е. наиболее древней, оппозиции «легкий-тяжелый», а именно описывает физическое свойство *камня* — прочность.

Разделение паремических выражений словаря В. И. Зимина по группам позволило также провести сравнение со словарями В. И. Даля и М. А. Рыбниковой, а именно определить, что большую часть представляют пословицы, описывающие, с одной стороны, свойства полезных ископаемых, с другой — особенности русского характера (43 пословицы). Например:

«Алмаз алмазом режется, плут плутом губится», «Ржа ест железо, а злая жена — мужа», «Золото познается в огне, а человек — в труде», «Думой камня с пути не своротить», «Женское сердце — камень на горе: лежит — молчит, а уж как падать станет — земля застонет», «Лгун по песку идет: чем дальше, тем труднее» и т. д.

Так, в пословице *«Золото познается в огне, а человек в труде»* компонент *золото* олицетворяется с человеком, а отражающееся физическое свойство золота — плавление, т. е. изменение формы при высокой температуре, сравнивается с главной чертой русского народа — трудолюбием. Таким образом, неодушевленный предмет, явление природы наделяется человеческими способностями и свойствами. Пословица *«Грызят гранит науки»*, с одной стороны, отражает главное достоинство *гранита* — его природную твердость, низкую стираемость и высокую плотность, с другой — говорит о такой особенности русского человека, как усердие в изучении какой-либо науки. В анализируемом паремиологическом вы-

ражении природно-ландшафтный код культуры взаимодействует со знаниями человека о свойствах объекта.

Как видно из приведенных примеров, в пословицах данной группы запечатлен познавательный опыт русского народа. Они впитали в себя все тонкости оценочного отношения к природе, окружающей действительности, ее восприятия и отражения. По словам исследователя И. М. Снегирева, «когда народ, освобождаясь от оков глубокого невежества, начинает наблюдать и размышлять, тогда у него появляются плоды его наблюдений и размышлений в кратких, редких и замысловатых изречениях, кои обращаются в пословицы» [7: 151].

Таким образом, словари В. И. Даля, М. А. Рыбниковой и В. И. Зимина позволяют выделить пословицы тематической группы «полезные ископаемые», разделить их на смысловые группы, установить, что лексемы *алмаз, гранит, глина, железо, золото, камень, песок, серебро* используются для обозначения физических, химических свойств и характеристик природных объектов и явлений, рассмотреть пословицы не только как эстетические, моральные и нравственные нормы, но и как источник информации о металлах, камнях, горных породах, об их особенностях и характерных признаках. Рассмотренные словари дали возможность отобрать те пословицы, образное основание которых обнаруживает различные «коды культуры»: природно-ландшафтный — природные реалии, антропный код — человек и различного рода его свойства, состояния или виды деятельности его проявления во всех сферах жизни, телесный, или соматический. Каждое поколение русского народа накапливало наблюдения над миром, жизнью природы, общественными и семейными отношениями людей и эти знания, социальный, трудовой опыт отражало в произведениях устного народного творчества. Как подчеркивает исследователь Н. И. Шейко, «в обширном и многогранном языковом творчестве русского народа пословицы составляют неотъемлемую часть его речевых богатств, органическую часть его духовной культуры» [9: 4].

Наше исследование показывает, что пословицы тематической группы «полезные ископае-

мые» служат для оценки окружающей действительности, характера людей и их взаимоотношений, явлений природы и общественной жизни, что указывает на особое место пословиц в паремическом пространстве любого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслаев Ф. И. Из исторических очерков русской народной словесности и искусства. М., 1861.
2. Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник. М., 1957.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 2 т. М., 2002.
4. Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М., 2008.
5. Мартынова А. Н., Митрофанова В. В. Пословицы, поговорки, загадки. М., 1986.
6. Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки. М., 1961.
7. Снегирев И. М. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. Н. Новгород, 1996.
8. Телия В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М., 2006.
9. Шейко Н. И. Пословицы и поговорки русского народа. М., 2006.
10. Шукина Д. А. Профессиональная речь в техническом вузе: специфика работы с лексикой и фразеологией //

Современные образовательные технологии в преподавании естественнонаучных и гуманитарных дисциплин: Труды международной научно-методической конференции 27–29 мая 2014 г. / Национальный минерально-сырьевой университет «Горный». СПб., 2014. С. 162–170.

REFERENCES

1. Buslaev F. I. (1861) Iz istoricheskikh ocherkov russkoi narodnoi slovesnosti i iskusstva. Moscow. (in Russian)
2. Dal' V. I. (1957) Poslovitsy russkogo naroda. Sbornik. Moscow. (in Russian)
3. Dal' V. I. (2002) Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka. In 2 vols. Moscow. (in Russian)
4. Zimin V. I. (2008) Slovar'-tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazhenii. Moscow. (in Russian)
5. Martynova A. N., Mitrofanova V. V. (1986) Poslovitsy, pogovorki, zagadki. Moscow. (in Russian)
6. Rybnikova M. A. (1961) Russkie poslovitsy i pogovorki. Moscow. (in Russian)
7. Snegirev I. M. (1996) Slovar' russkikh poslovits i pogovorok. Russkie v svoikh poslovitsakh. Nizhnii Novgorod. (in Russian)
8. Teliia V. N. (2006) Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentarii. Moscow. (in Russian)
9. Sheiko N. I. (2006) Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda. Moscow. (in Russian)
10. Shchukina D. A. (2014) Professional'naia rech' v tekhnicheskome vuze: spetsifika raboty s leksikoi i frazeologii. In: Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii v prepodavanii estestvennonauchnykh i gumanitarnykh distsiplin: Trudy mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii 27–29 maia 2014 goda. St. Petersburg, p. 162–170. (in Russian)

[хроника]

XXXVII АПРЕЛЬСКИЕ ЧТЕНИЯ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СПбГУ

(Начало на с. 10, 18, 25, окончание на с. 79)

до Канта и Гегеля), на которые Толстой опирался, описывая историю духовного развития главных героев своего романа.

Разнообразные типы межтекстовых отношений стали предметом рассмотрения И. Э. Васильевой (СПбГУ), описавшей функционально-семантические варианты широко распространенных образов («тургеневская девушка», «сумеречная действительность», «крокодил»), и Ю. В. Доманского (РГГУ), который в докладе «Эпическое событие в лирическом сюжете (рассказ Антона Чехова “Тоска” и стихотворение Евгения Карасёва „Бессилье“» провел сопоставление между текстами, имеющими разную родовую принадлежность. М. Я. Вайскопф (Еврейский университет, Иерусалим) привел разнородные образчики бабелевских сюжетных мистификаций, представляющих собой замаскированные нарушения пространственно-временных и каузальных связей, и предположил, что источником подобной поэтики могли быть, в частности, произведения Гоголя.

Специальное секционное заседание семинара было посвящено проблеме интертекстуальности визуального. О. Славина (Университет Гамбурга) в сообщении «Русско-

немецкая арабеска: интертекстуальность визуального у В. А. Жуковского» охарактеризовала творческие связи поэта с художником Г. фон Рейтерном в контексте эстетических идей немецкого романтизма. С. Д. Титаренко (СПбГУ) в теоретически ориентированном докладе «Интертекстуальность vs интермедийность в поэтике символистов: стратегии репрезентации» остановилась на сложной специфике особенностей цитирования, характерных для творчества русских символистов, а Н. Ю. Грякалова (ИРЛИ), посвятившая свое выступление анализу стихотворения Вяч. Иванова «Нарцисс. Помпейская бронза», продемонстрировала эту специфику на частном примере. Завершивший заседание доклад Л. Д. Бугаевой (СПбГУ) был посвящен феномену звуковой/визуальной/аудиовизуальной метафоры в интертекстуальном пространстве.

Секция «Интертекст в поэтическом тексте» объединила сообщения, касающиеся роли поэтической традиции в создании смысла отдельных произведений. В докладе Ю. Б. Орлицкого (РГГУ) «К вопросу об интертекстуальном потенциале редких стиховых форм в русской поэзии: античных (гексаметр и логаэды) и восточных (хайку, ру-

О. В. Мякшева

УРОВНИ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ «ВОССТАНОВЛЕННЫХ» ТЕКСТОВ)

OLGA V. MYAKSHEVA

THE LEVELS OF TEXT COMPREHENSION (ON THE BASE OF "RESTORED" TEXTS)

Анализируется процесс «восстановления» текста с пропущенными словами. В результате анализа выясняется, что легко восстанавливаются фрагменты текста с понятной, то есть соответствующей жизненному опыту читателей «картинкой» события. Хорошо поддерживают правильный выбор и языковые стереотипы, по части которых вспоминается всё выражение. Трудности вызывает поиск слов, отражающих атрибуты далёкой от читателя эпохи, речевых оборотов, свойственных тому времени. Четко выделяется при таком анализе пласт использованных автором выразительных средств, метафор, которые с трудом поддаются восстановлению.

Ключевые слова: клоуз-текст; восстановление текста; языковые стереотипы; культурологическая компетентность; метафоры.

The article analyses the process of «restoring» the text with missed words, proving that the texts' fragments with a clear, corresponding to the readers' life experience "picture" are easily restored. The linguistic stereotypes, by the part of which the whole sentence can be recalled, also maintain the right choice. The difficulty emerges in the search of the words that reflect the attributes of distant epochs with their turns of speech. The layer of specific to the author expressive mean and metaphors is well-defined, since they can be hardly restored.

Keywords: close texts; text restoring; linguistic stereotypes; culturological competence; metaphors.



Мякшева Ольга Викторовна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
и речевой коммуникации

Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского

ул. Астраханская, 83,
г. Саратов, 410012, Россия

► myakshv@mail.ru

Olga V. Myaksheva

Saratov State University
83 Astrakhanskaya Street,
Saratov, 410012, Russia

Изучение текста, его свойств и категорий, уровней организации, места в дихотомии *язык / речь*, отношения к входящим в него языковым единицам — лишь небольшой перечень интересующих современную лингвистику вопросов (см., напр.: [1; 2; 5; 8]). Основным объектом таких исследований являются тексты или их относительно целостные в смысловом, композиционном, структурно-грамматическом аспектах фрагменты (которые, для простоты, также называют текстами).

По мнению Н. С. Болотновой, изучение текста, точнее — стилистики текста, приобретает всё более коммуникативный характер [2: 18]. В этом случае, как представляется, центром внимания становится не только автор текста, но и его адресат. Изучение особенностей читательского восприятия — один из важных аспектов постижения текстовой организации (см. об этом в: [1]). Восприимчивость текста оценивается в [8] как одна из его категорий.

Наш путь исследования таков: используя так называемые клоуз-тексты, то есть тексты с пропущенными словами (см., напр.: [3]), проанализировать их восстановление студенческой аудиторией (для анализа были взяты «восстановленные» тексты у 50 студентов-филологов 3–5-го курсов) и попытаться ответить на вопрос об уровнях воспри-

нимаемости текста. О. И. Колесникова, рассматривая эстетически маркированные компоненты публицистического дискурса, которые содержат художественные факты языка с образным потенциалом, утверждает, что они требуют от читателя «дешифрующего напряжения» [4: 29], и далее: «читательская мыслительно-речевая деятельность активизируется в силу необходимости перекодировки имплицитных форм чужого текста» [Там же]. В нашем случае имплицитность создана искусственно, механически — пропуском слов из фрагмента текста, художественного произведения известного филологам писателя.

Мы хорошо осознаем относительность такого анализа (подвергаются исследованию не готовые, целостные тексты, а их «закрытые», неполные варианты), однако полученные наблюдения позволяют сделать некоторые интересные выводы о сущностных свойствах текстов, которые были бы не так заметны при взгляде на готовый текст. Такой взгляд «изнутри» показывает, например, что помогает, а что может мешать восприятию текста, его авторского замысла и тем самым позволяет заглянуть в процесс движения мысли от автора к читателю (слушателю, зрителю).

Материалом для работы стал клоуз-текст из [3: 22–23], приводимый ниже полный фрагмент этого текста выверен по: [6; 7], три несоответствия в клоуз-тексте оригиналу мы учесть не смогли, в приводимом ниже фрагменте дадим их в скобках. Полу жирным шрифтом выделены опущенные в клоуз-тексте слова. Повесть В. Ф. Одоевского «Косморама», из которого взят фрагмент, была создана в 1840 году. Фрагмент именно из этой повести привлёк наше внимание по следующим причинам: 1) денотат событий вполне реален — улицы и дома Москвы; 2) авторское описание основывается как на обычных, окружающих и современного человека предметах — дома, дворы, стены, окошки, так и на приметах прошлых эпох — монастырь, дворня, мостовая; 3) во фрагменте в достаточной мере ощущаются авторские оценки, текст умеренно метафоричен.

Кстати я вспомнил, что к моим знакомым и родным я еще не являлся с визитом. Обвездив кучу домов, ис-

тратив почти все свои визитные билеты, я остановил карету у Петровского бульвара и вышел с намерением дойти пешком до Рождественского монастыря; невольно я останавливался на каждом (всяком) шагу, вспоминая былые и любясь улицами Москвы, которые кажутся такими (так) живописными после однообразных петербургских стен, вытянутых в шеренгу. Небольшой переулок на Трубе тянулся в гору, по которой рассыпаны были маленькие домики, построенные назло всем правилам архитектуры и, может быть, потому еще более красивые; их пестрота веселила меня в детстве и теперь снова поражала меня своею прихотливою небрежностью. По дворам, едва огороженным, торчали деревья, а между деревьями развешаны были разные домашние принадлежности; над домом в три этажа и в одно окошко, выкрашенным красною краскою, возвышалась огромная зеленая решетка в виде голубятни, которая, казалось, придавливала весь дом. Лет двадцать тому назад эта голубятня была для меня предметом удивления; я знал очень хорошо этот дом; с тех пор он нисколько не переменился, только с бока приделали новую пристройку в один этаж и как будто нарочно выкрасили желтою краскою; с нагорья была видна внутренность двора; по нему (нём) величаво ходили дворовые птицы, и многочисленная дворня весело суетилась вокруг красная-пряничника. Теперь я глядел на этот дом другими глазами, видел ясно всю нелепость и безвкусию его устройства, но, несмотря на то, вид его возбуждал в душе такие чувства, которых никогда не возбуждают выложенные петербургские дома, которые, кажется, готовы расшаркаться по мостовой вместе с проходящими и которые, подобно своим обитателям, так опрятны, так скучны и холодны. (В. Ф. Одоевский Косморама.)

Данный фрагмент содержит около 300 слов, пропущено в клоуз-тексте 66, то есть приблизительно пятая часть. Студенты работали в аудитории, им запрещалось пользоваться телефонами и советоваться друг с другом. Мы позволили себе не учитывать допущенные студентами при восстановлении явные ошибки и нелепицы (их было немного), подобные таким: *невольно я останавливался на (!) каждом переулке; по которой расположены были унылые домики, построенные ещё всем светилом архитектуры* (ср. в приводимом выше фрагменте текста). Не учитывались и вставленные слова, в результате приводящие к грамматическим трансформациям исходных фраз, которые по заданию не допускались.

Остановимся на основных результатах работы (троеточием указываем пропуск слова, которое в конкретном случае не является предметом рассмотрения).

1. Все студенты однозначно восстановили 4 слова: *вспоминая (вспоминая былое)*, *дом* (я ... очень хорошо этот *дом*), *краскою* (нарочно выкрасили желтою *краскою*), *глазами* (теперь я ... на этот ... другими *глазами*). Что касается первого слова, *вспоминая*, то его однозначному восстановлению, на наш взгляд, способствовали следующие факторы: устойчивость сочетания *вспоминать былое* при вербализации в тексте объекта *былое*, синтаксическая поддержка формы глагола однородным рядом (*и любуюсь*), наконец, семантическое прогнозирование *невольно я ... на каждом ...; вспоминая былое и любуюсь ... Москвы*. Восстановление слова *дом* в фразе я ... очень хорошо этот *дом* объясняется наличием при пропуске указательного местоимения в форме мужского рода *этот* и контекстом: предыдущим *над ... в три этажа* и последующим *с тех пор он немало не ..., только с бока приделали новую...* Третье слово *глазами* во фразе *теперь я ... на этот ... другими глазами* есть компонент общеупотребительного устойчивого сочетания *смотреть (глядеть) другими глазами*. Иных вариантов при прогнозировании слов *дом* и глагола зрительного восприятия *смотреть / глядеть* с имеющимся в тексте после пропуска глагола предлогом *на* здесь нет. Наконец, восстановление слова *краскою* поддерживается его словообразовательным дериватом в ближайшем контексте *выкрасили*.

2. Около двух третей восстановленных слов — это либо оригиналы, либо их синонимы (в широком смысле — слова, контекстуально допустимые), более или менее удачные с точки зрения сохранения (восстановления) исходного смысла текста. Количественное соотношение выбора оригинала или его синонима в разных случаях разное, рассмотрим наиболее интересные варианты.

Глагол *останавливался*, как и слово *шагу*, вставили в клоуз-текст почти все студенты, но встретились и *оборачивался*, *оглядывался*, *озирался*, вместо *шагу* — *углу*, *повороте*, *перекрестке*. Появление *шагу*, вероятно, было предопределено визуальной связью с *каждом* (предположим, что если бы в клоуз-тексте было оригинальное слово *всяком*, то частотность *шагу* была бы меньшей).

В первом предложении *Кстати я вспомнил, что к моим... и родным я еще не... с визитом* глагол *вспомнил* восстановлен в 43 работах (названием кстати семантически поддержан именно этот глагол), кроме него: несколько раз *подумал*, *понял* (тоже глаголы мыслительной деятельности), а также по одному разу *рассказывал*, *писал*, *предупредил*. Как представляется, три последних глагола здесь тоже возможны, но их употребление явно было бы более зависимо от предыдущего контекста.

Во фразе *над ... в три этажа и в одно окошко, ...красною ...* в большинстве работ наблюдаем восстановление, близкое к оригинальному: (соответственно) *домом* — в 38 работах, *выкрашенным (-ое)* — в 21, *краскою* — в 48. Факту восстановления, например, слова *дом* мы находим такое объяснение: к середине фрагмента в воображении студентов уже воссоздана более / менее адекватная картина описываемого автором события (предшествующие слову *дом* предметные ориентиры: *улицы, переулок, домики, дворы*). Восстановление именно слова *дом* логически поддерживается стоящими рядом словами *этажа* и *окошко* и синтагматически — предложными оборотами *в+вин.п. с определительным значением*, связанными сочинительным союзом *и*.

Частотность оригинального глагола *возбуждал* и глагола *пробуждал* во фразе *возбуждал / пробуждал в душе такие...* была приблизительно равной. В Национальном корпусе русского языка (<http://ruscorpora.ru>; дата обращения — 19 августа 2015 г.; далее — НКРЯ) представлены такие данные: форма *возбуждал* в основном корпусе зафиксирована в 389 документах (530 вхождений), диаграмма распределения по годам — в середине XIX века 6–8 единиц, в XXI веке резкое снижение употребления до 0,3 единицы. Форма *пробуждал* при значительно меньшей употребительности, в 94 документах (110 вхождений, распределение по годам — в середине XIX века 1–1,5 единицы, пик в 1918 году — 3 единицы), в XXI веке имеет тенденцию к увеличению употребления от 0,25 до 0,6 единицы.

Последнее слово в этом отрезке текста *возбуждал / пробуждал в душе такие...* чаще всего

у студентов — чувства, кроме него — воспоминания, картины и даже эмоции. В НКРЯ слово *чувства* представлено в основном корпусе в 5480 документах (19 069 вхождений), в диаграмме распределения по годам — пик употребительности в 30-х годах XIX века (к 200 единицам), в XXI веке в среднем 50 единиц и несколько выше. Слово *эмоции* зафиксировано в НКРЯ только с конца 30-х годов прошлого века, в основном корпусе в 947 документах (1731 вхождение), в XXI веке отмечается резкое увеличение употребительности до 35 единиц. Назовём употребление слова *эмоции* в восстановленных текстах «дискурсивной» ошибкой студентов, отражающей недостаточное лингвистическое чутьё авторов такой «вставки», невысокий уровень читательской культуры.

Во фразах *построенные назло всем ... архитектуры; голубятня была для меня... удивления* и подобных частотность оригинальных слов (соответственно: *правилам, предметом*) доходила почти до половины. Вероятно, словосочетания *правила архитектуры, предмет удивления* и некоторые другие субстантивные словосочетания, состоящие из общеупотребительных слов, устойчиво стереотипны. В остальных случаях были вставлены такие близкие по смыслу слова: (в той же последовательности) *законам, нормам, уставам, канонам, требованиям; верхом, местом, полна, достойна*. Почти все заместители оригинальных слов с точки зрения смысла здесь допустимы (может быть, исключая *местом*), но менее ожидаемы.

В приведённых выше и подобных примерах контекст и грамматический «скелет» фраз позволял студентам оставаться в пределах смысла исходного текста, приведём ещё примеры, внося в них все вставленные студентами слова: *к моим знакомым / друзьям / близким и родным я еще не являлся / ездил / приезжал / заглядывал с визитом; только с бока приделали новую пристройку / постройку / дверь / лестницу / в один этаж / проем / пролёт / метр*. Как видим, выбор первого существительного денотативно обуславливал подбор второго (*пристройка — этаж, дверь — проём, лестница — пролёт*).

Довольно длинный ряд синонимов зафиксирован нами в случаях вставки существитель-

ного при глаголе с ведущей собой зрительного восприятия или глаголе оценки, например: *любуясь улицами, домами, видами, окрестностями, улочками, строениями, постройками*.

В нескольких фразах почти все студенты предпочли близкий синоним употребленному оригинальному, например: *с тех пор он нимало не изменился* (вместо *переменился*); *теперь я смотрел* (вместо *глядел*) *на этот... другими... По данным НКРЯ, форма глагола *переменился* в основном корпусе встретилась в 516 документах (785 вхождений), пик употребительности — в середине XIX века, сейчас его употребление стремится к нулю. Форма *изменился* встретилась в 1902 документах (2929 вхождений), пик употреблений — в конце XIX века (к 20 единицам), в середине XIX века — 12,5 единиц, в XXI веке явный рост к 15 единицам. Отсутствие глагола *переменился* в студенческих работах и есть подтверждение этой статистики.*

Глагол *глядеть* с начала XIX века значительно уступал по употребительности глаголу *смотреть*, на протяжении XVIII–XX вв. частотность глагола *смотреть* поднялась до 500 единиц, глагола *глядеть* — не выше 110. В начале XXI века частотность глагола *глядеть* снизилась до 20 единиц, глагола *смотреть* до 200. Иными словами, при исходной большей употребительности глагола *смотреть* тенденция к его доминированию сохраняется, что продемонстрировал и наш анализ.

3. Работая с текстом, студенты иногда создавали иную картину по сравнению с представленной В. Ф. Одоевским. Эта разница могла касаться одного элемента ситуации, см. некоторые примеры выше и следующие: *с намерением дойти напрямиком / прямо / быстро / побыстрее / до обеда / сегодня / низом* вместо *с намерением дойти пешком*; *возвышалась металлическая / деревянная / черная решетка* вместо *зеленая решетка*; *по нему величаво ходили домашние / важные / разные / пестрые / наглые* вместо *дворовые* куры. Приведённые примеры демонстрируют диапазон вариативности в процессе воссоздания картины. Например, при глаголе движения *дойти* возможно употребление довольно длинного ряда разных обстоятельств, что и показал наш материал. Еще

меньше языковых и логических, смысловых ограничений употребления прилагательных при конкретно-предметных существительных (см. выше при существительных *решётка, куры*).

Только в единичных случаях студенты могли существенно изменить картину или её оценку, по сравнению с вариантом писателя, иногда до противоположной. Во фразе *Небольшой переулок на Трубе тянулся в гору, по которой рассыпаны были маленькие домики, построенные ... всем правилам архитектуры и, может быть, потому еще более красивые* на месте пропуска большинство студентов вставили оригинальный предлог *назло* или синонимичный ему *вопреки* и только 2 человека — предлог *согласно*: *построенные согласно всем правилам архитектуры и потому еще более красивые*. В последнем случае в результате получилась довольно сомнительная для смысла фрагмента причинно-следственная связь между компонентами фразы *построенные согласно всем правилам архитектуры и еще более красивые*.

4. Особый интерес представляют собой примеры вставок, которые «выпали» на выразительное средство, «нестандартную форму выражения мысли, эстетически маркированный код» [4: 30]. Когда В. Ф. Одоевским использовалась метафора вместо прямой номинации, процент «угадывания» был низок и зависел от художественного мастерства писателя, иными словами: чем оригинальнее и неожиданнее было выразительное средство, тем этот процент очевиднее стремился к нулю. Например, во фразах: *объездив ... домов; переулок на Трубе ... в гору; по которой ... были маленькие домики* только несколько студентов вставили оригинальное слово (соответственно: *кучу, тянулся, рассыпаны*); во фразе *возвышалась зелёная решетка в виде голубятни, которая, казалось, ... весь дом* никто из студентов не нашел авторского варианта *придавливала*, их варианты — *загораживала, закрывала, накрывала, вместила бы, подпирала, украшала, защищала, проглотила, охватывала, заслоняла*.

Обобщим результаты своей работы под другим, не количественным углом зрения.

В основном студенты смогли в таких довольно сложных условиях (напомним, в клоуз-

тексте было пропущено каждое третье, реже — четвёртое слово) совершить декодирование текста. Особенно точным восстановление текста оказывалось в тех случаях, когда студенту была понятна «картинка» события, эта картинка была ему доступна, **очевидна** (в буквальном смысле этого слова), то есть соответствовала его жизненному опыту и знаниям. Хорошо поддерживали правильный выбор и языковые стереотипы, по части которых восстанавливалось всё выражение.

Мало «попаданий» осуществлялось при попытке восстановления слов, отражающих атрибуты эпохи, речевых оборотов, свойственных тому времени, то есть в тех случаях, когда восстановление зависело от общего культурного уровня студента, возможности / невозможности погружения в культурный пласт далёкого от него времени. Например, никто из студентов во фразе *которые, кажется, готовы расшаркаться по ...* не «угадал» слова *мостовая*, вместо него — *дороге, улицам, улице, пути, полу, проспекту*. Или в такой фразе: *и многочисленная ... весело суетилась вокруг красная-пряничника* — слово *дворня* оказалось непосильным для большинства студентов (вместо него — *прислуга, детвора, орава, молодежь, ребятня, стая, компания*). С прилагательным *визитные* во фразе *истратив все свои визитные...* вместо слова *билеты* студенты употребили — *карточки, средства, сбережения, деньги, места, приглашения*. Забытым некоторыми студентами оказался оборот *являться с визитом*, а вместо глагола *вышел* во фразе *вышел с намерением дойти пешком до Рождественского монастыря* студенты употребили: *пошел, ушел, отправился, сошел* и даже *вылез*. Особенно комично выглядит глагол *тормознул* во фразе *я ... карету у Петровского бульвара*, употребленный вместо глагола *остановил*.

Вызывали затруднения у студентов случаи вставки прилагательных, особенно качественных (цвета, формы, эмоциональной оценки), их субстантивных дериватов (здесь чаще — оценки). Приведем показательные в этом отношении примеры: вместо оригинального прилагательного *красивые* во фразе *построенные назло всем правилам архитектуры и, может быть, потому еще более красивые* было вставлено: *прекрасные,*

забавные, крепкие, милые, понравившиеся, очаровательные, привлекательные, родные, разнообразные, необычные, интересные, унылые; вместо отадаективного субстантива *небрежностью* во фразе *и теперь снова поражала* меня своею прихотливой *небрежностью* — *независимостью, неаккуратностью, непринужденностью, неправильностью, искусностью, красотой, простотой, необычностью, разбросанностью*. Выбор подобных слов не детерминирован конкретной ситуацией, более зависел от авторского «угла зрения», особенностей восприятия и оценки им мира, по отношению к отвлечённым существительным — особенностям его осмысления.

Интересно последнее вставленное в этом тексте прилагательное: *которые, подобно своим обитателям, так опрятны, так скучны и холодны*. Проникновение к концу текста в авторскую интенциональность позволило студентам ограничить возможный синонимический ряд до следующих слов: *одиноки, тоскливы* и даже употребить оригинальное *холодны* (конечно, импульс был задан прилагательным *скучны*).

Четко выделяется при таком анализе пласт использованных автором выразительных средств, (*кучу домов, тянулся в гору, рассыпаны домики, торчали деревья, придавливала дом* и т. д.), которые, с одной стороны, формируют специфику авторского пера, с другой — отражают «художественный компонент языковой компетенции воспринимающего субъекта» [4: 30], в нашем случае — студента-филолога.

Подобная работа с восстановлением текстов даёт хороший материал для анализа «движения» лексики в разные исторические эпохи, очевидно не связанного с «движением», сменой реалий, что может быть предметом дальнейшего лингвистического анализа (см., например, *переменился, глядел, возбуждал* и т. д.).

Кроме того, анализ «восстановленных» текстов позволяет убедить нас в правомерности выделения учеными некоторых средств грамматической связности текста. Например, употребление всеми студентами на месте пропуска во фразе *торчали деревья, а между... развешаны были разные дворовые принадлежности* вместо *деревьями*

местоименной формы *ними* подтверждает существование такого средства грамматической связности в тексте, как анафорическая замена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Стилистика декодирования. Л., 1974.
2. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. М., 2009.
3. Киркинская Т.И., Вульфович А. В. Развитие общетекстовых умений школьников на уроках русского языка в 5–9 классах: практикум. Барнаул, 2011.
4. Колесникова О. И. Креативные способы современной литературы в медийном дискурсе и прагматические условия их интерпретации читателем // Мир русского слова. 2015. № 2. С. 29–35.
5. Николова Н. А. Филологический анализ текста. М., 2008.
6. Одоевский В. Ф. Повести и рассказы. М., 1988. С. 204–205.
7. Русская фантастическая проза эпохи романтизма. Л., 1991.
8. Текст: теоретические основания и принципы анализа: учеб. науч. пос. / Под ред. проф. К. А. Роговой. СПб., 2011.

REFERENCES

1. Arnol'd I. V. (1974) Stilistika dekodirovaniia. Leningrad. (in Russian)
2. Bolotnova N. S. (2009) Filologicheskii analiz teksta. Moscow. (in Russian)
3. Kirkinskaia T.I., Vul'fovich A. V. (2011) Razvitie obshchetekstovyykh umenii shkol'nikov na urokakh russkogo iazyka v 5–9 klassakh: praktikum. Barnaul. (in Russian)
4. Kolesnikova O. I. (2015) Kreativnye sposoby sovremennoi literatury v mediinom diskurse i pragmaticheskie usloviia ikh interpretatsii chitatelem. *Mir russkogo slova*, no. 2, p. 29–35. (in Russian)
5. Nikolina N. A. (2008) Filologicheskii analiz teksta. Moscow. (in Russian)
6. Odoevskii V. F. (1988) Povesti i rasskazy. Moscow, p. 204–205. (in Russian)
7. Russkaia fantasticheskaia proza epokhi romantizma (1991). Leningrad. (in Russian)
8. Rogova K. A., ed. (2011) Tekst: teoreticheskie osnovaniia i printsipy analiza: uchebno-nauchnoe posobie. St. Petersburg. (in Russian)

КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

ELENA V. TUMAKOVA

CREOLIZED TEXT IN EMOTIVE PROSE AND MEDIA DISCOURSE

В статье описываются способы креолизации, активно применяемые в современных художественных и медийных текстах. Использование потенциала креолизованных текстов позволяет авторам привлекать внимание читателей, создавать емкие в содержательном отношении высказывания, актуализировать имплицитные смыслы и коннотативные значения.

Ключевые слова: креолизованный текст; способы креолизации; дискурс.

The article considers the techniques of creolization, applied in contemporary emotive prose and media texts. Revealing the potential of creolized text allows the authors to catch readers' attention, to create richly informative and meaningful statements, broad contexts, to realize the implications and connotations.

Keywords: creolized text; techniques of creolization; discourse.

Развитие науки и техники, внедрение новых технологий в сфере печатного производства, появление и широкое распространение новых сетей массовой коммуникации привело к активному использованию в текстах СМИ невербальных знаков, имеющих информационное наполнение. Сочетание и взаимодействие в пределах одного продукта речетворчества кодов различных семиотических систем ведет к порождению креолизованных текстов [1: 8]. Фактура таких текстов «состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [12: 180–181].

Таким образом, креолизованный текст можно определить как текст, в структурировании которого наряду с вербальными (языковыми) применяются средства других знаковых систем (невербальные, неязыковые). К невербальным средствам, активно используемым в креолизованных текстах, относятся, прежде всего, цифры, символы, рисунки, шрифтовые и цветовые выделения, особенности набора текста и т. д.

С достаточной степенью условности к креолизованным могут быть отнесены тексты, в которых синтезируются коды разных вербальных систем (в частности, примеры смешения алфавитов различных языков). Подобное отнесение возможно в силу понимания креолизации как сочетания различных средств выражения и передачи информации. Не случайно в лингвистике под креолизацией понимается «образование смешанного (по лексике и грамматике) языка в результате взаимодействия двух или более языков, функционирующих на данной территории» [8: 407].



Елена Вадимовна Тумакова

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка

Тюменский государственный
университет

ул. Володарского, 6,
г. Тюмень, 625003, Россия

► e.v.tumakova@utmn.ru

Elena V. Tumakova
University of Tyumen
6 Volodarskogo Street,
625003 Tyumen, Russia

Исследование креолизованных текстов в художественном и медийном дискурсах обусловлено их прагматической близостью, выражающейся, по мнению П. Б. Паршина, в следующем: 1) стремлении максимизировать свой перлокутивный эффект; 2) акцидентности (особом, редко встречающемся оформлении, особом внимании к форме текста); 3) стремлении автора к самовыражению; 4) предоставлении автору «эстетической компенсации» за потраченное время и усилия [11: 504].

В сфере массовой коммуникации (рекламе, публицистике, теле- и интернет-коммуникации) креолизованный текст имеет особое значение, поскольку он позволяет учитывать ряд особенностей, актуальных именно для этого вида речевой деятельности. Так, креолизованные тексты позволяют привлечь внимание читателя (потребителя), передать максимум информации в пределах небольшого по объему высказывания, что экономит место при печати, передать дополнительные оценочные суждения и т. п. Именно средства массовой информации и коммуникации становятся основной сферой применения и распространения креолизованных текстов (заголовки статей, рекламные слоганы, SMS, общение в чатах и на форумах). Однако не менее широко подобные тексты используются в современной художественной литературе. Например, в поэзии А. Вознесенского функционируют особые тексты — видеомы, важным условием для понимания которых является их зрительное восприятие. В структурировании подобных текстов наряду с вербальными средствами используются цвет, набор текста разными видами шрифта, символы, рисунки, фотографии [4]. Не случайно Н. А. Фатеева отмечает, что в современной поэзии «вновь начинает доминировать ориентация на письменную форму текста — без своей структурно-грамматической формы текст не существует и не запоминается» [17: 420]. Действительно, многие поэтические тексты невозможно понять и оценить, не воспринимая их зрительно: без своей графической формы они лишаются смысла:

На деревьях висит тай
Очки сели на кебаб

Лучше вовсе бросить шко
Боже отпусти на не
(А. Вознесенский).

В данном стихотворении «Улет 1» выделенные цветом начальных и финальных сегментов поэтической строки подсказывает, что чтение подобного отрывка должно осуществляться не линейно или последовательно, а циклично: конец строки отсылает к ее началу, и только тогда становится понятно содержание.

Именно «форма записи, отличающаяся от традиционной как в оформлении отдельных языковых единиц, так и целостной структуры текста» становится «самой подвижной составляющей современного поэтического текста» [16: 70]. Данное замечание справедливо не только для поэтических, но и для современных прозаических текстов, в которых не менее широко применяются различные способы креолизации. Ср. использование невербальных символов в романе М. Кетро «Женщины и коты, мужчины и кошки» [6: 148]:

«Что же было на дьявольской картинке?



Ну не смог он вынести этого укоряющего взгляда».

Здесь между рисунком и вербальным рядом устанавливаются синсемантические отношения: «вербальный текст полностью зависит от изобразительного ряда, и само изображение выступает в качестве обязательного (обязательного) элемента текста» [3: 193].

Во многих случаях креолизация не является обязательным условием существования текста, однако она активно применяется, выступая в качестве способа привлечения внимания читателя (потребителя), приема выражения авторского креативного потенциала, средства придания высказыванию дополнительной выразительности.

Наиболее распространенными способами креолизации художественных и медийных текстов являются следующие.

1. Выделение в слове шрифтом или цветом некоторой части, имеющей самостоятельное значение (омонимичной существующему в языке слову). Зачастую такой прием используется в журнальных и газетных заголовках и рекламе. Например:

*БЕЛЬМО*ндо у нас на глазу («Комсомольская правда», 2002); Украина. *Найдёт ли власть компромисс* («Аргументы и факты», 2006); *НеобыЧАЙные рецепты* (реклама чая «Лисма»); *Любовь не слуЧАЙна* (реклама чая «Принцесса Нури»); *Стань ОПТимистом* (реклама магазина «МЕТРО»); *ОтЧАЯнная БОДРОСТЬ* (реклама чая «Бодрость»); *ПиНОСол* (реклама капель и мазей от насморка).

Изменение цвета, шрифта, размера букв, включение прописных литер в срединную, начальную или финальную часть слова призвано не только привлечь внимание читателя (потребителя), но и сэкономить речевые средства путем создания емких по смыслу лексем (в рекламе выделенная часть, как правило, является названием продукта или услуги), актуализировать имплицитные смыслы (как в заголовке из газеты «Аргументы и факты») либо дать авторскую оценку изображаемому (как в заголовке из газеты «Комсомольская правда»).

2. Возвращение к старой, дореформенной орфографии (введение в состав лексем букв, изъятых из русского алфавита: ер, ять, і десятиричное). Подобный прием чаще всего используется в названиях средств массовой информации, различных компаний и торговых марок, ресторанов, магазинов, досуговых центров и т. д. Например:

«Коммерсантъ», «Иностранец», «Гастрономъ», «Правопорядокъ», «Трактиръ», «Ермолаевъ», «Купецъ», «Семь пятницъ», «Капиталь», «Градъ-Т», «Русский миръ».

В большинстве случаев в качестве элемента дореформенной орфографии используется буква «ер» (Ъ) на конце слова, поскольку ее добавление практически не меняет орфографический облик лексемы (слово остается узнаваемым потребителем). Использование других букв старой кириллицы (например, «фита», «омега», «кси», «пси» и т. д.) не практикуется вследствие того, что они

не знакомы современному читателю (потребителю). Основной причиной использования данного способа креолизации является стремление «подчеркнуть долгую историю товара на рынке» либо придать ему особый статус, выделить среди других, указать на его «патриархальность» [18: 436].

Дореформенное написание встречается и в художественных текстах:

...слышны далёкие
далёкие теперь шаги
по окраинамъ ночи
(С. Львовский).

Л. В. Зубова отмечает, что архаическая орфография «ориентирована на визуальное восприятие, поскольку отклонение от нормы затрагивает орфографию, но не произношение» [5: 90]. В современной поэзии «исторические изменения в языке, реформы графики и орфографии переживаются как значимые события истории» [Там же: 26]. Таким образом, обращение к дореформенной орфографии в поэтических произведениях становится своеобразным визуальным «отсылком» в прошлое, вследствие чего содержательный и иконический (формально-изобразительный) компоненты обеспечивают целостность текста, производимый им коммуникативный эффект.

В некоторых случаях при использовании старой орфографии мы имеем дело с графическим оксюмороном — несоответствием «между семантикой слова и его графическим оформлением: само слово обозначает новую жизненную реалию, а графически оно оформляется по нормам старой письменности (газета «Коммерсантъ»)» [18: 437]. Подобный термин может быть использован и для характеристики лексем, которые в истории языка имели написание, отличное от фиксируемого в современных текстах. Так, например, существительное «купец» (ср. название магазина «Купецъ») фиксировалось в древнерусском языке с ерем (а не ером) на конце: «купецъ».

3. Нерегламентированное использование строчных и прописных букв. Этот способ креолизации проявляется, прежде всего, при написании имен собственных с маленькой (строчной) буквы и фиксации нарицательных существительных с большой (прописной) буквы. Например,

в романе Т. Толстой «Кысь» фамилия известного русского поэта функционирует как имя нарицательное — «пушкин» («Ты, пушкин, скажи! Как жить?» [13: 312]). Подобный графический облик указывает на незначимость для героев романа данной личности: рожденные после Взрыва не знают ни А. С. Пушкина, ни его произведений. Н. А. Фатеева считает, что запись имени собственного с маленькой буквы может означать его уравнение в правах с другими словами или снижение в ранге [17: 425].

Следует отметить, что в современных поэтических текстах довольно часто в начале предложений или стихотворных строк отсутствуют прописные буквы:

что есть картина?
сооружение
не проще гильотины
на уровне Нового Моста
со всеми его зеваками
и бледными небесами...
(Г. Сапгир).

Отказ от прописных букв нередко сопровождается и отказом от пунктуации, что является для поэта своеобразным способом «подчеркнуть главенство ритмико-музыкального начала над логико-интонационным при членении поэтической речи» [2: 134].

Своеобразным стилистическим приемом становится отказ от прописных букв в некоторых молодежных журналах. Так, например, в журнале для подростков «Молоток» подобным образом оформляется колонка редактора, что, по всей вероятности, подразумевает вызов по отношению к существующим нормам и правилам (в том числе и графико-орфографическим).

Фиксация имен нарицательных с прописных букв используется в рекламных текстах для придания особой значимости потребителю товара, подчеркивания глубокого уважения к нему. Например:

Жиллет — лучше для Мужчины нет (реклама британской системы «Gillette»); *Одежда для Больших Людей* (реклама магазина одежды больших размеров).

Нередки случаи, когда прописные буквы вопреки орфографическим правилам появляются в середине слов: *МегаФон*, *ЧайКофкий*. Подобный

прием используется для выделения некоторых частей исходной лексемы, в результате чего в слове актуализируются дополнительные смыслы.

4. Перемежение кириллицы с латиницей. Такой способ креолизации применяется для придания лексемам особого статуса, указания на их связь с западноевропейскими брендами, товарами и услугами, передачи их престижности и универсальности:

Яндекс, Релакс, Спорттовары, Спортмода, ТНК-ВР, Албука моды, Авто-кеу, Шифоньер, Жирафф, Супермебель.

Нередко к использованию подобного приема прибегают при назывании художественных текстов: «*Про любовь/on*» (О. Робски), «*Духless*» (С. Минаев). Примечательно, что в романе О. Робски подобная подача названия текста соотносится с его содержательно-композиционной организацией: то, что в первой части представляется как зарождающаяся любовь (*on love*), во второй — как ее циничное отсутствие (*off love*).

При введении в текст слов на языке-источнике нередко используется апостроф, с помощью которого к иноязычной лексеме присоединяется русский формообразовательный (реже словообразовательный) аффикс: в *Le Club'e*, с *Whiskas'om*. Таким образом иноязычные лексемы встраиваются в систему русского словоизменения.

5. Кириллическая запись иноязычных слов. Подобный прием может использоваться в художественном тексте как средство подчеркивания инородности, «инаковости» лексемы в данном контексте: *Человек выживает, как фиш на песке...* (И. Бродский). Здесь фиш (рыба) отождествляется с субстанцией, чье существование невыносимо, невозможно в сложившихся обстоятельствах (ведь рыба на песке умирает, ее жизненная стихия — вода).

В средствах массовой информации кириллическая запись иноязычных лексем используется, прежде всего, с целью предотвращения непонимания (ведь исконное написание постоянно употребляемых в устной речи слов может быть не знакомо читателю). Например:

Вот тебе и хэппи-энд («Cosmopolitan», 2006); *фэйс-контроль* («Bravo», 2005); *фэйс-контроль* («Stop & Relax», 2007).

В молодежных изданиях употребление подавляющего большинства иноязычных лексем в кириллической записи продиктовано языковой модой, стремлением выделиться, обратить на себя внимание. Например: *Демид Мур тоже побрился ради кино. Причём для фильма «Солдат Джейн» она не только осталась без **хаера**, но и накачала себе нехилую мускулатуру* («Молоток», 2007); *У рыб **траблы** в личной жизни* («Молоток», 2006).

6. «Беспробельное» написание нескольких лексем. В художественной и медийной речи последних десятилетий имеет место слитная либо дефисная фиксация нескольких слов, словосочетаний или предложений, т. е. запись без пробелов. Нарушение принципа дистантного расположения отдельных лексем довольно часто используется в поэтических текстах:

Се ля ви — это по-французски.
Я был во франции.
Также как в ряд других интересных мест
(А. Вознесенский).

В приведенном примере такой способ креолизации (наряду с другими) служит средством передачи отношения лирического героя к описываемому [14: 96–97].

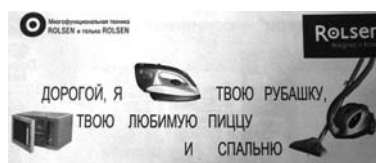
Помимо контактного в поэзии может использоваться и дефисное написание:

я вышел к себе **через-навстречу-от** и ушел под **воздвигаю над** (К. Кедров).

При этом вновь образованное слово становится более емким по смыслу, совмещая в себе значения сразу нескольких исходных лексем. Такой тип сращения, основанный на слиянии не только компонентов словосочетания, но и членов предложения, сочиненного ряда, предикативных частей, получает, по мнению исследователей, все большее распространение в современной художественной речи [9: 379].

7. Введение в текст неязыковых элементов (цифры, знаки членения текста, рисунки и т. д.). Подобный способ креолизации является классическим примером синтетических текстов.

Использование изображений предметов может сочетаться в рекламе с вербальными знаками (лексемами), в результате чего рождается креолизованный текст:



В данном случае изображения предметов являются индикаторами производимых с их помощью действий (ср.: утюг — погладила, микроволновая печь — подогрела, пылесос — пропылесосила).

В художественных и рекламных текстах нередко используется прием подачи лексемы в виде ребуса. Например:

А5 Шопен не ищет выгод (А. Вознесенский); *ПосмО₃ на наши цены* (реклама сети аптек «О₃»).

Здесь ребус основан на использовании букв и цифр. Однако встречаются тексты, в которых целое слово или его часть заменяется рисунком. Например, в рекламе «Сибнефтебанка» (Новогоднее предложение от СИБНЕФТЕ[банка]) финальный сегмент последней лексемы отсутствует, а на его месте находится изображение банки:



Довольно распространенным является прием, при котором различные рисунки используются в заголовочных комплексах и рекламе на месте отдельных букв: изображение шпильки — вместо буквы Л («Шпилька» — название салона красоты), ножницы — вместо Ф («Профи» — школа парикмахеров) и др. Особой популярностью в этом отношении пользуется буква О, так как ее форма позволяет выдать за нее множество предметов (мишень, мяч, лицо, яблоко, апельсин, томат и т. д.) [15: 36].

8. Использование искусственной ошибки нельзя в строгом смысле отнести к способам креолизации. Однако данный прием имеет схо-

жие функциональные особенности, поскольку позволяет увидеть в тексте имплицитные смыслы и становится средством привлечения внимания читателей. Вследствие этого слово осмысливается как «знак, имеющий сложную, часто неоднородную структуру. В языке СМИ он совмещает обычно два значения, в поэтической речи — множество «мерцающих» смыслов» [10: 25].

Намеренные ошибочные написания нередко используются авторами художественных текстов с целью характеристики персонажей. Например:

Придѣшь, говорит, в МОГОЗИН — берѣшь что хочешь, а не понравится, — и нос воротишь, не то что нынче; А все улицы, говорит, были ОСФАЛЬТОМ покрыты; Нет. Вряд ли. Непохоже. Это внутрих чего-то уклоняется, а может, как Никита Иванович говорит, это ФЕЛОСОФИЯ (Т. Толстая).

В романе «Кысь» ошибочные написания выделяются графически прописными буквами, что усиливает экспрессивный эффект. Подобным образом подчёркивается их нетрадиционная для русского правописания форма. Такие лексемы способствуют созданию комического эффекта и отражают специфику воссозданной в произведении действительности, ведь для героев понятия, обозначенные ошибочными написаниями, являются своего рода экзотизмами.

В произведениях массовой литературы лексемы, подвергшиеся графико-орфографической трансформации, служат средством языковой игры и передачи иронического смысла [14: 96–97]. Например:

Я, говорит, новый байк купил, теперь и жаницца могу, а ты как? (М. Кетро).

Нередко в массовой коммуникации (ср.: SMS, интернет-общение) нарушение орфографических правил служит средством передачи произношения тех или иных лексем: *шо* (вместо *что*), *щас* (вместо *сейчас*), *ваще* (вместо *вообще*) и под. Кроме того, подобные написания усиливают эмоционально-экспрессивную составляющую текстов: «причина привлекательности неправильной орфографии заключается в том, что она придает слову дополнительную выразительность» [7: 127].

В рекламе использование искусственной ошибки — довольно частотное явление, поскольку

умышленное нарушение норм русской орфографии привлекает внимание потребителей, вызывает у них определенный эмоциональный отклик и потому запоминается. Например:

Ниссанмневайтесь (реклама автомобилей «Ниссан»), ПЕШИ ИСЧО (реклама сотовой связи), ФСЕ АТЛИЧНА (реклама мебельного гипермаркета), такси ВЕЗИТ (реклама службы такси) и др.

В средствах массовой информации ошибочные написания чаще всего используются в заголовочных комплексах. Искусственные ошибки придают орфографически-деформированным лексемам дополнительные смысловые оттенки и служат средством экономии речевых средств:

КРЕМиал от морицин («Комсомольская правда», 2007); Баимет проГРЭММел на весь мир («Московский комсомолец», 2008).

Как правило, в таких случаях сегменты слов, содержащие ошибку, выделяются прописными буквами с целью привлечения внимания читателей.

Основными причинами использования креолизованных текстов в художественном и медийном дискурсе являются:

- 1) ориентация на визуальное восприятие текста;
- 2) информационная емкость;
- 3) экономия речевых усилий;
- 4) воздействие на читателя (привлечение внимания);
- 5) передача чувств, эмоций, оценок;
- 6) игра с читателем.

Художественные и медийные тексты являются благодатной основой для создания креолизованных структур путем изменения шрифта, цвета, начертания литер, использования символов, рисунков, смещения алфавитов различных языков и т. д. Креолизованные тексты получают широкое распространение в художественном и медийном дискурсе благодаря неоднородности своей структуры и довольно широким функциональным возможностям. Экспрессивный потенциал, возможности передачи дополнительных денотативных и коннотативных смыслов, выражения различных эмоциональных оттенков способствуют активному распространению креолизованных текстов в разных типах дискурсов.

Подобные тексты обладают несомненной актуальностью и нуждаются в лингвистическом изучении и описании, поскольку в полной мере соответствуют духу времени, отражая гетерогенное, полицентричное, нелинейное восприятие окружающего мира современным читателем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на матер. креолизованных текстов). М., 2003.
2. Береговская Э. М. Очерки по экспрессивному синтаксису. М., 2004.
3. Валгина Н. С. Теория текста. М., 2004.
4. Вознесенский А.А. СтиXXI. М., 2006.
5. Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М., 2000.
6. Кетро М. Женщины и коты, мужчины и кошки. М., 2008..
7. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008..
8. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2008.
9. Николина Н. А. Новые тенденции в современном русском словотворчестве // Русский язык сегодня. Вып. 2. М., 2003.
10. Николина Н. А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. М., 2009.
11. Паршин П. Б. Из поэтики рекламы: заметки по метаграммике // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия. М., 2007.
12. Сорокин Ю.А., Тарасов Ю. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.
13. Толстая Т. Кысь. М., 2011.
14. Тумакова Е. В. Графико-орфографические новации в современной речи // Русский язык: человек, культура, коммуникация — П. Екатеринбург, 2010.
15. Тумакова Е.В. «Правила» нерегламентированного письма // Филологический дискурс: Вестн. филол. ф-та ТюмГУ. Вып. 8. Слово, книга, чтение. Тюмень, 2010.
16. Фатеева Н. А. Заметки о том, как научиться понимать современную поэзию // Мир русского слова. 2008. № 2.
17. Фатеева Н. А. Основные тенденции развития поэтического языка в конце XX века // Новое литературное обозрение. 2001. № 4 (50).
18. Чигаев Д. П. Графические особенности рекламных текстов // Язык и стиль современных средств массовой информации. М., 2007.

REFERENCES

1. Anisimova E. E. (2003) Lingvistika teksta i mezhkul'turnaia kommunikatsiia (na materiale kreolizovannykh tekstov). Moscow. (in Russian)
2. Beregovskaia E. M. (2004) Ocherki po ekspressivnomu sintaksisu. Moscow. (in Russian)
3. Valgina N. S. (2004) Teoriia teksta. Moscow. (in Russian)

4. Voznesenskii A.A. (2006) StiXXI. Moscow. (in Russian)
5. Zubova L. V. (2000) Sovremennaia russkaia poeziia v kontekste istorii iazyka. Moscow. (in Russian)
6. Ketro M. (2008) Zhenshchiny i koty, muzhchiny i koshki. Moscow. (in Russian)
7. Krongauz M. (2008) Russkii iazyk na grani nervnogo sryva. Moscow. (in Russian)
8. Krysin L. P. (2008) Tolkovyi slovar' inoiazыchnykh slov. Moscow. (in Russian)
9. Nikolina N. A. (2003) Novye tendentsii v sovremennom russkom slovtvorchestve. In: Russkii iazyk segodnia, issue 2. Moscow. (in Russian)
10. Nikolina N. A. (2009) Aktivnye protsessy v iazyke sovremennoi russkoi khudozhestvennoi literatury. Moscow. (in Russian)
11. Parshin P. B. (2007) Iz poetiki reklamy: zametki po metagrafemike. In: Lingvistika i poetika v nachale tret'ego tysiacheletia. Moscow. (in Russian)
12. Sorokin Iu. A., Tarasov Iu. F. (1990) Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaia funktsiia. In: Optimizatsiia rechevogo vozdeistviia. Moscow. (in Russian)
13. Tolstaia T. (2011) Kys'. Moscow. (in Russian)
14. Tumakova E. V. (2010) Grafiko-orfograficheskie novatsii v sovremennoi rechi. In: Russkii iazyk: chelovek, kul'tura, kommunikatsiia — II. Ekaterinburg. (in Russian)
15. Tumakova E. V. (2010) «Pravila» nereglementirovannogo pis'ma. In: Filologicheskii diskurs: Vestnik filologicheskogo fakul'teta TiumGU, issue. 8. Slovo, kniga, chtenie. Tiumen'. (in Russian)
16. Fateeva N. A. (2008) Zаметki o tom, kak nauchit'sia ponimat' sovremennuiu poeziuu. *Mir russkogo slova*, no. 2. (in Russian)
17. Fateeva N. A. (2001) Osnovnye tendentsii razvitiia poeticheskogo iazyka v kontse XX veka. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 4 (50). (in Russian)
18. Chigaev D. P. (2007) Graficheskie osobennosti reklamnykh tekstov. In: Iazyk i stil' sovremennykh sredstv massovoi informatsii. Moscow. (in Russian)

В. Н. Баукин, Ю. И. Строев, Л. П. Чурилов

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ В МЕДИЦИНЕ

VALERIY N. BAUKIN, YURY I. STROEV, LEONID P. CHURILOV
THOUGHTS ON THE RUSSIAN LANGUAGE IN MEDICINE*«Точно определяйте значение слов, и вы избавите свет от половины заблуждений»
Рене Декарт (1596–1650)***Валерий Николаевич Баукин**

Преподаватель курса
внутренних болезней
Санкт-Петербургский
Фельдшерский колледж
ул. Ушинского, д. 45
Санкт-Петербург, 195267, Россия

Юрий Иванович Строев

Кандидат медицинских наук, доцент,
профессор кафедры патологии
► svetlanastroeva@mail.ru

Леонид Павлович Чурилов

Кандидат медицинских наук, доцент,
заведующий кафедрой патологии
► elpach@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
Университетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

Valeriy N. Baukin

Saint Petersburg Medical Assistant College
Bld. 45. ul. Ushinskogo,
Saint Petersburg, 195267, Russia

Yury I. Stroyev, Leonid P. Churilov

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034, Russia

В статье рассмотрена медицина как часть культуры человечества, связанная со здоровьем и болезнями, трактуется деятельность врача как создателя культуры и языка, приводятся историко-биографические данные о врачах-писателях и собирателях эпоса, анализируются соотношение врачебной и писательской деятельности, врачебного и научного мышления. Критически проанализированы некоторые распространенные неточности в употреблении ряда медицинских терминов и последствия калькированного перевода зарубежной медицинской терминологии на русский язык. Приводятся сведения о разночтениях в употреблении медицинских терминов, включая эпонимы, представителями разных национальных медицинских школ и различных специальностей. Анализируется кризисная ситуация в медицинской терминологии, поскольку в медицине, в отличие от других естественных наук, до сих пор не созданы единый для всех ее отраслей профессиональный подъязык и непротиворечивый тезаурус. Даны исторические сопоставления, отражающие эволюцию профессиональной медицинской устной и письменной речи в России.

Ключевые слова: медицина, профессиональный подъязык; специальная терминология; эпонимы; языковые заимствования; перевод; история медицины; медицинское образование; культура речи; стресс; шок; обследование; исследование.

The article deals with the medicine as a part of human culture, associated with health and disease, treating a medical doctor as creator of the culture and language. The authors offer historical and biographical overview on physicians, the writers and the collectors of epic songs, analyze the intermingling medical and literary activities, compare medical and scientific ways of reasoning. The article also contains critical analysis of some discrepancies in the use of medical terms, and mistranslation of foreign medical terminology into Russian, mistakes in the use of medical terms, including the eponymous ones, by the representatives of various national medical schools and various professions. The paper analyzes the crisis in medical terminology, asserting that the medicine, unlike other natural sciences, still has no professional sub-language and consistent thesaurus for all its branches. The article also contains historical comparisons, reflecting the evolution of professional medical spoken and written language in Russia.

Keywords: medicine; medical sublanguage; special terminology; eponyms; language borrowings; translation; history of medicine; medical education; culture of speech; globalization; stress; shock; bile; investigation; research.

К написанию этой статьи нас подтолкнул очередной, повторяемый в течение многих лет настойчивый призыв академика Л. А. Вербицкой ко всем живущим в нашей стране: «Давайте говорить правильно!» [6; 7]. В стремлении сохранить здоровье языка и народное нравственное здоровье в широком смысле этого слова у Л. А. Вербицкой нашлось много единомышленников.

Занимаясь профессионально практической и теоретической медициной в качестве преподавателей медицинского училища и медицинского факультета, постоянно замечаешь неточности, а порой даже

ошибки в употреблении и произношении медицинских терминов, в трактовке отдельных понятий и словосочетаний. Такие изъяны встречаются не только у учащихся, но, к сожалению, даже у отдельных солидных преподавателей медицины, не говоря уже о практикующих врачах. Причем немало изъянов медицинской терминологии приобрели устойчивый и даже ходульный характер.

Что такое «норма русского литературного языка»? «Большой академический словарь русского языка» дает такой ответ: «Под нормой литературного языка понимается относительно устойчивый способ выражения, отражающий исторические закономерности развития языка, закрепленный в лучших образцах литературы и предпочитаемый образованной частью общества» [1]. К этому определению можно добавить слова Л. А. Вербицкой: «Норма — это идеал, к которому стремятся все говорящие, в той или иной мере сознавая её существование. От успешной реализации этого стремления зависит не только чистота русской речи, но и будущее развитие звуковой системы языка» [6].

Вряд ли стоит обсуждать вопрос о том, являются ли образованной частью общества врачи, которые в подавляющем большинстве классических произведений прошлого представлены именно как носители культуры. Да и целый ряд известных отечественных и зарубежных писателей, поэтов и философов, то есть создателей письменного языка и письменной культуры своих народов, будучи по образованию (а порой и по профессии) врачами, как в прошлом, так и в настоящем внесли своими произведениями громадный вклад в формирование языков и литератур, сбор и обработку национальных эпосов. Вот только самые известные из них, представляющие литературу в широчайшем диапазоне — от религиозно-философских и этических произведений, до сатиры, детективов и фантастики: Аристотель, Евангелист Лука, Авиценна, М. Нострадамус, Ф. Рабле, Н. Коперник, Фр. Скорина, Данте Алигьери, Т. Смоллетт, Дж. Китс, Ф. Шиллер, Г. Меркель, Ф. Крейцвальд, Э. Лёнрот, В. И. Даль, А. Конан-Дойль, А. Дж. Кронин, Э. Сю, А. Шницлер, А. П. Чехов, М. А. Булгаков, В. В. Вересаев

(Смидович), Я. Корчак, С. Моэм, А. Швейцер, Л. Буссенар, Л.-Ф. Селин, С. Лем, М. Крайтон, А. Мунте, Р. Кук, В. П. Аксёнов, Г. И. Горин, А. М. Арканов (Штейнбок), Н. М. Амосов, С. В. Ботвинник, О. Сакс, Кобо Абэ, Ю. З. Крелин (Крейндлин), С. В. Лукьяненко... Медицина в их лице порой ничего не потеряла, так как они самореализовывались и как врачи, а сколько приобрела литература! Многие философы и литераторы, по крайней мере, учились на врачей или фельдшеров, посещали лекции по медицинским наукам как вольнослушатели, хотя в итоге избрали другие профессии (например, Д. Дидро, И.-В. фон Гёте, Н. С. Лесков, С. В. Ковалевская (Корвин-Круковская), Н. Н. Миклухо-Маклай, Д. Н. Мамин-Сибиряк, О. Хаксли, К. Х. Села, Дж. Джойс, Г. Сенкевич, А. Кристи и др.) [21].

Все это не случайно: медицина — не только наука. Это часть культуры человечества, связанная со здоровьем и болезнями, поэтому она, основываясь на естествознании, вбирает элементы разных форм общественного сознания: искусства, морали, права, бизнеса и даже мифологии и квазирелигии [29]. Врач, таким образом, является одним из создателей культуры. Его профессия требует наблюдательности, прикладного человековедения, дает ему богатый жизненный материал, ибо он чаще других видит драматические ситуации, участвует в них, чувствует людскую боль, будучи гуманистом, даже вынужден причинять её и лучше других знает цену жизни и смерти.

Нельзя не заметить, что многие литераторы-медики отличались оригинальностью и парадоксальностью языка и мышления, были острыми сатириками, носителями и создателями национального юмора. Врач так много видит страшного и тяжелого, что юмор — для него и его пациентов — защита.

Например, человек блестящего ума и искомметного остроумия, выдающийся терапевт и ученый-медик, баронет Британской короны сэра Уильяма Ослера (1849–1919) остался в истории медицины не только благодаря своим открытиям и книгам, но и в связи с «тетрадой Ослера» — своей знаменитой шуточной классификацией врачей:

«Много делающие и ничего не говорящие, много говорящие и ничего не делающие, много делающие и говорящие и, наконец, ничего не говорящие и ничего не делающие. Последние зарабатывают больше всех». Под псевдонимом «Эгертон Йоррик Дэвис, отставной капитан армии США, военный хирург» он написал немало шуточных и даже пародийных научно-медицинских заметок и статей, ряд из которых медицинские журналы всерьез перепечатывали и цитировали, принимая за чистую монету. Афоризмы Уильяма Ослера цитируются очень часто, например, его знаменитая фраза об «относительной бесполезности человека после сорока лет», при этом не все, кто их повторяет, знают первоисточник. Незадолго до своей кончины в беседе с другом — доктором А. Маллоком, дававшим ему советы по лечению, — Уильям Ослер в последний раз грустно пошутил: «Арчи, чудак ты старый! Я наблюдаю этот случай уже два месяца — жаль только, не увижу результатов вскрытия...» Это — типичный образец медицинского юмора [28]. Известно, что традиционный юмористический образ англичанина — Дж. Буль, ставший за без малого три века элементом национального самосознания британцев, был создан врачом-литератором XVII столетия Дж. Арбетнотом (1667–1735). Афористичные цитаты из чеховских и булгаковских произведений стали частью русского национального юмора. Некоторые медики писали только специальную и учебную литературу, но блистательное чувство юмора и тут их не покидало, сделав их учебники культовыми: «Диагноз ожирения доктор ставит пациенту, столь же толстому как он сам, если только этот пациент ему не нравится», «достаточно выглянуть в окно, чтобы увидеть, как свирепствует в стране эпидемия ожирения» и, наконец, «пигмент татуировок имеет неприятную способность персистировать *in situ* все время жизни кожных макрофагов, создавая трудности, если кто-то хочет жениться на «Элис», а украшающая его татуировка соблазнительно именуется «Мэри», — все это цитаты из более чем серьезного специального труда, учебника патологии американца С. Л. Роббинса (1915–2003), который сильнее всех других повлиял на умы врачей во всем читающем по-английски мире,

и не в последнюю очередь благодаря тому, что его автор, воспитанный на произведениях М. Твена (С. Клеменса), Ч. Диккенса и О'Генри (С. Портера), был носителем национальной литературно-юмористической традиции, хотя художественной прозы и не писал [33].

Врач обязан быть критичным в своем клиническом мышлении диагноста, парадоксальным образом должен пробуждать в больном оптимизм, при этом будучи внутренне сам пессимистом, готовым к худшему. Привнося же этот критицизм в осмысление окружающей действительности, врач, при известном таланте и последовательности, может вырасти в публициста, обличителя, сатирика, трибуна, пророка или новатора литературы, показывающего обществу его самое совершенно в неожиданном и точном ракурсе или рисуемого будущее без прикрас.

Познав величие Человека как биологического существа, наблюдая социальные корни болезней, истинный врач не может смириться с социальным унижением Человека. «Врачи — естественные адвокаты бедных, и значительная часть социального вопроса входит в их юрисдикцию», — говорил доктор Р. Вирхов (1821–1902), создатель патологии как науки и один из самых авторитетных левых политиков и ярких ораторов в Рейхстаге [15].

Медицина учит парадоксам, ибо противоречиво устроен сам организм: всякая защита чревата самоповреждением, каждое лекарство в определенной дозе и ситуации — яд, нет ничего абсолютно полезного, а вредное может быть и целительным. «И хорошие не хороши, и плохие не плохи», — так учили Василий Великий и другие философы-гностики первых веков христианства. Многие из них были врачами, и даже эмблему свою — змею — медицина позаимствовала у гностической александрийской школы офитов как символ скепсиса и сомнений [37]. Врач постоянно пишет истории — это истории болезни. Но болезнь есть лишь «опасное приспособление» (Э. Геккель) [39] или сама жизнь, «стесненная в своей свободе» (К. Маркс) [16]. Значит все то, что пишет врач на рабочем месте, есть истории жизни, причем в её «минуты роковые». Тут ли не быть писателем? Уильям Шекспир

в комедии «Как вам это понравится?» сказал: «Весь мир — театр, в нем женщины, мужчины — все актеры, и каждый не одну играет роль», перефразировав в рифму Гая Петрония, который в первом веке от Р.Х. изрек: «Mundus universus exercet histriopam — весь мир занимается лицедейством» [36]. Но, может быть, мир — больница, а люди — пациенты и врачи? Покажите нам во всех отношениях и на всю жизнь абсолютно здорового человека, у которого все параметры организма всегда пребывают в пределах нормы! Р. Уильямс еще в 1960 году отметил, что это было бы «явление наиболее необычное из всех существующих» [34]. «Когда мы ближе к Создателю — когда здоровы, или когда больны?», — спрашивал нас, своих учеников и коллег, видный отечественный патофизиолог А. Ш. Зайчик (1938–2014). И в самом деле: должны ли мы принять, что, создавая нас, Природа или Демиург — халтурили и ошибались, или смириться с тем, что мы планово созданы несовершенными и обреченными на болезни? Медицина всегда будет стоять перед этим парадоксом — трагической погрешимостью организма. И это всегда будет побуждать медиков к критическому, философскому мышлению [35]. Но именно такое мышление предполагает писательство. Врач — этот разумный пессимист — всегда осознает себя соавтором и частью естественной истории болезни, которую медицина пишет для человечества. Он поэтому обречен мыслить исторически, философски, литературно. Но все ли врачи литературно говорят и пишут, даже в пределах своего профессионального подъязыка медицины?

Нарушение литературной нормы и, в частности, произношения изменяет речь, затрудняет её восприятие, искажает язык, а порой непроизвольно искажает речевой смысл. Писатель А. Н. Толстой (1882–1945) говорил, что «обращаться с языком кое-как, значит и мыслить кое-как: неточно, приблизительно, неверно» [30], а известный публицист и литературный критик Д. И. Писарев сказал: «Неправильность употребления слов ведет за собой ошибки в области мысли и потом — в практике жизни» [24].

Этой работой хотелось бы привлечь внимание читающих к нашему видению смысло-

го значения некоторых слов и словосочетаний, а также ударений в терминах, часто используемых медиками разного профиля и ранга, которым в повседневной профессиональной деятельности суждено пользоваться многими словами-понятиями для обозначения предметов и явлений мира медицины.

К таким, часто упоминаемым относятся слова «обследование» и «исследование». На первый взгляд это обычные по произношению и похожие по смыслу слова. Так, в «Малом академическом словаре» у слова *исследовать*, первое значение которого — *подвергнуть научному рассмотрению*, в качестве второго значения отмечено — *тщательно осмотреть, обследовать* [25; 26]. Однако они могут отличаться и быть неравноценными в зависимости от того, в каком контексте они используются. Мы полагаем, что «обследование» — это действие, направленное на изучение общих, внешних, поверхностных (с точки зрения поверхности, а может быть, и с точки зрения неполноты изучения из-за его недоступности), преимущественно больших объектов, сооружений, местности и т. п. В то время как «исследование» — это действие, направленное на изучение внутренних, глубоких, скрытых свойств этих объектов, например земных недр, глубин морей и океанов, далее Вселенной. Так, выражение «обследование глубины океана» представляется нам не совсем благозвучным. «Исследование» — это конкретное изучение объекта (субъекта) с использованием для этой цели определенных методик и проб. В осуществлении «обследования» как действия принимает участие преимущественно зрительный анализатор, а в выполнении «исследования» участвуют большинство или даже все органы чувств исследователя, в частности врача, а зачастую — вспомогательные инструменты, увеличивающие возможности этих перцептивных органов. Студент на младших курсах медицинского вуза усваивает основы научного мышления, а на старших — овладевает мышлением клиническим, которое научному неидентично, хотя и на нем базируется. Если бы это было не так — тогда больных лечили бы ученые-биологи, химики, физики, психологи. Но им не заменить врача, их роль

в медицине хотя и растущая, но лишь вспомогательная, и «к телу» больного закон их не допускает. Клиническое мышление не столь прецизионно, как научное, но этически богаче, чем мышление ученого-экспериментатора; в мышлении врача главная категория — не истина, а польза, оно ведется в крайне ограниченных временных рамках, ибо болезнь не ждет. Врач ограничен в свободе эксперимента, поскольку польза и целостность объекта его исследований — для него непреложны. Парадоксальное несовпадение между этими двумя стилями мышления, которые оба нужны современному врачу, отметил еще ученик С. П. Боткина потомственный врач и ученый-медик Н. Я. Чистович (1860–1926) [31]. Эта коллизия накладывает отпечаток и на использование терминов «обследование» и «исследование» в медицине. Во врачебной практике «обследование» обычно предшествует «исследованию». По-видимому, в медицине при необходимости изучения здоровья индивидуума правильнее говорить — «направить на обследование» или «рекомендовать обследование (амбулаторное, стационарное, диспансерное, инструментальное)». Это «обследование» в соответствующем лечебном учреждении будет реализовываться благодаря «исследованию» одним или несколькими врачами-специалистами с применением различных методов «исследования». Таким образом, «обследование» является призывом (предложением) к «исследованию» пациента. В случае «исследования» состояния здоровья больного — это получение методами «исследования», необходимыми в конкретном случае, доступной и более полной информации для распознавания его заболевания. Отсюда, по-видимому, и возникло привычное словосочетание — «клиническое исследование больного». Именно слово «исследование» в диагностическом распознавании является ключевым.

В словаре С. И. Ожегова слова «обследование» и «исследование» сопровождают ссылки, соответствующие значению глаголов «обследовать» и «исследовать»: «лечь в больницу на обследование» и «исследовать больного» [2; 20]. Такое объяснение этих слов полностью сообразуется с нашим их пониманием.

Тщательно изучив многочисленные признанные учебники и руководства по внутренним болезням для студентов и врачей, созданные авторитетами отечественной медицины, учившими методам исследования больных и здоровых людей, мы пришли к выводу, что слово «исследование», за редчайшим исключением, использовалось в них, с нашей точки зрения, правильно, тогда как с использованием слова «обследование» допускались неточности. Подобное часто встречается в Интернете в рекомендациях не только дилетантов от медицины, но и врачей-консультантов. Например: «Обратитесь к лечащему врачу и пройдите необходимое обследование... Вам нужно с результатами обследования и заключениями специалистов обратиться в комиссию... и т. п.».

Хорошо англосаксам: в английском языке слова «*investigation*», «*examination*» (расследование, обследование) и «*research*» (исследование) и звучат абсолютно по-разному, и однокоренными совершенно не являются. Первые два слова — из области «вникнуть, оценить и разобраться», а третье — от слова «*search*» — поиск, что предполагает попытку найти новое, разведать неизведанное.

Обследование — это изучение с целью распознавания известного, а *исследование* — изучение с целью получения новых знаний и открытия новых закономерностей.

Соответственно и доктор медицины (M. D.), обследуя, вникает, оценивает, разбирается, ищет — *распознает*, кто виноват и что делать, — наподобие детектива. Это сродни не ученому, а расследователю. Не случайно доктор А. Конан-Дойль создал образ врача М. Холмса, дающего мудрые советы брату-сыщику! А вот профессиональный ученый ищет новые закономерности, экспериментирует на неизведанном поле, с непредсказуемыми результатами, что и есть исследование в смысле научного поиска, как оно отображено в английском термине «*research*», оно не сводится к *распознаванию известного* как диагностический процесс, а предполагает *открытие нового*. Такой исследователь — тоже доктор, но уже не медицины, а философии —

Ph. D. Казалось бы, всего лишь термин, имя. «Что в имени тебе моем? Ведь роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет!», — говорит устами Джульетты во втором акте великой пьесы в картине «Сад Капулетти» создатель литературного английского языка У. Шекспир [36] (о профессии которого, как и об отношении его к медицине, нет достоверных исторических данных).

На самом деле последствия этого — далеко идущие: они определяют разницу в ментальности и в организации медицинской и научной деятельности между русским и англосаксонским мирами. У нас можно быть кандидатом и доктором наук по хирургии, стоматологии, внутренним болезням, оториноларингологии и т. д. — оставаясь при этом на 100% врачом-клиницистом. У них это немислимо и не предусмотрено законом и правилами, принятыми в научно-образовательном сообществе, а стоматологи вообще на приставку M.D. (Medical Doctor) права не имеют! Если M.D. или M.B.B.S., то есть обладатель врачебного диплома в США или Великобритании, захочет заняться научными исследованиями и стать еще и Ph.D. (то есть получить ученую степень), то он в обязательном порядке должен выйти за пределы своей врачебной деятельности и квалификации врача, обследующего пациентов, и выполнять исследования методами физики, химии, биологии, математики, социологии, психологии — то есть наук.

Вы скажете: и в нашей стране диссертант-клиницист пользуется не только клиническими методами! Он собирает материал для диссертации и в кабинете функциональной диагностики, и в клинической лаборатории, и в различные НИИ ездит! Все так, но дело в другом. *Хирургия, терапия или, скажем, педиатрия в англосаксонской классификации науками или отраслями науки не числятся (!). Это прикладные профессиональные специальности* [32]. А у нас всё это — согласно градациям ВАК — специальности научные, стало быть, всем нашим врачам надо и обследовать, и исследовать. А во времена не столь давние — по осени еще и на уборку картошки ездить...

Хорошо это или плохо? Не знаем. Ибо отечественная медицинская наука была так реорга-

низована еще в первые десятилетия советской власти и знала при такой системе как блистательные времена, так и периоды упадка. По-видимому, качество зависит все же от другого: от личностей и от вложений. Трансляционный подход в медицине основал русский врач С. П. Боткин (см. ниже), но сам модный ныне термин «Translational Medicine — трансляционная медицина» столетием позже придумали и внедрили врачи американские... [38].

В России на волне проникновения западных стандартов в отечественную медицинскую жизнь был издан солидный труд «Энциклопедия клинического обследования больного» (в оригинале — «Guide to Physical Examination and History Taking»; буквально — «Руководство по физикальному обследованию и сбору анамнеза»), в названии которого в русском переводе фигурирует слово «обследование», использованное переводчиком книги [4]. В том же году вышло в свет руководство известных отечественных клиницистов А. Л. Гребенёва и А. А. Шептулина под названием «Непосредственное исследование больного» [9]. Кто из них терминологически прав?

Обратимся к классикам отечественной медицины. Так, у основоположника трансляционной медицины С. П. Боткина, создавшего в Императорской военно-медицинской академии первую в мире клинику, совмещенную с физиологической лабораторией, где врачи и ученые проходили весь двусторонний путь — от клинического наблюдения к идее, а далее — через ее экспериментальную лабораторную проработку — к практическому внедрению [38], в знаменитом «Курсе клиники внутренних болезней и клинических лекциях» находим такие выражения: «... при исследовании больного»... «исследование субъективных явлений»... «этот порядок исследования больного»... «предпослав исследование объективных явлений субъективным»... «желание сообщить моим товарищам по призванию исследования и мышления, выработанные мной» и т. д. То есть у русского *врача и ученого* С. П. Боткина везде используется только слово «исследование» [3]. Именно в этой клинике и этой лаборатории начинали свой путь такие корифеи отече-

ственной медицинской науки, как И. П. Павлов, С. М. Лукьянов, Н. Я. Чистович, первая русская женщина в биомедицине Е. О. Шумова и др.

В «Избранных трудах» одного из классиков отечественной медицины А. А. Остроумова его вступительная лекция называется: «Основания научного клинического исследования» [23]. Академик Н. Д. Стражеско в «Основах физической диагностики заболеваний брюшной полости» пользуется такими выражениями: «... исследование больного»... «если врач хорошо владеет методикой физического исследования»... и т. д. [27]. Академик А. Л. Мясников писал: «Способы исследования больного принято делить на так называемые субъективные и объективные. Субъективное исследование больного — это... Основные физические методы исследования...» [19]. Подобное находим и в 5-м издании классического руководства В. Х. Василенко и А. Л. Гребенёва — «Пропедевтика внутренних болезней» («... методы исследования...») [5].

Большая или даже, может быть, большая часть населения России (об этом можно судить, по-видимому, только по специальным исследованиям), а также учащиеся медицинских училищ (колледжей) и студенты медицинских вузов — не задумываются о нормах русского литературного языка, в частности о нормальном произношении, т. е. говорят так, как говорят в семье, на работе, как слышат по радио или телевидению, подчиняясь, порой, моде на произношение отдельных слов или выражений, особенно если они произносились устами дикторов СМИ или лиц, занимающих лидирующее положение в обществе (например, «осужденный», «приобретённый», «перенесённый», «лечённый», «новорождённый» вместо правильных — «осуждённый», «перенесённый». «лечённый», «новорождённый»). Ярким примером последних двух-трех лет может служить выражение — «в разы» (вместо прежде общепринятых «в несколько раз», «во много раз» и т. п.), которое сейчас дённо и ночью фигурирует в СМИ. Говоря так, люди даже не задумываются над тем, следует ли их речь правильному произношению русского литературного языка. Говорить, как все, как говорят «авторитеты» —

это одна из граней стремления «быть как все», свойственного конформному характеру, ярко описанному основоположником учения об акцентуациях характера, знаменитым психиатром П. Б. Ганнушкиным (1875–1933) и типичного для «консервативного большинства» [8]. Неважно, где истина, важнее «что станет говорить княгиня Марья Алексевна». Вспоминается легендарно-анекдотическая сталинская запятая после «как» в чеканной формулировке «Уничтожение кулака как класса», которая едва не поменяла синтаксис русского языка в этой части. Вспоминается и из более новых времен «новое мышление». И из совсем недавних: «загогулина, понимаешь...».

Фактор подражания авторитетам приводит к использованию в устной и письменной речи заимствованных иностранных слов, словосочетаний и речевых оборотов, сущность которых недостоверна или мало достоверна, не точна, не убедительна, а красота звучания которых сомнительна. От молодёжи только и слышишь по любому поводу «о'кэй!» или «вау!». Что такое «вау»? Авторам вспоминаются первые, детские уроки английского языка, когда нас учили, что по-английски собачка тявкает: «бау-вау», а не «гав-гав». Видимо, очень хочется быть английской собачкой. ... Недавно у нас, медиков, богато исполненная вывеска с названием компании — «СИГМА-ГАЗ» на новом петербургском здании по адресу «Галерный проезд, д. 5» вызвала смех. К тому же нам неоднократно встречались фирменные отрывные календари с таким же логотипом — «СИГМА-ГАЗ». Казалось бы, ничего особенного, если не принимать во внимание, что греко-латинским словом «сигма» анатомы называют отдел толстого кишечника — сигмовидную кишку, переходящую в прямую, в которых, собственно, часть кишечных газов образуется и содержится. Интересно было бы знать, что за продукцию на самом деле рекламирует компания «СИГМА-ГАЗ»?

А названия лекарств, буквально транскрибируемые их распространителями на русский язык, — это уже «отдельная песня», например, «Аспирин УПСА», «Танакан». «Проходит ли от Вашего аспирина боль? Проходит У ПСА». «Регулярно принимая «Танакан», я от этого

уж стал как.». Такое впечатление, что те, кто продвигает эти лекарства на российском рынке думают явно не по-русски. Впрочем, иногда сказать по-русски — значит обнажить суть вещей. А её, эту суть, в рыночном обществе говорящему часто необходимо и хочется завуалировать. Включаем теленовости и слышим: «президент встретился с крупными бизнесменами». Бизнес — по-русски «дело». А бизнесмен — «делец». Но «встретился с крупными дельцами» звучит как-то... непрезентабельно. Хотя и чистая правда! Ну, скажите тогда: с «деловыми людьми». Нет! А остальные-то — что, бездельные?

Изобилует современная устная радио- и телеречь и словосочетаниями со словом «достаточно»: «достаточно хорошо», «достаточно плохо», «достаточно редко», «достаточно часто», «достаточно адекватно» и т. п. В «Толковом словаре...» доктора В. И. Даля слово «достаточно» трактуется так: «достаточно, достатно (*нар.*), довольно, не мало, сколько нужно, досыта» [10]. «Большой академический словарь русского языка» добавляет к Толковому словарю В. И. Даля слова «вполне, столько, сколько нужно, хватит, в достатке (*устар.*), зажиточно» [1]. Такая трактовка понятна: она выражает смысл слова. Но по телевидению, например, странно звучит фраза, что «заболевание лечится достаточно успешно». Значит ли это, что не следует добиваться более успешного лечения? Наверное, нет. Или: «заболевание встречается достаточно редко». А разве было бы хуже, если бы оно встречалось еще реже? Пожалуй, тоже нет. «В здравоохранение вложены за последнее время достаточно большие средства». Достаточно для кого или для чего? Для того, чтобы чиновник отчитался, или для того, чтобы принципиально улучшить состояние общественного здоровья? Мы не против использования слова «достаточно», но его нужно сопровождать словами, уточняющими смысл сказанного. Или выражения: «состояние ближе к тяжелому», «состояние больного относительно удовлетворительное». «Относительно» чего? Жизни? Смерти? Общее состояние больного в медицине вообще принято четко оценивать только тремя словами: удовлетворительное, средней тяжести и тяжелое.

Конечно, большинство современных медиков настолько привыкло к использованию в устной и письменной речи подобных некорректных в смысловом отношении словосочетаний, что порой не замечает их странности и даже абсурдности. Например, сплошь и рядом медики употребляют выражения «кожные покровы» вместо «кожа», «верхние и нижние конечности» вместо «руки и ноги», «задняя поверхность грудной клетки» вместо «спина» и т. п. С. П. Боткин в лекции о жёлчной колике описывает «ясно выраженную окраску наружных покровов в жёлтый цвет», при этом речь идет, однако, не только о коже, но и о склерах [3]. У А. Л. Мясникова читаем: «... внешние покровы человека — кожа с её дериватами, как волосистой покров и ногти, и видимые слизистые оболочки при осмотре...» [18]. В. Х. Василенко и А. Л. Гребенёв вообще не используют словосочетание «кожные покровы», а пишут просто — «кожа» [5]. В. Н. Ослопов с соавт. в методическом пособии «Схема истории болезни» употребляют выражение «кожа и слизистые оболочки» [22]. Классики медицины прекрасно говорили и писали по-русски!

Мы, следуя их примерам, предпочитаем вместо словосочетания «кожные покровы» говорить «кожа», исходя из следующих соображений. Во-первых, слово «кожа», обозначающее её как самостоятельный орган (1/7 часть веса тела!) употребляется в единственном числе. Во-вторых, никто, кроме некоторых медиков, не употребляет словосочетание «кожные покровы». И, наконец, в-третьих, слово «кожа» пишется короче, чем «кожные покровы», и звучит для любого человека, в том числе — для пациента, *понятно*.

Врачи с давних времен старались изъясняться так, чтобы их язык был бы недоступен непосвященным. Самые древние врачи вообще были жрецами, кастой «посвященных» [13; 14]. В «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» слово «посвященный» трактуется так: «тот, кто возведен в сан» [11]. Вспомним каноны, требовавшие писать рецепты и даже истории болезни только по-латыни (прямо как у священников в долютеровскую эпоху, когда западноевропейский мирянин, не знавший языка

древних римлян, не мог прочесть и священные книги — вынужден был полагаться только на посредничество пастора!).

Конечно, медицине специальный подъязык необходим, а пациенту его знать с биоэтической точки зрения не полезно: ведь не все детали врачебной беседы лишены психотравмирующего потенциала. В наше время медицинская «образованность» пациентов нередко становится причиной пагубного для них самолечения. Недаром в последние годы возникла поговорка: «Учение — свет, а неучение — санпросвет». Исторически разрыв в образованности между врачом и больным стремительно сокращался [12]. Уже Жан-Батист Мольер (Поклен) в XVII веке шутил о врачах, что в них мало толку, так как всего лишь: «Они вам скажут по-латыни, что ваша дочь больна» [17]. Великий комедиограф, показавший и «Мнимого больного», и «Лекаря поневоле», заметил как-то, что «медицина — одно из величайших заблуждений человечества», подчеркнув, впрочем, что осмеивает не врачей как сословие, а смешные стороны этого занятия. А в эпоху интернетовских всезнаек врачу со старым кастовым подходом вообще нельзя жить и работать. Сила врача не в непонятности его языка, а в эффективности его действия, в полезности понятных пациенту рекомендаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. М.; СПб., 2005.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А Кузнецов. СПб., 1998. С. 302.
3. Боткин С. П. Курс клиники внутренних болезней и клинические лекции: В 2 т. М., 1954.
4. Бэйтс Б., Байкли Л. Руководство по клиническому обследованию больного. М., 2001.
5. Василенко В.Х., Гребенев А. Л. Пропедевтика внутренних болезней. 5-е изд. М., 2001.
6. Вербицкая Л. А. Давайте говорить правильно! Трудности современного русского произношения и ударения: краткий словарь справочник / [Л. А. Вербицкая, Н. В. Богданова, Г. Н. Склярская]. 6-е изд., стер. СПб.; М., 2008.
7. Вербицкая Л. А. Современное русское литературное произношение: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1977.
8. Ганнушкин П. Б. Клиника психопатий, их статика, динамика и систематика. М., 1933.
9. Гребенёв А. Л., Шептулин А. А. Непосредственное исследование больного. 3-е изд. М., 2010.
10. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1. А-З. М., 1978.
11. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: В 2 т. М., 2000. Т. 2: П-Я.
12. Зайчик А. Ш., Чурилов Л. П. Быть здоровым или иметь здоровье? Врач и пациент в индустриальную и постиндустриальную эпохи // Медицина и право (СПбГУ), 2014. Т. 4. С. 40–52.
13. Зайчик А. Ш., Чурилов Л. П. Врач, пациент и общество. Медико-этическая проблема в истории. I. «Светя другим, стогаю сам...» // Медицина XXI век. 2008. № 4 (13). С. 71–90.
14. Зайчик А. Ш., Чурилов Л. П. Врач, пациент и общество. Медико-этическая проблема в истории. II. «Жрец — страждущий». ... «Учитель — ученик» // Медицина XXI век. 2009. № 1 (14). С. 91–96.
15. Малис Ю. Г. Рудольф Вирхов. Его жизнь, научная и общественная деятельность. — URL: http://bookz.ru/authors/ulii-malis/rudol_f_705/1-rudol_f_705.html.
16. Маркс К. Дебаты о свободе печати (апрель 1842 г.). / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1, С. 64.
17. Мольер Ж.-Б. Лекарь поневоле / Перевод Н. Ман // Мольер Ж.-Б. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1957.
18. Мясников А. Л. Основы диагностики и частной патологии (пропедевтика) внутренних болезней. М., 1951. С. 16.
19. Мясников А. Л. Внутренние болезни. М., 1967.
20. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 11-е изд., стереотип / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1975.
21. Онуфриенко Г. Ф. Музей знаменитых людей: из медиков в писатели // Культура в современном мире. 2014. № 4. — URL: <http://infoculture.rsl.ru>.
22. Ослопов В. Н., Садыкова А. Р., Шамкина А. Р. Схема истории болезни. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005.
23. Остроумов А. А. Избр. тр. М., 1950.
24. Розенталь Д. Э. Говорите и пишите правильно. М., 2014.
25. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. М., 1981.
26. Словарь русского языка: в 4 т./ Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп., Т. 2. М., 1982.
27. Стражеско Н. Д. Основы физической диагностики заболеваний брюшной полости. Госиздат Украины, 1924.
28. Строев Ю. И., Чурилов Л. П. Жизнь и творчество Уильяма Ослера / Чурилов Л.П., Строев Ю.И., Ахманов М. С. Очерки истории медицины. СПб., 2015. С. 257–264.
29. Строев Ю. И., Чурилов Л. П., Шмелев А. А. Медицина и изобразительное искусство // Пространство и время, 2014. № 3. С. 72–78.
30. Толстой А. Н. О драматургии (1934) // Толстой А. Н. Полн. собр. соч. М., 1947–1951. Т. 12. С. 357.
31. Чистович Н. Я. Клинические лекции. Пг., 1918.
32. Чурилов Л. П. Глобализация и медобразование // Междунар. образование и языки. 2013. № 4(10). С. 18–23.
33. Чурилов Л. П. Общая патофизиология с основами иммунопатологии. 5-е изд-е. СПб., 2015.
34. Чурилов Л. П. Стэнли Леонард Роббинс: столетие автора великой книги // Вестн. СПбГУ. Сер. 11: Медицина, 2015. № 1. С. 161–175.

35. Чурилов Л. П., Строев Ю. И., Ахманов М. С. Очерки истории медицины. СПб., 2015.

36. Шекспир У. Как вам это понравится. Акт II, сцена 7-я / Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник // Шекспир В. Полн. собр. соч.: В 8 т. / Под ред. А. А. Смирнова. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 239–360.

37. Шмелев А. А., Чурилов Л. П. Убегающая Аталанта // Медицина XXI век. 2008. № 9 (10). С. 102–110.

38. Churilov L. P. From Physiology of Disease to Systemic Pathobiology: History and Current Trends in Pathophysiology // *Psychiatria Danubina*, 2015; Vol. 27, Suppl. 2. P. S550–S570.

39. Haeckel E. Systematische Phylogenie, Entwurf eines natürlichen Systems der Organismen auf Grund ihrer Stammesgeschichte, Bd. I–III. — Berlin, 1894–1896.

REFERENCES

- Gorbachevich K. S. (ed.) (2005). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo iazyka*. Moscow; St. Petersburg. (in Russian)
- Kuznetsov S. A., comp., ed. (1998) *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka*. St. Petersburg, p. 302. (in Russian)
- Botkin S. P. (1954) *Kurs kliniki vnutrennikh boleznei i klinicheskie lektsii*: in 2 vols. Moscow. (in Russian)
- Beits B., Baikli L. (2001) *Rukovodstvo po klinicheskomu obsledovaniyu bol'nogo*. Moscow. (in Russian)
- Vasilenko V. Kh., Grebenev A. L. (2001) *Propedevtika vnutrennikh boleznei*. 5th ed. Moscow. (in Russian)
- Verbitskaia L. A. et al. (2008) *Davaite govorit' pravil'no!* Trudnosti sovremennoogo russkogo proiznosheniia i udarenii: kratkii slovar' spravochnik. 6th ed. St. Petersburg; Moscow. (in Russian)
- Verbitskaia L. A. (1977) *Sovremennoe russkoe literaturnoe proiznoshenie: avtoreferat dissertatsii*. Leningrad. (in Russian)
- Gannushkin P. B. (1933) *Klinika psikhopatii, ikh statika, dinamika i sistematika*. Moscow. (in Russian)
- Grebenev A. L., Sheptulin A. A. (2010) *Neposredstvennoe issledovanie bol'nogo*. 3ed ed. Moscow. (in Russian)
- Dal' V. (1978) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*, vol. 1. A-Z. Moscow. (in Russian)
- Efremova T. F. (2000) *Novyi slovar' russkogo iazyka: Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi*, in 2 vols, vol. 2: P–Ia. Moscow. (in Russian)
- Zaichik A. Sh., Churilov L. P. (2014) *Byt' zdorovym ili imet' zdorove? Vrach i patsient v industrial'noi i postindustrial'noi epokhi*. In: *Meditsina i pravo* (SPbGU), vol. 4. St. Petersburg, p. 40–52. (in Russian)
- Zaichik A. Sh., Churilov L. P. (2008) *Vrach, patsient i obshchestvo. Mediko-eticheskaia problema v istorii*. I. «Svetia drugim, sgoraiu sam...». *Meditsina XXI vek.*, no. 4 (13), p. 71–90. (in Russian)
- Zaichik A. Sh., Churilov L. P. (2009) *Vrach, patsient i obshchestvo. Mediko-eticheskaia problema v istorii*. II. «Zhrets — strazhdushchii»... «Uchitel' — uchenik». *Meditsina XXI vek*, no. 1 (14), p. 91–96. (in Russian)
- Malis Iu. G. Rudolf' Virkhov. Ego zhizn', nauchnaia i obshchestvennaia deiatel'nost'. URL: http://bookz.ru/authors/ulii-malis/rudol_f_705/1-rudol_f_705.html. (in Russian)
- Marks K. (1955) *Debaty o svobode pečati* (aprel' 1842 g.). In: Marks K., Engel's F. *Sochineniia*. 2nd ed. Vol. 1. Moscow, p. 64. (in Russian)
- Mol'er Zh.-B. (1957) *Lekar' ponevole*. In: Mol'er Zh.-B. *Sobr. soch.*, in 2 vols, vol. 2. Moscow. (in Russian)
- Miasnikov A. L. (1951) *Osnovy diagnostiki i chastnoi patologii (propedevtika) vnutrennikh boleznei*. Moscow, p. 16. (in Russian)
- Miasnikov A. L. (1967) *Vnutrennie bolezni*. Moscow. (in Russian)
- Ozhegov S. I. (1975) *Slovar' russkogo iazyka*. 11th ed. Moscow. (in Russian)

21. Onufrienko G. F. (2014) *Muzei znamenitkh liudei: iz medikov v pisateli. Kul'tura v sovremenno mire*, no. 4. URL: <http://infoculture.rsl.ru>. (in Russian)

22. Oslopov V. N., Sadykova A. R., Shamkina A. R. (2005) *Skhema istorii bolezni*. 2nd ed. Moscow. (in Russian)

23. Ostroumov A. A. (1950) *Izbrannye trudy*. Moscow. (in Russian)

24. Rozental' D. E. (2014) *Govorite i pishite pravil'no*. Moscow. (in Russian)

25. Evgen'eva A. P. (1981) *Slovar' russkogo iazyka*, 2nd ed., in 4 vols. vol. 1. Moscow. (in Russian)

26. Evgen'eva A. P. (1982) *Slovar' russkogo iazyka*, 2nd ed., in 4 vols. vol. 2. Moscow. (in Russian)

27. Strazhesko N. D. (1924) *Osnovy fizicheskoi diagnostiki zabolovaniu briushnoi polosti*. Gosizdat Ukrainy. (in Russian)

28. Stroeв Iu. I., Churilov L. P. (2015) *Zhizn' i tvorchestvo Uil'iam Osleraiu*. In: Churilov L.P., Stroeв Iu. I., Akhmanov M. S. (2015) *Ocherki istorii meditsiny*. St. Petersburg, p. 257–264. (in Russian)

29. Stroeв Iu. I., Churilov L. P., Shmelev A. A. (2014) *Meditsina i izobrazitel'noe iskusstvo. Prostranstvo i vremia*, no. 3, p. 72–78. (in Russian)

30. Tolstoi A. N. (1947–1951) *O dramaturgii* (1934). *Poln. sobr. soch.*, vol. 12. Moscow, p. 357.

31. Chistovich N. Ia. (1918) *Klinicheskie lektsii*. Petrograd. (in Russian)

32. Churilov L. P. (2013) *Globalizatsiia i medobrazovanie. Mezhdunarodnoe obrazovanie i iazyki*, no. 4 (10), p. 18–23. (in Russian)

33. Churilov L. P. (2015) *Obshchaia patofiziologiiia s osnovami immunopatologii*. 5th ed. St. Petersburg. (in Russian)

34. Churilov L. P. (2015) *Stenli Leonard Robbins: stoletie avtora velikoi knigi. Vestnik SPbGU*. Ser. 11: *Meditsina*, no. 1, p. 161–175. (in Russian)

35. Churilov L. P., Stroeв Iu. I., Akhmanov M. S. (2015) *Ocherki istorii meditsiny*. St. Petersburg. (in Russian)

36. Shekspir U. (1937) *Kak vam eto ponravitsia*. In: Shekspir V. *Polnoe sobranie sochinenii*, in 8 vols., vol. 1. Moscow; Leningrad, p. 239–360. (in Russian)

37. Shmelev A. A., Churilov L. P. (2008) *Ubegaiushchaia Atalanta. Meditsina XXI vek*, no. 9 (10), p. 102–110. (in Russian)

38. Churilov L. P. (2015) *From Physiology of Disease to Systemic Pathobiology: History and Current Trends in Pathophysiology. Psychiatria Danubina*, vol. 27, suppl. 2, p. S550–S570. (in English)

39. Haeckel E. (1894–1896) *Systematische Phylogenie, Entwurf eines natürlichen Systems der Organismen auf Grund ihrer Stammesgeschichte*, Bd. I–III. Berlin. (in German)

*Вторая часть статьи
будет опубликована
в следующем номере*

ЩАС: ПУТЬ СЛОВА «ИЗ РЕЧИ В ЯЗЫК»

DARIA A. PALSHINA

'SHCHAS': TRANSITION OF THE WORD FROM SPEECH TO LANGUAGE

Статья посвящена описанию функционирования в речи высокочастотной редуцированной формы *щас*. Основательно заняв место в устной речи носителей языка, данная единица широко употребляется и в письменных текстах и даже получила лексикографическую фиксацию в нормативных словарях. В ряде своих употреблений *щас* утрачивает свое лексическое значение и приобретает прагматическое. Таким образом буквально на наших глазах происходит лексикализация исследуемой единицы в ее новом качестве, а также прослеживаются этапы перехода редуцированной формы *щас* «из речи в язык».

Ключевые слова: русская спонтанная речь; закон экономии; фонетическая редукция; аллегривная форма; Звуковой и Национальный корпусы русского языка; лексикализация; прагматикализация.

The article describes the usage of the widespread reduced form 'shchas' in Russian speech. This form has got implanted in colloquial speech, and now is widely used in written texts, and even has received a lexicographical fixation in regulatory dictionaries. In a number of its usages in everyday speech the word loses its lexical meaning and acquires pragmatical one. It testifies the process of lexicalization of the reduced form and allows to trace the stages of the transition of this form from speech to language.

Keywords: Russian spontaneous speech; principle of economy; phonetic reduction; short (reduced) form; Russian speech corpus; Russian national corpus; lexicalization; pragmaticalization.

**Дарья Андреевна Пальшина**

Аспирант кафедры русского языка

Санкт-Петербургский
государственный университетУниверситетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

► ruslangdaria@yandex.ru

Daria A. Palshina

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034 Russia*Научный руководитель:*д-р филол. наук,
проф. Н. В. Богданова-Бегларян

В истории русского языка уже несколько столетий происходит процесс, который можно назвать «аллегривацией» фонетической структуры слова, при котором аллегривная (редуцированная, усеченная) форма (АФ) становится нормой языка. Именно из спонтанной речи, вследствие действия закона экономии речевых усилий, произошли такие формы, как *нет* (из *не-есть*), *вишь* (из *видишь*), *спасибо* (из *спаси Бог*), *пожалуйста* (из *пожалуйте, сударь*) и др. (см. [2: 80]), получившие в дальнейшем свое лексикографическое описание. Сегодня многие аллегривные формы русской речи — *здрасьте*, *пжалста*, *тыща*, *сёдня*, *щас*, *скока*, *тока*, *ваще* и др. — находятся на так называемом пути «из речи в язык», который может закончиться их полной лексикализацией и получением лексикографического описания. Анализ материалов Звукового и Национального корпусов русского языка показал, что современные аллегривные формы находятся на разных этапах движения к новому статусу самостоятельного слова, и позволил выявить своеобразные стадии лексикализации данных форм в языке. Представляется, что на пути к получению лексикографической фиксации та или иная речевая единица должна пройти несколько этапов изменения: фонологического, семантического, прагматического и др.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 14–18–02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах»

В настоящей статье речь пойдет об одной из самых частотных форм нашей речи — аллегровой форме *щас* (89,6 % употреблений, по данным ЗКРЯ, 10,4 % — полная форма *сейчас*). Несмотря на то что данная АФ пока не вошла в список самостоятельных единиц нашего лексикона, ее функционирование в устной и письменной речи дает право говорить о том, что эта единица вполне заслуживает словарной кодификации.

Частота употребления единицы приводит прежде всего к изменению ее звукового и письменного облика, затем к десемантизации (ослаблению связи формы и содержания), ресемантизации (приобретению единицей нового значения) и — на завершающем этапе — к ее прагматикализации (изменению речевых функций единицы).

По результатам анализа материалов Звукового корпуса русского языка, единица *сейчас* имеет 4 произносительных варианта, среди которых наиболее частотным является редуцированный вариант *щас*:

сейчас — 10,4%; *счас* — 0,3%; ***щас*** — 87,8%; *ща* — 1,5%.

Интересно отметить, что каждая выявленная форма отражает один из этапов сокращения фонетической структуры слова: *сейчас* → *счас* → ***щас*** → *ща* — диереза звукового комплекса ГС (гласный + согласный), ассимиляция согласных по месту и способу образования, усечение конечного согласного.

Таким образом, можно заключить, что единица *сейчас* бытует в нашей речи преимущественно в своих аллегровых формах. Происходит некоторое перераспределение акцентов речевой нормы: ранее нормативная, нейтральная, форма становится утрированной, редуцированную форму *щас* можно отнести к речевой норме, она становится нейтральной, и уже эта нейтральная форма порождает, в свою очередь, редуцированный вариант *ща*. Форма *щас* значительно преобладает в нашей речи над соответствующей полной формой *сейчас*, что дает право отнести ее к речевой норме. Полная же форма приобретает статус утрированной в силу ее возникновения в эмфазе, т. е. когда требуется фонетическое прояснение при отсутствии семантического предсказания.

Полная форма *сейчас*, на долю которой, по данным ЗКРЯ, приходится 10,4 % употреблений, является в тех случаях, когда эта форма требует, например, логического выделения, ср.:

- *так ты мне это предложение даешь / как бы вот (...)*
*ну вот / на **сейчас** или вообще?;*
- *да / Виктория ну /да вот **прямо сейчас** / вот при вас / я все включаю;*
- *можно я приду не **прямо сейчас** / а еще через две минуты / можно?*

Видно, что часто дополнительным средством выражения логического ударения выступает частица *прямо*. В конструкции *прямо сейчас*, которая встретилась в ЗКРЯ 8 раз, не зафиксировано ни одного редуцированного употребления формы *сейчас*.

Спектр орфографических вариантов единицы *сейчас*, по материалам НКРЯ, довольно широк; всего выявлено 7 вариантов ее написания, среди которых наиболее частотным, так же как и среди произносительных вариантов, является АФ *щас*:

сечас — 0,2%; *сичас* — 7,7%; *счас* — 28,9%; *счаз* — 0,06%; ***щас*** — 53,2%; *щаз* — 0,3 %; *ща* — 9,6 %.

Следующим этапом на пути единицы «из речи в язык» является ослабление ее семантики. Прослеживаются следующие этапы десемантизации АФ *щас*, ср.:

- 1) — *Получается? — **Щас** покажем. Братья Козловы с готовностью засопели* (В. Крапивин. Белый щенок ищет хозяина (1962));
- 2) *А он — службе верный: он те **щас** покажет, какая у него верность* (Г. Владимов. Верный Руслан (1963–1965));
- 3) — *Я те **щас** поговорю, «сбесилась», — сказал хозяин* (Г. Владимов. Верный Руслан (1963–1965));
- 4) *А вот я тебя не боюсь! Я тебя **щас!**» — и красный суховатый кулак потянулся прямо к физиономии* (В. Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени (1996–1997));
- 5) — ***Щас** как пихнуть — костей не соберешь. Малянов смолчал, не поворачивая головы* (В. Рыбаков. Трудно стать Богом (1996));
- 6) [Марина, жен] *Я? Ха! **Щас** прям! Недостойны они этого!* (Разговор двух подруг (2006));
- 7) — *ВЗАГС? **Щас!** — любил он повторять* (Е. Тихонова. Жениться надо на училках! (2004) // «Амурский Меридиан» (Хабаровск), 2004.12.22).

В примере 1 форма *щас* выступает в роли обычного наречия со значением времени. Далее

в примерах 2–5 ее связь с наречием ослабевает. Выражения *он те щас покажет; я те щас поговорю; я тебя щас; щас как пихнусь* экспрессивны и вполне идиоматичны; по семантическому наполнению форма *щас* в этих конструкциях ближе к частице *вот* (ср.: *Вот как дам тебе!*), нежели к наречию.

Особая интонация, с которой произносятся эти выражения, а также определенный порядок слов позволяют отнести их к так называемым *интонационным фразеологизмам* (см.: [1; 5]) или к *синтаксическим фраземам* (см. список русских синтаксических фразем в: [3: 50–52]). Но в данных выражениях, как представляется, более важную роль играют не интонация или порядок следования компонентов, а употребление аллегрных форм (*тя/те* и *щас*). При использовании полных форм, даже если не обращать внимания на интонацию, смысл высказывания меняется с эмоционального на нейтральный, ср.:

- *Я тебе сейчас дам (покажу, скажу и др.);*
- *Я те щас дам (покажу, скажу и др.).*

Другое устойчивое выражение, в состав которого входят сразу две аллегрные формы — *щас прям!* — проиллюстрировано примером (6). Здесь, так же как и в примере (7), наблюдается семантический разрыв АФ *щас* с наречием *сейчас*. Употребленная в контекстах (6) и (7) форма *щас* приобретает новое значение, которое можно определить как ‘несогласие, отказ, «скептическая улыбочка»’ (ср.: *Простая демонстрация волшебных свойств продукта с призывом купить все чаще порождает скептическую улыбочку: «щас!»* [В. Ляпоров. Евро за доллар (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.08.17]). В контекстах (6), (7) форма *щас* с грамматической точки зрения выступает в функции междометия. Такое приобретение единицей нового значения в настоящей статье обозначено термином *ресемантизация*.

Утратив лексическое значение, АФ *щас* нередко употребляется в нашей повседневной речи и в функции заполнителя паузы гезитации, о чем свидетельствуют контексты ЗКРЯ с редупликацией этой формы:

- *так / щас щас щас я // ага / вот они;*

- *так это что / я должен выйти в... в это вот / (э-э) выйти // щас щас щас // ну подожди;*
- *что такое? сейчас // *П щас щас щас щас щас / да да да да да да да // *П шмяк / шмяк / шмяк / шмяк // так / шмяк шмяк // что у нас тут со шмяком получилась / хорошо всё.*

Таким образом, процессы «вымывания» семантики, или, в другой терминологии, «обесцвечивания» («bleaching») слова (см. [7: 605]), а также его ресемантизации, расширяют круг контекстов, в которых эта единица может функционировать. Следовательно, изменяется и ее частеречная принадлежность. Как было проиллюстрировано выше, в некоторых контекстах АФ *щас* употребляется как междометие; таким же образом *вишь* когда-то стало частицей, *слышь* — вводным словом, *спасибо* — также междометием и т. д.

Иными словами, происходит процесс *прагматикализации* (см.: [8: 288, 296; 9]), в ходе которого определенные грамматические формы, отдельные лексемы переходят на коммуникативно-прагматический уровень языка и иногда становятся «сугубо прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность, и имеющими форму самостоятельных высказываний» [8: 296]. Е. Граф иллюстрирует данный процесс примерами производных междометий, таких как *Брось! Будет! Скажите пожалуйста! Спасибо! Здравьте!* и др. (в данный перечень можно добавить и форму *щас!*). Так, аллегрная единица *щас* может относиться к «междометным прагматемам» [Там же: 297], которые отличаются от своих производящих этикетных форм тем, что приобретают новую семантику, прагматику и просодиду, а также синтаксическую независимость.

В завершение еще раз отметим, что при передаче языка от поколения к поколению некоторые единицы нашей речи семантически «обесцвечиваются», «изнашиваются»; процессы де-, ресемантизации и прагматикализации ведут к возникновению новой самостоятельной единицы: «Слово <...> „изнашивается“ даже на протяжении речевой практики одного и того же индивидуума или одного и того же поколения. Естественно поэтому, что младшее по отношению к данному поколению усваивает — на правах исходного для

своей речевой практики „стандартного“ шаблона — уже „изношенный“ в звуковом отношении скороговорочный дублет слова, и само уже начинает сокращать („изнашивать“) его далее. В итоге мы и получаем такого рода явления, которыми наполнены истории всевозможных языков...» [4: 83]. Доставшиеся нашему поколению уже лексикализованные редуцированные формы *спасибо* и *пожалуйста* на современном этапе развития языка вновь подвергаются усечению:

- *спаси Бог (Боже) Успасибо Упасибо, пасиб, псиб;*
- *пожалуйте, сударь Упожалуйста Упожалста, пжалста, пжаст* и т. п.

Эти редуцированные формы пока далеки от лексикализации, но вполне возможно, что и единица *щас*, и другие подобные АФ — по определению Л. В. Щербы, «зародыши будущих языковых состояний» [6: 143] — закончат свой путь «из речи в язык» полной лексикализацией и получением соответствующего лексикографического описания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипецкая М. В.* Интонационные фразеологизмы со значением эмоционального отрицания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012.
2. *Богданова Н. В.* От слова к слову, или К чему приводит лень человеческая // Матер. XXXVI междунар. филол. конф. Вып. 17. Фонетика. 12–17 марта 2007 года / Отв. ред. М. В. Гордина. СПб., 2007. С. 77–84.
3. *Коптев М. В.* Принципы синтаксической идиоматизации. Helsinki, 2008.
4. *Поливанов Е. Д.* Где лежат причины языковой эволюции? // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
5. *Светозарова Н. Д.* Интонационные фразеологизмы со значением отрицания // Матер. 27-й межвуз. научн.-метод. конф. СПбГУ, Секция фонетики. СПб., 1999. С. 34–37.
6. *Щерба Л. В.* О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слова // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 141–146.
7. *Bybee J.* Mechanisms of Change in Grammaticization: The Role of Frequency // Joseph B. D., Janda J. (eds.) The Handbook of Historical Linguistics. Oxford, 2003. P. 602–623.
8. *Graf E.* Interjektionen im Russischen als interaktive Einheiten. Frankfurt am Main etc, 2011.
9. *Günther S., Mutz K.* Grammaticalization vs. Pragmaticalisation? The development of pragmatic markers in German and Italian // Bisang W., Himmelmann N. P., Wiemer B. (eds.) What Makes Grammaticalisation? A Look from its fringes and its components. Berlin; New York, 2004. P. 77–107.

REFERENCES

1. *Arhipetskaia M. V.* (2012) Intonatsionnye frazeologizmy so znacheniem emotsional'nogo otritsaniia: avtoreferat dissertatsii. St. Petersburg. (in Russian)
2. *Bogdanova N. V.* (2007) Ot slova k slovu, ili k chemu privodit len' chelovecheskaia. In: Gordina M. V., ed. (2007) Materialy XXXVI mezh-dunarodnoi filologicheskoi konferencii, issue 17. Fonetika. 12–17 marta 2007 goda. St. Petersburg, p. 77–84. (in Russian)
3. *Kopotov M. V.* (2008) Printsipy sintaksicheskoi idiomatizatsii. Helsinki. (in Russian)
4. *Polivanov E. D.* (1968) Gde lezhat prichiny iazykovoi evoliutsii? In: Polivanov E. D. (1968) Stat'i po obshchemu iazykoznaniiu. Moscow. (in Russian)
5. *Svetozarova N. D.* (1999) Intonatsionnye frazeologizmy so znacheniem otritsaniia. In: Materialy 27-i mezhvuzovskoi nauchno-metodicheskoi konferencii. SPbGU, Sektsiia fonetiki. St. Petersburg, p. 34–37. (in Russian)
6. *Shcherba L. V.* (1974) O raznykh stiliakh proiznosheniia i ob ideal'nom foneticheskom sostave slova. In: Shcherba L. V. (1974) Iazykovaia sistema i rechevaia deiatel'nost'. Leningrad, p. 141–146. (in Russian)
7. *Bybee J.* (2003) Mechanisms of Change in Grammaticization: The Role of Frequency. In: Joseph B. D., Janda J., eds. (2003) The Handbook of Historical Linguistics. Oxford, p. 602–623. (in English)
8. *Graf E.* (2011) Interjektionen im Russischen als interaktive Einheiten. Frankfurt am Main etc. (in German)
9. *Günther S., Mutz K.* (2004) Grammaticalization vs. Pragmaticalisation? The development of pragmatic markers in German and Italian. In: Bisang W., Himmelmann N. P., Wiemer B., eds. (2004) What Makes Grammaticalisation? A Look from its fringes and its components. Berlin; New York, p. 77–107. (in English)

А. Ю. Романов

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ARTEMI ROMANOV

COMPARATIVE TEACHING OF RUSSIAN AND AMERICAN CULTURES IN THE GLOBALIZATION EPOCH

Статья посвящена анализу возможностей сопоставительного преподавания русской культуры в эпоху глобализации. Представлен детальный обзор учебного курса по русско-американским культурным связям, который предлагается студентам в Колорадском университете. Особое внимание сосредоточено на роли российско-американских саммитов, практика которых зародилась в XIX веке в результате визита великого князя Алексея Александровича в США в 1871–1872 гг.

Ключевые слова: русская культура; сопоставительное преподавание; российско-американские отношения.

The article analyzes the possibilities of comparative teaching of Russian culture in the age of globalization. It provides a detailed overview of the course on Russian-American cultural relations, offered to the students at the University of Colorado. The article focuses on the role of the Russian-American summits, a practice which originated in the 19th century, after the visit of Grand Duke Alexey Alexandrovich to the United States in 1871–1872.

Keywords: Russian culture; comparative teaching; Russian-American relations.

В эпоху глобализации сопоставительное преподавание русской культуры за границей, в частности в американских университетах, открывает новые возможности для привлечения студентов к изучению русского языка и культуры. Курс «Русско-американские культурные связи» уже несколько лет ведется в Колорадском университете в Боулдере. Из 400 студентов, прослушавших курс за последние 5 лет, чуть менее 20% занимались русским языком и литературой как своей основной специальностью, а остальные 80% концентрировались на изучении иных предметов, таких как международные отношения, история, социология, политология и др. Так, среди студентов, изучавших русско-американские культурные связи в Колорадском университете в 2009–2014 гг., были и будущие биологи, физики, химики, а также те, кому предстояло работать в разных сферах бизнеса. Однако после прослушанного курса по русско-американским культурным связям около 15% студентов записались на занятия по русскому языку. Таким образом, сопоставительный курс по русской культуре сыграл существенную роль в рекрутировании студентов на отделение русского языка в университете Колорадо.

Хронологически курс охватывает русско-американские культурные связи с середины XVIII века по настоящее время. Студенты знакомятся с историей установления дипломатических отношений между двумя странами, с ролью политических лидеров двух держав — Екатерины II и Александра I, Томаса Джефферсона и Джона Квинси Адамса — в сближении двух стран. Здесь же студенты узнают о первых научных контактах между выдающимися учеными двух стран, Михаилом Ломоносовым и Бенджамином Франклиным, о совместном проекте по изучению язы-



Артемий Юрьевич Романов

Ph. D., профессор

Университет Колорадо

Болдер, Колорадо, 80309, США

► artemi.romanov@colorado.edu

Artemi Romanov

University of Colorado

Boulder, CO 80309, USA

ков индейцев, инициированном Екатериной Дашковой.

История русской Америки, продвижение русских первооткрывателей на Дальний Восток, трудное освоение Аляски, строительство русскими фортов в Калифорнии и на Гавайских островах изучается в сопоставлении с продвижением американских переселенцев на запад американского континента и историей вытеснения, а во многих случаях и физического уничтожения коренного населения Северной Америки. Студенты узнают, как усилия и относительные успехи русских в освоении Аляски в первой четверти XIX века подталкивают американское правительство к выработке и оглашению доктрины Монро (декларация принципа невмешательства европейских держав в дела государств в западном полушарии).

Большое внимание в курсе уделяется сопоставлению событий и реформ в обеих странах, связанных с отменой крепостного права в России в 1861 году и ликвидацией рабства в США в 1863-м¹. Выделяются схожие черты и различия в этих процессах, которые в российском контексте привели к относительно мирному проведению реформы, а в США вызвали сильнейший политический и экономический кризис, вылившийся в гражданскую войну. Поддержка администрации президента Линкольна русским правительством в критическое для северян время и посылка двух русских эскадр на помощь Северу в 1863 году, что обычно замалчивается в школьных и университетских учебниках по американской истории², вызывает неподдельный интерес студентов Колорадского университета, изучающих русско-американские культурные связи.

Подборка текстов для курса включает работы видных историков и культурологов, специалистов в области русско-американских отношений, прежде всего академика Н. Н. Болухитинова (1990³, 1995⁴, 2005⁵), а также американского историка Н. Соула (1991⁶, 1996⁷, 2001⁸, 2006⁹), которые охватили важнейшие аспекты русско-американских культурных связей. Кроме этого в курсе используются работы Павловской¹⁰, а также Кузьменковой¹¹ и Леонтович¹², которые изучают особенности межкультурной коммуника-

ции среди русских и американцев, что особенно важно для будущих специалистов по русскому языку как иностранному и профессиональных переводчиков.

В данной статье хотелось бы уделить особое внимание зарождению традиции встреч на высшем уровне в российско-американских отношениях и их связи с процессами глобализации. Встречи в верхах, или саммиты, являются важными вехами в истории двухсторонних российско-американских и советско-американских отношений. Сразу же вспоминаются встречи Сталина, Рузвельта и Черчиля в Тегеране и Ялте, встречи Трумена, Сталина и Черчиля в Потсдаме, знаменитые кухонные дебаты Хрущева и Никсона на выставке в Москве, переговоры между Горбачевым и Рейганом в Рейкьявике в 1986 году. Российско-американские саммиты явились своего рода предвестниками эпохи глобализации и поэтому требуют детального исторического изучения для лучшего понимания сегодняшних тенденций.

Однако отсчёт российско-американских саммитов следует вести не с сороковых годов XX века, а с гораздо более раннего срока, а именно с 70-х годов XIX века, когда отношения между Российской империей и США были дружественными, несмотря на существенные различия в государственном строе и в векторе геополитических интересов. К сожалению, о дружественных отношениях России и США и продуктивном сотрудничестве между двумя странами в XIX веке сегодня знают лишь немногие специалисты-историки. Визит великого князя Алексея Александровича в США с ноября 1871-го по февраль 1872 года представляется прекрасным материалом для анализа двусторонних отношений и сопоставительного изучения российской и американской культур.

В течение нескольких лет в США ходили слухи о возможном высочайшем визите российского императора Александра II на северо-американский континент¹³. Визиту царя не суждено было состояться, однако в начале 1870-х годов стало ясно, что в путешествие через Атлантику отправится не сам император, а четвертый сын Александра II и императрицы Марии Александровны, 21-летний великий князь Алексей Александрович. В феврале 1871 года российскому послу в США Константину Гавриловичу Катакази

пришла депеша от министра иностранных дел Российской империи канцлера Александра Михайловича Горчакова, в которой говорилось о планируемом визите великого князя Алексея. Посол Катакази предложил для высокой российской делегации маршрут, который бы включал Нью-Йорк, Лонг Бич, Вест Пойнт, Бриджпорт, Анаполис, Бостон, Кеймбридж, Ниагарский водопад, Кливленд, Дейтройт, Чикаго, Цинцинати, Сент-Луис, Скалистые горы и Сан-Франциско. Катакази писал Горчакову, что среди возможных дипломатических подарков в США особенно ценятся изделия из уральского малахита. К июлю 1871 года маршрут и программа визита были изменены — были добавлены охота на бизонов, посещение карнавала в Новом Орлеане, но исключена поездка в Сан-Франциско¹⁴.

У Александра II и императрицы Марии Александровны были особые причины, по которым они захотели отправить с визитом в Америку, подальше от Петербурга, именно своего четвертого сына Алексея. Дело в том, что двумя годами раньше 19-летний великий князь завел роман с Александрой Жуковской, дочерью поэта Василия Андреевича Жуковского. В результате этой связи у Александры Васильевны, бывшей на 8 лет старше своего любовника, в 1871 году родился сын, которого она назвала Алексеем. Александр II и Мария Александровна были решительно против такого мезальянса, не собирались признавать внука и присваивать ему какой-либо титул. Напомним, что отец Александры, поэт Василий Андреевич Жуковский, был незаконнорожденным сыном тульской помещика и пленной турчанки. Великий князь Алексей хотел жениться, но Александр II проявил жесткость и не позволил, отправив сына на два года в кругосветное плавание, сначала к берегам США, а затем на Кубу, в Бразилию и Японию. Меж тем Александру Жуковскую выслали из Петербурга за границу, в Италию. Лишь много позже Александр III своим указом 1883 года присвоил незаконнорожденному сыну великого князя Алексея, 12-летнему мальчику, титул графа Белевского (белевский уезд тульской губернии был родиной его деда, В. А. Жуковского).

В ноябре 1871 года в гавани Нью-Йорка бросили якоря корабли российской эскадры, фрегаты *Светлана*, *Богатырь* и *Абрек*. Корабли были встречены салютом и фанфарами, несмотря на дождливую, ненастную погоду¹⁵. Хотя великий князь Алексей Александрович в этом походе по должности являлся лишь дежурным офицером, никаких намерений представить этот визит неформальным не было — это был настоящий первый саммит в ряду российско-американских встреч на высшем уровне, которые возобновятся уже только в XX веке.

В числе членов высокой русской делегации были воспитатель великого князя, адмирал Константин Николаевич Посыет; опытный дипломат и знаток США, секретарь российской миссии в Вашингтоне Владимир Бодиско; генерал-майор Павел Шувалов, будущий посол России в Германии; генерал-майор Александр Васильевич Олсуфьев, личный врач великого князя Владимир Кудрин, учитель английского языка Алексея Александровича Вильям Мачин.

На следующий день в Нью-Йорке ненастье закончилось, выглянуло солнце — на торжественную встречу Алексей ехал в одной коляске с российским послом Константином Катакази. Их сопровождали батальон нью-йоркской полиции и несколько взводов американской национальной гвардии. Толпы нью-йоркцев встречали кортеж великого князя и хотели получше разглядеть Алексея. С американской стороны в комитет по организации встречи российской делегации входили генералы Джон Дикс, Генри Додж и Ирвин Макдоуэл, а также представители наиболее успешных бизнес кланов Нью-Йорка Вандербильтов, Пиррепонттов, Гарриманов. Генерал Дикс выступил с приветственной речью, на которую довольно коротко на английском ответил великий князь Алексей: «Дружба между Америкой и Россией настолько крепка и продолжительна, что ничто не сможет поколебать ее»¹⁶.

После молебна в православной церкви Нью-Йорка великий князь отбыл на поезде в Вашингтон. Там состоялась встреча в Белом Доме между Алексеем и президентом Улиссом Грантом, героем Гражданской войны США (как известно, генерал Грант сумел нанести Конфедерации южан решающие поражения на фронтах). Кроме президента на встрече присутствовали его супруга Джулия Грант и их дочь Нелли¹⁷. После встречи в Белом Доме Алексей совершил визит в Аннаполис, пригород Вашингтона, и там посетил военно-морскую академию.

Затем российская делегация вернулась в Нью-Йорк. Алексей побывал на бруклинских судовервях, ознакомился с работой пожарной части на площади Томпсон, а в национальной академии дизайнера состоялась его беседа с 79-летним Сэмюэлем Морзе, создателем телеграфа и кода Морзе¹⁸. По вечерам целую неделю в Нью-Йорке продолжались приемы и балы в честь высокого гостя из России. Известно, что на балу на Губернаторском острове Алексей танцевал пять с половиной часов с девушками из высшего света Нью-Йорка; другой грандиозный бал и ужин прошел в музыкальной академии, самом большом помещении города, где разом могло танцевать несколько сотен человек. Алексей Александрович позировал для своего портрета в фотографической студии Дрейди, на углу Бродвея и 10-й улицы, совершил конную поездку по Центральному парку, проплыл на пароходе по Гудзону, чтобы посетить военную академию в Вест-Пойнте. На борту *Светланы*, флагманского корабля российской эскадры, 2 декабря был дан прием в честь жителей Нью-Йорка.

Затем последовали поездки князя в Филадельфию, где в зале независимости состоялся бал, который очевидцы описывали как «великолепнейшее, самое грандиозное социальное событие в истории города». В Бостоне князь посетил кампус Гарвардского университета, где его сопровождал ректор университета Чарльз Элиот, а после этого поспешил на многочасовой бал в Бостонском театре. Американская пресса практически единодушно осыпала похвалами великого князя, отмечая его манеры, скромность в поведении, чувство юмора и хороший разговорный английский.

Далее маршрут Алексея пролегал через Монреаль, оттуда к Ниагарскому водопаду, затем в Баффало, Кливленд, Дэйтройт и Чикаго. Чикаго только-только начинал восстанавливаться после пожара, уничтожившего всю центральную часть города, и великий князь пожертвовал 5 тысяч долларов (в наши дни это около 250 тысяч долларов) на помощь чикагским бездомным¹⁹. Там же в Чикаго Алексей посетил мясные бойни и мясоперерабатывающий завод. Дальше путь российской делегации лежал через Милуоки и Сент-Луис в Небраску.

В Небраске к российской делегации присоединились герои гражданской войны, генералы Вильям Шерман и Филип Шеридан, который был назначен организатором охоты на бизонов и пообещал Алексею, что индейцы сиу будут участвовать в этой охоте. На балу в Милуоки пресса особенно выделила речь, произнесенную российским дипломатом Владимиром Бодиско. Бодиско, в частности, сказал: «Хотя Россия и утратила свои территории в Америке (Аляска, как известно, была продана в 1867 году. — А. Р.), среди вас есть русский американец. Я уже долгие годы жил в этой стране. Я добирался по морю до Калифорнии, но теперь я в первый раз попал на Запад США по суше. Как поется в песне, „звезда указывает нам путь на запад“. Но в России звезда указывала нам путь на восток, и скоро придет время, когда две наши страны пожмут руки через Берингов пролив» — текст речи приведен в записке российского посла Константина Катакази министру иностранных дел Александру Михайловичу Гончарову²⁰.

Примечательно, что на протяжении всего маршрута, российская делегация полностью оплачивала свои расходы, и даже те, которые не всегда были запланированы в бюджете великого князя. Например, за 23 комнаты в лучшей гостинице Милуоки адмирал Константин Посьет выписал чек на 600 долларов, что, кстати, составляло около 1200 рублей золотом при обмене в то время²¹. На балу в Сент-Луисе на великого князя, как писала пресса, произвела неизгладимая впечатление юная Салли Шаннон из Канзаса, его партнерша по танцам, и в конце бала ей был подарен перстень. Там же в Сент-Луисе Алексей сходил на бурлеск под названием «Голубая борода», в котором выступала популярная певица Лидия Томпсон. За прекрасное выступление великий князь подарил певице золотой браслет с драгоценными камнями. Впрочем помимо бюджетных были и иные не вполне ожидаемые трудности. Так, в Чикаго, прямо в лобби отеля, где остановилась российская делегация, выстроилась огромная очередь для приветствия сына Александра II. Местная газета *Чикаго Трибьюн* сообщила, что великому князю пришлось пожимать руки более двух тысяч человек, в основном женщин, рабочих и купцов²².

К середине января 1872 года российская делегация в сопровождении отряда национальной гвардии, генералов Шермана и Шеридана, а также представителей американской прессы достигла реки Северный Плат на территории Небраски. Здесь к ним присоединились генерал Кастер и Вильям Коуди, больше известный по своей кличке Баффало Билл. Вильям Коди получил своё про-

звище Баффало Билл после того, как подписал контракт, по которому обязался обеспечить рабочих Канзасско-Тихоокеанской железнодорожной компании мясом бизонов. За восемнадцать месяцев (1867–1868) Коди собственноручно убил 4280 бизонов²³. Именно Кастер и Баффало Билл отвечали за организацию великокняжеской охоты на бизонов.

Во время охоты русскую делегацию сопровождали помимо указанных генералов две роты пехоты, две роты кавалерии, военный оркестр, многочисленные загонщики, курьеры, повара и слуги. Но самым красочным сопровождением охоты были 600 индейцев, представителей племени сиу, которые по-другому известны как индейцы дакота. Среди вождей дакотского племени на царской охоте присутствовали Пятнистый Хвост, Шапка Войны, Красный Лист, Свистун, Черная Шапка и Убийца Пони. Индейцам были привезены богатые подарки, большое количество муки, сахара, кофе и 1000 фунтов табака — все это поместилось на 25 телегах.

В первый день охоты Алексею все никак не удавалось завалить бизона, пока Баффало Билл не одолжил ему свою лошадь и ружье, объяснив, в какой именно момент надо стрелять по бизону²⁴. Алексей после первого удачного выстрела сел на убитого бизона, отрезал ему хвост, прокричал дакотский боевой клич, как его научили накануне индейцы, и распорядился разливать шампанское. На утро второго дня на счету Алексея было два убитых бизона, генерал Шеридан также подстрелил двух, а в общей сложности в этот день было убито не меньше 50 бизонов. Шкуры, языки и горбы бизонов были отданы индейцам дакота.

Вечером всех охотников пригласили на традиционное индейское пау-вау, собрание, на котором индейцы показывали меткость в стрельбе из лука, раскуривали трубку мира и танцевали. Предводитель дакота поблагодарил генерала Шеридана за возможность встретиться с сыном «великого белого вождя с другой стороны большой воды». Алексей также выслушал просьбу Пятнистого Хвоста, вождя дакоты, о том, чтобы его племени разрешили бы вести охоту к югу от реки Платт. Великий князь подарил вождям зеленые и красные одеяла, ножи с ручками из моржовой кости и по большому мешку с серебряными долларами.

Как отметили американские журналисты, во время танцев великий князь Алексей Александрович не преминул обратить внимание на симпатичных индейских девушек. Позже, желая успокоить свою мать, императрицу Марию Александровну, относительно своих амурных походов среди американок, великий князь телеграфировал из Сент-Луиса: «По поводу моих успехов среди американских дам, о чем так много писалось в прессе, хочу прямо сказать, что это полная чепуха. Вначале американки глядели на меня как на дикое животное, как на какого-то крокодила...»²⁵

Затем делегация отправилась через Вайоминг в Колорадо, в Денвер и Голден, осматривали там серебряные рудники, прежде чем возвратиться через Канзас в Сент-Луис. Недалеко от Колорадо Спрингс охотники еще раз повстречали большое стадо бизонов и приступили

к охоте, но уже без индейцев, и на кавалерийских лошадях, не приученных к охоте. Охота получилась непродуманной и даже опасной, бегущее стадо бизонов чуть не растоптало спешившихся охотников. Алексей тем не менее был в ударе, сумев подстрелить около 25 бизонов. Позже, как писали газеты, великий князь стрелял по бизонам прямо из окна поезда, мчавшегося по колорадским и канзасским степям. К возвращению в Сент-Луис запасы икры и шампанского подыстожились, но впереди русскую делегацию ждали празднества в Новом Орлеане, куда великий князь и сотоварищи отправились на пароходе *Джеймс Ховард* по Миссисипи²⁶.

В Новом Орлеане, уже более или менее восстановленном после гражданской войны, готовились к празднованию карнавала. Одним из центральных событий карнавала должен был стать парад по французскому кварталу Нового Орлеана. Вполне естественно, что сидеть на троне короля парада предстояло великому князю Алексею. Великому князю доверили выбрать и официальные цвета карнавала — Алексей остановился на трех: фиолетовом, зеленом и золотом²⁷. Во время парада нью-орлеанские музыканты успели с десяток раз сыграть российский гимн *Боже царя храни* в перерыве между другими, более танцевальными мотивами²⁸. Чаще всего играли мелодию из песни “If ever I cease to love”. Примечательно, что и в XXI веке в дни карнавала на улице Бурбон, в центре французского квартала, звучит та же мелодия “If ever I cease to love” (Если я когда-нибудь перестану любить). Это песенка из бурлеска *Синяя Борода*, которую с блеском исполняла актриса Лидия Томпсон, произвела впечатление на великого князя. Именно поэтому песня стала официальной мелодией карнавала в 1872 году и исполняется во время парада и сейчас, 145 лет спустя. Две февральские недели, которые Алексей провел в Новом Орлеане, жизнь кипела ключом. Великий князь довольно быстро остыл к Лидии Томпсон, зато увлекся миниатюрной актрисой Лоттой Крабтри, которая играла главную роль в пьесе «Маленькая сыщица». Лотте, так же как и Лидии раньше, был подарен золотой браслет с драгоценными камнями...

Таким образом, визит великого князя Алексея в США продолжался более трех месяцев. Детали визита освещались всеми газетами США и Российской империи, от мелких провинциальных газетенок, до уважаемой столичной прессы. Сохранилась и масса фотографий со времен визита. Американцы больше узнали о русских, а русские об американцах. На многих остановках поезда Алексея Александровича простые американцы имели возможность увидеть великого князя, пожать руку членам русской делегации, а иногда удавалось и задать вопросы. Во многом опыт визита в США сказался на профессиональной судьбе участников русской делегации.

Глава русской делегации, адмирал Посьет, особенно интересовался организацией транспорта и железных дорог в США, вел детальный журнал поездки, который по прибытии в Петербург был представлен императору Александру II. Вскоре Константин Николаевич Посьет был

назначен министром путей сообщения Российской империи. За годы работы министром он не раз привлекал американских бизнесменов и инженеров-железнодорожников к строительству железных дорог в разных уголках империи, включая и планы по строительству транссибирской магистрали²⁹. Сеть железных дорог в России за время работы Константина Посьета министром увеличилась на 9 тысяч километров.

В своем отчете о посещении США великий князь Алексей наиболее подробно описывал организацию американского флота, устройство портов и доков в Нью-Йорке, Бостоне, Анаполисе и Вашингтоне. Позже великий князь Алексей Александрович сыграл ключевую, хотя и не однозначную роль в развитии русского флота. В 1881 году он был назначен членом Государственного совета и Главным начальником флота и Морского ведомства с правами генерал-адмирала и председателем Адмиралтейств-совета³⁰. За время его управления морским ведомством и флотом были преобразованы корпуса инженер-механиков и корабельных инженеров, увеличено число экипажей, построено много броненосцев и крейсеров, усовершенствованы и расширены порты и доки в Севастополе, Порт-Артуре, Кронштадте и Владивостоке. Во главе русского флота Алексей Александрович оставался почти 25 лет вплоть до поражения в Русско-японской войне.

Заметим, что великий князь после морганатического брака с Александрой Жуковской больше не женился и вел жизнь бонвивана и жуира, полную амурных похождений: в свете говорили, что жизнь Алексея Александровича состояла из «вертких дам и неповоротливых кораблей». Как отмечал в мемуарах его двоюродный брат, великий князь Александр Михайлович, «это беззаботное существование было омрачено, однако, трагедией: несмотря на все признаки приближающейся войны с Японией, генерал-адмирал продолжал свои празднества и, проснувшись в одно прекрасное утро, узнал, что наш флот потерпел позорное поражение в битве с современными дредноутами Микадо. После этого Великий Князь подал в отставку и вскоре скончался»³¹.

Курс по русско-американским культурным связям ведется с помощью современных технологий, в частности, с помощью компьютерной программы DesireToLearn (D2L), которая позволяет помещать онлайн, но в закрытом режиме, т. е. без нарушения авторских прав, отрывки из документов, статей, книг, а также фото- и видеоматериалы, которые студентам не приходится покупать или отыскивать самостоятельно. На сайте размещаются все текущие задания, вопросы для дискуссий, темы студенческих сочинений, примеры сочинений прошлых лет в качестве образцов и прочие учебные материалы. В тече-

ние курса студенты пишут три короткие работы на заданные темы (например, *опишите культурные контакты между Россией и США в 70-х годах XIX столетия; постарайтесь объяснить, почему популярность И. С. Тургенева по сравнению с Л. Н. Толстым была выше среди американских читателей в конце XIX века; расскажите, за какие заслуги афро-американский певец Пол Робсон был удостоен в СССР Сталинской премии*), а также заключительное экзаменационное сочинение (12–15 печатных страниц), которые пересылаются в электронном виде на D2L. Специальная программа SafeAssign проверяет студенческие сочинения на наличие возможного плагиата, а преподаватель проводит традиционную проверку содержания, логики и стиля сочинений и пересылает студентам оценки и замечания. Текущие студенческие оценки за короткие контрольные и замечания, высказанные преподавателем, оказываются мгновенно доступными для студентов на сайте.

Все лекционные занятия проводятся в аудиториях с проекторами, что позволяет использовать презентации в программе PowerPoint с богатым визуальным рядом и видеоклипами. Например, при рассказе об одном из первых российских дипломатов в США Павле Свинине студентам демонстрируются его акварели 1810–1820-х гг., в которых запечатлены жизнь и быт Филадельфии и Нью-Йорка, первые пароходы на Гудзоне, религиозные песнопения в церкви для черных, костюмы и прически американских индейцев и т. д. Тут же студенты узнают, что вскоре после приезда в США Павел Свинин опубликовал книгу о Петербурге и Москве, которая стала одним из первых сочинений в Северной Америке, рассказывающих о жизни в русских столицах. В лекции о деятельности Георгия Баланчивадзе (который, по совету Сергея Дягилева, сменил имя на Джорджа Баланчина) как балетмейстера, связавшего русскую классическую традицию с современным американским балетом, показываются видеоклипы из балета *Щелкунчик* в постановке Баланчина, отрывки из занятий детской группы Вагановской балетной академии в Санкт-Петербурге и из уроков Нью-Йоркской школы

балета. Опросы среди студентов показывают, что использование современных компьютерных технологий в курсе делает его несомненно более привлекательным для нынешнего поколения американских студентов и способствует установлению более тесного коммуникативного контакта³² между студентами и профессором.

Одной из особенностей курса является частичный отказ от традиционных форм занятий и перевод их в интерактивный режим. Интерактивность курса заключается прежде всего в проведении регулярных пятиминутных презентаций студентами на одну из тем русско-американских культурных отношений, основанных на самостоятельном домашнем прочтении текстов документов и научных статей. Презентации заканчиваются постановкой самими же студентами двух-трех дискуссионных вопросов, на которые пытаются ответить все сидящие в аудитории. Таким образом, акцент делается не на традиционное закрепление знаний, полученных на лекциях, а на выработку умения самостоятельного анализа документов и научных статей, а также навыков ведения подготовленной и неподготовленной дискуссии.

Сопоставительное преподавание культур дает возможность широкого выбора в использовании различных теоретических подходов для объяснения культурного взаимодействия народов. Однако разнообразие теоретических подходов в сопоставительном культуроведении представляет собой серьезную методологическую проблему. Так, например, взаимовыгодное технологическое сотрудничество между русскими и американцами в сфере кораблестроения или строительстве железных дорог в XIX веке может быть объяснено с нескольких позиций, например, с помощью культурологической теории диффузионизма, в которой делается акцент на перенос и заимствование элементов культур посредством контактов и взаимодействия народов. В противовес абстрактному рассмотрению культур, существовавшему в эволюционизме, диффузионисты ставили вопрос о конкретно-исторических связях и взаимовлияниях культур различных народов³³. В исследованиях диффузионистов обрабатыва-

лись приемы анализа, сравнения, поиска сходных моментов в частях, составляющих культуру. Именно диффузионисты исследовали вопрос о пространственно-временных характеристиках культур.

В то же время сотрудничество в области технологий между Россией и США может рассматриваться с позиций различных экономических теорий, например, в рамках теории технологического разрыва³⁴, суть которой состоит в следующем. Разработка новой технологии дает странам временную монополию в производстве и экспорте произведенного на ее основе товара. По мере того как товары, произведенные с помощью новой технологии, распространяются по миру, страна-изобретатель теряет монополию на обладание ею, поскольку технический прогресс в других странах тоже не стоит на месте. Так, если в сороковых-пятидесятых годах XIX века строительство железных дорог в России велось с помощью американских технологий и специалистов, то через пятнадцать-двадцать лет Россия достигла такого технологического уровня, что была в состоянии строить железные дороги и обеспечивать их вагонами и локомотивами самостоятельно и с отменным качеством.

Сопоставление особенностей управления большими территориями в России и США, разделения полномочий между федеральными, областными и местными властями позволяет привлечь теорию исторического партикуляризма³⁵. В обеих странах то усиливались, то ослабевали тенденции централизации и децентрализации в управлении государством. Так, в рамках исторического партикуляризма можно сопоставлять административные реформы Александра II в 60-х и 70-х годах XIX века и процесс реконструкции в США в период после Гражданской войны 1865–1877 гг. С другой стороны, для рассмотрения этого же вопроса могут быть привлечены различные теории государственного управления, например идеи Г. Кауфмана об административной децентрализации и политической власти, или же мысли Д. Роземблума о принципах разделения властей и теории государственного управления³⁶.

В курсе рассматриваются вопросы сопоставительного изучения политической культуры

и коллективной идентичности в спорных ситуациях. Например, Октябрьская революция 1917 года в России и строительство советского государства без сомнения повлияли на создание климата антикоммунизма и антисоветизма в США. В свою очередь, антикоммунизм можно рассматривать и в качестве рациональной защитной реакции правящих элит в капиталистической стране, и как форму идеологической борьбы между социалистическими и капиталистическими странами, и как оппозицию идеи гипотетического бесклассового общества³⁷. Студенты с удовольствием дебатировали на тему маккартизма в США в 1950-е годы, когда иррациональный страх перед распространением коммунизма прочно укрепился в массовом сознании американского общества, и рассматривают это явление в свете разгорающейся «холодной войны» между двумя сверхдержавами, уделяя внимание политическим репрессиям против инакомыслящих деятелей культуры и ученых левых убеждений в США.

Безусловно, большой объясняющей силой в межкультурных сопоставлениях обладает культурный материализм³⁸, а также марксистские и неомарксистские подходы, например теории франкфуртской школы. Сопоставительный анализ классовых интересов народов двух стран в тот или иной исторический период позволяет лучше понять схожие историко-культурные феномены, например, то, почему противостояние между южными рабовладельческими и северными штатами в США в 1861 году привело к кровавой гражданской войне, в то время как отмена крепостного права в том же году в России не вылилась в силовое противостояние.

Чаще же всего в сопоставительной культурологии используется проверенный временем и наиболее доступный для восприятия студентами описательный метод подачи материала. В ходе курса студенты знакомятся с историей зарождения преподавания русского языка и литературы в США³⁹.

Как известно, недостаточные знания по культуре другой страны часто ведут к непониманию культурных ситуаций⁴⁰, длительному культурному шоку и, нередко, к враждебному

отношению к иной культуре. Преподавание двух культур в сопоставлении позволяет посмотреть на культуру США русским взглядом, и на русскую культуру глазами американца, но так, что культурное зрение студентов оказывается существенно усилено, а линзы очков защищены от культурных стереотипов. Сопоставительное изучение культуры вовсе не делает студентов жителями монокультурной глобальной деревни, а позволяет им оказаться в роли тех, кто умеет наводить мосты между двумя культурами. Из опыта сопоставительного преподавания русской культуры можно сделать несколько выводов.

Во-первых, в эпоху глобализации практика преподавания курса по русско-американским культурным связям показывает, что сопоставительное изучение и преподавание культуры позволяет последовательно проводить идею многополярности человеческого сообщества, формировать у студентов-иностранцев понятие о русской картине мира и русских культурных ценностях, ставить под сомнение и развеивать неправильные, предвзятые представления американских студентов о культурных и исторических процессах в России. Искаженные представления о России в XIX и о Советском Союзе в XX веках, которые во многом сформировались в годы «холодной войны», оказываются в США, на удивление, весьма устойчивыми, несмотря на то, что «холодная война» завершилась почти 25 лет назад. Сопоставительное изучение двух культур — например, технические и деловые связи в области строительства железных дорог в XIX веке; культурные обмены в области балета в XX веке, а также примеры культурного взаимодействия совсем недавнего прошлого, такие как роль русскоязычных ученых в создании компании Google, — позволяет студентам яснее разглядеть многоплановую картину отношений, сильно отличающуюся от упрощенного взгляда друг на друга как на соперника или врага. Другими словами, речь идет о формировании положительного образа России через сопоставительное изучение русской культуры.

Во-вторых, широкие возможности в выборе теоретических подходов в сопоставительной

культурологии составляют методологическую проблему при чтении подобного курса, так как многие теории оказываются если и не взаимоисключающими, то подчас серьезно осложняющими понимание сути межкультурных отношений. С другой стороны, теоретический эклектизм — данность культурологических исследований, с которой приходится мириться. До студентов-иностранцев важно донести мысль о том, что русская культура, как и культура любой страны, — это многогранное, сложное, исторически развивающееся общественное явление, способ освоения действительности, реализации творческого потенциала человека в сфере материальной и духовной деятельности. Как было показано на примерах, русская культура хорошо раскрывается в сопоставлении с другими культурами, в частности в сравнении с американской культурой. Часто преподавателю на помощь приходит проверенный временем описательный метод подачи материала.

В-третьих, преподавание русской культуры в сопоставительном плане открывает новые возможности по рекрутированию студентов на русские кафедры, позволяет привлечь новых студентов к изучению русского языка, т. е. тех студентов, которые до курса по русско-американским культурным связям даже и не задумывались о занятиях русским языком. В нынешних условиях, когда администрации американских университетов ставят цели по увеличению эффективности работы преподавателей, по охвату большего числа студентов, нередки случаи, когда кафедры вынуждены отменять курсы по русскому языку, если на курс записывается меньше 10–15 студентов. Как добиваться роста числа студентов, изучающих русский язык? Реклама русского языка для привлечения большего числа студентов может и должна вестись через лекции по смежным предметам, читающиеся на родном языке студента. Мы призываем коллег не останавливаться на преподавании традиционных курсов по русскому языку и литературе, а смело вводить в учебную программу курсы по русской культуре, в том числе и в сопоставительном плане. В эпоху глобализации в условиях жесткой конкуренции между

языковыми кафедрами за студентов в американских университетах этот фактор, на наш взгляд, оказывается одним из ключевых.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Kolchin P. *Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom*. Belknap Press, 1987.

² A People and a Nation: A History of the United States. New York, 2008.

³ Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. М., 1990.

⁴ Болховитинов Н. Н. Отклики в США на отмену крепостного права в России // Вопросы истории. 1995.

⁵ Болховитинов Н. Н. Русские ученые-эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.

⁶ Saul N. E. *Distant Friends. The United States and Russia, 1763–1867*. Topeka, 1991.

⁷ Saul N. E. *Concord and Conflict. The United States and Russia, 1867–1914*. Topeka, 1996.

⁸ Saul N. E. *War and Revolution. The United States and Russia, 1914–1921*. Topeka, 2001.

⁹ Saul N. E. *Friends or Foes? The United States and Soviet Russia, 1921–1941*. Topeka, 2006.

¹⁰ Павловская А. В. *Россия и Америка*. М., 1998.

¹¹ Кузьменкова Ю. Б. *От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян*. М., 2005.

¹² Леонтович О. А. *Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения*. М., 2005.

¹³ Saul N. E. *Concord and Conflict...* Topeka, 1996.

¹⁴ Архив внешней политики Российской империи. Москва.

¹⁵ New York Times, 1871.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Chicago Tribune, 1871.

²⁰ Архив внешней политики Российской империи. Москва.

²¹ Saul N. E. *Concord and Conflict...* Topeka, 1996.

²² Chicago Tribune, 1871.

²³ Russell D. *The lives and legends of Buffalo Bill*. University of Oklahoma Press, 1960.

²⁴ Там же.

²⁵ Saul N. E. *Concord and Conflict...* Topeka, 1996.

²⁶ Chicago Tribune, 1872.

²⁷ Huber L. V. *Mardi Gras: A Pictorial History of Carnival in New Orleans*. Pelican Publishing, 1989.

²⁸ Saul N. E. *Concord and Conflict...* Topeka, 1996.

²⁹ Там же.

³⁰ Кориунов Ю. Л. *Генерал-адмиралы Российского императорского флота*. СПб., 2003.

³¹ Великий князь Александр Михайлович. *Книга воспоминаний*. Париж, 1933. С. 135–136.

³² Романов А. Ю. *Межпоколенческая коммуникация*. М., 2009.

³³ Соколов Э. В. *Культурология*. М., 1994.

³⁴ Gandolfo G. *International Trade Theory and Policy*. 1998.

³⁵ Harris M. *The Rise of Anthropological Theory: A History of Theories of Culture*. New York, 2001.

³⁶ Шамхалов Ф. И. *Основы теории государственного управления*. М., 2003

³⁷ Генри Э. *Профессиональный антикоммунизм: К истории возникновения*. М., 1981.

³⁸ Harris M. *Op. cit.*

³⁹ Романов А. Ю. *Первые шаги в преподавании русского языка в США в конце XIX века // Русский язык за рубежом*. 2010. № 2. С. 110–113.

⁴⁰ Кузьменкова Ю. Б. *Указ. соч.* М., 2005.

REFERENCES

1. Bolkhovitinov N. N. (2005) *Russkie uchenye-emigranty* (G. V. Vernadskii, M. M. Karpovich, M. T. Florinskii) i stanovlenie rusistiky v SShA. Moscow. (in Russian)

2. Bolkhovitinov N. N. (1990) *Russko-amerikanskie otnosheniia i prodazha Aliaski, 1834–1867*. Moscow. (in Russian)

3. Bolkhovitinov N. N. (1995) *Otkliki v SShA na otmenu krepostnogo prava v Rossii. Voprosy istorii*. (in Russian)

4. Velikii kniaz' Aleksandr Mikhailovich. *Kniga vospominanii* (1933). Paris, p. 135–136. (in Russian)

5. Genri E. (1981) *Professional'nyi antikommunizm: K istorii vozniknoveniia*. Moscow. (in Russian)

6. Korshunov Iu. L. (2003) *General-admiraly Rossiiskogo imperatorskogo flota*. St. Petersburg. (in Russian)

7. Kuz'menkova Iu. B. (2005) *Ot traditsii kul'tury k normam rechevogo povedeniia britantsev, amerikantsev i rossiian*. Moscow. (in Russian)

8. Leontovich O. A. (2005) *Russkie i amerikantsy: paradoksy mezhkul'turnogo obshcheniia*. Moscow. (in Russian)

9. Pavlovskaiia A. V. (1998) *Rossiiia i Amerika*. Moscow. (in Russian)

10. Romanov A. Iu. (2009) *Mezhpokolencheskaia kommunikatsiia*. Moscow. (in Russian)

11. Romanov A. Iu. (2010) *Pervye shagi v prepodavanii russkogo iazyka v SShA v kontse XIX veka. Russkii iazyk za rubezhom*, no. 2, p. 110–113. (in Russian)

12. Sokolov E. V. (1994) *Kul'turologiia*. Moscow. (in Russian)

13. Shamkhalov F. I. (2003) *Osnovy teorii gosudarstvennogo upravleniia*. Moscow. (in Russian)

14. A People and a Nation: A History of the United States. (2008) New York. (in English)

15. Gandolfo G. (1998) *International Trade Theory and Policy*. (in English)

16. Harris M. (2001) *The Rise of Anthropological Theory: A History of Theories of Culture*. New York. (in English)

17. Huber L. V. (1989) *Mardi Gras: A Pictorial History of Carnival in New Orleans*. Pelican Publishing. (in English)

18. Kolchin P. (1987) *Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom*. Belknap Press. (in English)

19. Russell D. (1960) *The lives and legends of Buffalo Bill*. University of Oklahoma Press. (in English)

20. Saul N. E. (1996) *Concord and Conflict. The United States and Russia, 1867–1914*. Topeka. (in English)

21. Saul N. E. (2006) *Friends or Foes? The United States and Soviet Russia, 1921–1941*. Topeka. (in English)

22. Saul N. E. (2001) *War and Revolution. The United States and Russia, 1914–1921*. Topeka. (in English)

23. Saul N. E. (1991) *Distant Friends. The United States and Russia, 1763–1867*. Topeka, The University Press of Kansas. (in English)

И. П. Черноусова

БЫЛИННАЯ КАРТИНА МИРА В ПРИЗМЕ «СВАДЕБНОГО» КОДА (НА МАТЕРИАЛЕ БЫЛИН О СВАТОВСТВЕ)

IRINA P. CHERNOUSOVA

THE EPIC TALE PICTURE OF THE WORLD THROUGH THE PRISM OF "NUPTIAL CODE"
(CASE STUDY OF EPIC TALES ABOUT MARRIAGE BROKERAGE)

В статье исследуется былинная картина мира через призму одного из фольклорных кодов — «свадебного», характеризующегося полисемантической. Изучение былинной картины мира осуществляется с учетом перекодировки, пересемантизации мифологического, этнографического и исторического материала. Свадьба в былинной картине мира символизирует начало новой жизни для богатыря или государства. Свадебный пир в былине, выявляющий несовместимость мнимых супругов, приводит к трагедии или восстановлению прежнего брака.

Ключевые слова: фольклорная картина мира; фольклорно-языковая картина мира; былинная картина мира; фольклорный код; «свадебный» код.

The article studies the epic tale picture of the world through the prism of the polysemantic folklore "nuptial" code. The investigation of the epic tale picture of the world is carried out considering the re-coding and re-semanticization of the mythological, ethnographic and historical material. The wedding in the epic tale picture of the world symbolizes the beginning of a new life for the warrior hero ("bogatyр") or the country. A nuptial feast in an epic tale reveals the incompatibility of the alleged spouses, and results in a tragedy or restoration of the previous marriage.

Keywords: folklore picture of the world; folklore linguistic picture of the world; epic tale picture of the world; folklore code; "nuptial code".



Ирина Петровна Черноусова

Доктор филологических наук, доцент
кафедры русского языка и литературы
Института филологии

Липецкий государственный
педагогический университет
ул. Ленина, 42,
Липецк, 398020, Россия

► ira.chernousova2010@yandex.ru

Irina P. Chernousova
Lipetsk State Pedagogical University
ul. Lenina, 42,
Lipetsk, 398020, Russia

Былинная картина мира является разновидностью фольклорно-языковой: идеализированного образа ирреального («параллельного», подобного земному) мира, лежащего в основе мировидения носителей фольклорной традиции. Фольклорная картина мира как перекодированная форма репрезентации традиционной народной культуры представляет собой синтез мифоязыческого и народно-православного мировоззрений. Формирование осуществлялось в результате перекодировки, пересемантизации генетически исходного (мифологического, этнографического и исторического) материала через систему фольклорных кодов путем обобщения, типизации и перевода культурных смыслов на язык поэтической символики [17: 117–126]. Пересемантизация и перекодировка — это художественная трансформация этнографических и исторических фактов, их творческое переосмысление. Среди фольклорных кодов выделяется код, «предполагающий осмысление и презентацию устно-поэтической картины мира в ирреально-переносном, иносказательно-символическом ключе как необычной, чудесной, существующей в пространстве иного, чем земной, мира» [1: 268].

Одна из главных трудностей в изучении фольклорно-языковой, в том числе былинной, картины мира объясняется самим культурным

феноменом фольклора, который «живет на разных стадиях общественного бытия и в различных конкретно-исторических, хозяйственных, социальных, бытовых, культурных условиях» [17: 47]. В связи с этим фольклорно-языковая картина мира отличается многомерностью и многослойностью. Поэтому при ее исследовании необходимо учитывать «1) стадийный (вертикальный) разрез, с одной стороны, и конкретный социально-этнический и культурно-бытовой (горизонтальный)», а также «внутренние качества фольклорной культуры» [Там же]. Известно, что «в фольклоре с появлением нового старое не умирает» [15: 288]. Это объясняется способностью традиции, «имеющей подвижный характер и одновременно обладающей аккумулятивностью — способностью накапливать и гармонически уравновешивать элементы различных временных пластов» [5: 98].

Учитывая эти особенности и прежде всего многостадийность в развитии фольклора, рассмотрим в призме фольклорных кодов былинную картину мира, те ее фрагменты, которые на первый взгляд не вполне соответствуют логике классического эпоса, являются своего рода исключением из правил, ставят исследователей в тупик.

Фольклорные коды как разновидность культурных кодов, представляющих собой используемую для осмысления и означивания реальности знаковую систему, определяют набор фольклорных образов, которые связаны с культурными архетипами и комплексом стереотипов в сознании народа. Эта закодированная информация, скрытая от исследователя, является ключом к пониманию смыслов, заложенных в фольклорном тексте, и позволяет идентифицировать основные характеристики ментальности [18: 85].

Базой эмпирического материала послужили авторитетные собрания русского народного эпоса [3; 10; 13; 14 и др.]: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т.; Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым; Беломорские былины, записанные А. Марковым [3]; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым (под ред. А. Е. Грузинского): В 3 т. [14].

Фольклорный текст, в том числе былинный, является поликодовым явлением, так как соткан из знаков различных культурных кодов. В былинной картине мира можно выделить такие ведущие фольклорные коды, как «змеиный», «свадебный», «разбойничий» и «княжеский», через систему которых осуществлялась пересемантизация генетически исходного материала. Приоритетность этих фольклорных кодов, используемых не только в былине, но и в других фольклорных жанрах, обоснована тем, что они обобщают культурные и мировоззренческие ценности этноса в целом.

В разных фольклорных жанрах один и тот же код может иметь разное значение. Так, например, в сказочной картине мира действие в большинстве случаев заканчивается свадебным пиром, символизирующим противопоставление зыбкости, призрачности сказочного счастья для человека из реального мира вечному благополучию сказочных героев, что выражается финальной формулой: *«Я там (в городе, на пире, на свадьбе) был. Мед/-пиво/-вино пил. По усам (бороде, губам) текло (бежало), в рот не попало (во рту не бывало). На душе сытно и пьяно стало»*. Свадьба в волшебной сказке — завершение одного жизненного этапа и переход в новый, всегда счастливый, период жизни: *«И стали жить-поживать, добра наживать»*. В былинной же картине мира, в отличие от сказочной, отмечается, что не всегда женитьба и новая жизнь для богатыря оказывается удачной, что выражается формулой: *«Всяк(-ий) [(удалый добрый) молодец / черт / дурак на сем свете / веку] (по-)женится, (А / да / только / как) не всякому (удалу добру молодцу) женитьба у-(за-/из-)дается. (Только) уда(ва)лась женитьба Ставру Годиновичу, да Добрынюшке Микитичу»*.

«Свадебный» код характерен для цикла былин о сватовстве («Садко», «Михайло Потык», «Иван Годинович», «Дунай», «Соловей Будимирович»), а также для былины сказочного характера «Добрыня в отъезде и неудавшаяся женитьба Алеши».

Исследование былинной картины мира свидетельствует о полисемантической «свадебного» кода, что подтверждается фольклорно-обрядовыми и художественными источниками.

Так, например, в «Слове о полку Игореве» свадьба служит метафорическим средством описания картины битвы («*Сваты попошиа, а сами полегоша за землю Рускую*»), посмертного обручения героя со славой («*схоти ю на кровать...*»), овладения княжеским столом («*На седьмомъ веке Трояни връже Всеславъ жребий о девицу себе любу*»). В обрядовой песне, входившей в состав скопческого богослужения, свадебный код наделен религиозным смыслом — обручение Бога с церковью (с Сионом): «*Сосватался батюшка на Сион-горе, Женился наш батюшка на Голгоф-горе, Венчался наш батюшка на Святом Кресте*» [4: 339]. В религиозной литературе: в Новом Завете символически описываются отношения между Иисусом Христом и церковью (общиной верующих), как между женихом и невестой. В использовании данного «свадебного» кода церковная традиция опирается на унаследованную от дохристианского периода — религиозно-обрядовую мифологию, где первоначально представлены олицетворенными Небом и Землей [12: 422–423].

В былине «Садко» «правильный» брак героя символизирует возвращение из подземного царства на Святую Русь, в родной Новгород. Садко выбирает из водяных красавиц — дочерей морского царя Чернав(-ушк-)у, олицетворяющую родную новгородскую реку, по собственной догадке или по совету царицы поддонной или Николы Можайского:

В третьей толпе княгиню себе выбери,
Которая идет позади всех,
Поменьше она и почернее всех:
Тогда ты будешь на святой Руси,
Ты увидишь там белый свет,
Увидишь и солнце красное
[14: № 107, 29–30].

Так ты смотри, перво триста девиц ты стадо пропусти,
А ты другое триста девиц ты стадо пропусти,
А как третье триста девиц ты стадо пропусти,
А в том стади на конци на остатнием
А й идет как девица красавица,
А по фамилии как Чернава-то;
Так ты эту Чернаву-то бери в замужество,
А й тогда ты Садке да счастлив будешь.
А й как лягешь спать первой ночи ведь,
А смотри, не твори блуда никакого-то
С той девицей со Чернавою.
Как проснешься тут ты в синем мори,

Так будешь в Нове граде на крутом кряжу,
А о ту о риченку о Чернаву-ту
[13: № 70, 654].

В. Я. Пропп высказал предположение, что в лице дочерей морского царя олицетворены реки [16: 108]. При таком понимании становится ясным, почему правильный выбор невесты спасает Садко и возвращает в Новгород, тогда как избрание любой другой девушки привело бы его к гибели.

В былине «Михайло Потык» «неправильная» женитьба богатыря на иноземке и колдунье, наоборот, приводит его в подземное царство мертвых. Великая заповедь, которую заключает Михайло Потык со своей женой (Марьей или Авдотьей Лиходеевной), содержит требование: в случае смерти одного из супругов другой должен быть похоронен живым вместе с ним. Заповедь о совместном погребении чрезвычайно древняя и восходит к доисторической бытовой действительности, дохристианскому периоду. Такой древнерусский обряд погребения связан с древним верованием в жизнь души после смерти в могиле или загробном мире. Указание на существование у древнерусского человека представления о продолжении супружеской жизни в загробном мире мы усматриваем и в былине, но в фольклоре этот обычай осужден и рассматривается как варварский [Там же: 116]. В. И. Еремина, сопоставляя этот эпизод с обрядовым соумиранием жены и мужа, которое понималось как «вторичное вступление в брак через смерть», отмеченные несоответствия былины обрядовой практике (следование мужа за женой, вынужденный и временный характер пребывания Потыка в могиле, главная цель супруга — вернуть жену) объясняет неотчетливостью обрядовых представлений у создателей былины: «Былинный мотив возник на стадии, когда данный обряд бытовал в одной из своих пережиточных форм, точнее, на стадии, когда происходила символизация обрядовых представлений со всевозможными заменами» [11: 71–77]. Б. Н. Путилов же считает, что здесь дело не в состоянии обряда, в былине произошла «решительная пересемантизация» обрядовых устоев: жена богатыря (волшебница — предста-

вительница враждебного герою мира), предлагая ему такую заповедь, имеет целью увлечь Потыка в подземное царство и там погубить его. Заповедь о «соумирании» представлена как вероломный замысел волшебницы в отношении доверчивого Потыка [17: 133].

Для Ивана Годиновича свадьба — година (о чем свидетельствует его говорящее отчество), трудный период в жизни, испытание нравственных качеств богатыря. Богатырь, выбравший себе в жены и насильно увезший иноземку Авдотью (Настасью), принадлежавшую стану враждебного Киеву и Руси государства, которая изменяет ему с врагом Русской земли Вахрамеем и во время боя оказывает помощь сопернику, доведен до полного позора. Его подвиг состоит в том, что в последний момент он проявляет силу воли и, освободившись от своих пут различными способами, в том числе и с помощью заговора стрелы, осуществляет право супружеской кары.

Если в былинах «Михайло Потык» и «Иван Годинович» несовместимость мнимых сюжетных обнаруживалась после брака, то в былинах «Дунай» она выявляется на свадебном пиру, что приводит к трагедии. Дунай, нарушив правила поведения на свадебном пиру, существующие в эпическом мире, хвастает тем, что он лучший стрелец («*Что нет против меня во Киеве такова стрельца Из туга лука по приметам стрелять!*» [10: 77]), или тем, что нет его сильнее и храбрее, а также своим подвигом и своей женой («*женился и Владимира женил*»). «Такая похвальба показывает, что Дунай, несмотря на удачу своего предприятия, не переродился в подлинного героя, которому было бы место среди киевских богатырей» [16: 151–152]. На похвальбу Дуная отзывается его жена. Смысл ее реплики состоит в том, что она сравнивает его с другими богатырями и даже с собой, так как она сама богатырка и поленица и знает подлинную цену Дуная. Что именно жена, а не кто-нибудь из богатырей избличает Дуная, В. Я. Пропп признает художественно очень удачным [Там же: 152]. Богатыри не должны сами говорить о своем превосходстве. Трагический конфликт, по мнению В. Г. Белинского, вызван хвастливостью Дуная и его пристрастием к вину [2:

369]. Но не только строптивостью и хвастовством Дуная на пьяном пиру можно объяснить совершившуюся трагедию.

Рассмотрев этот эпизод в призме «свадебного» кода, мы можем вскрыть причины состязания Дуная с женой в меткости стрельбы из лука, используя в качестве мишени кольцо на голове. У этого мотива есть этнографические корни, и обнаруживаемая параллель высвечивает скрытый подтекст конфликта между Дунаем и его женой — богатыркой. Стрельба сквозь перстень составляла одно из брачных испытаний. Б. Н. Путилов рассматривает этот эпизод в былинах как запоздалое испытание жениха, притом второе, чтобы обнаружить неправомěrность брака, его «незаконность», основанные на глубинном противостоянии брачащихся, их несовместимости [17: 125]. Несовместимость мнимых супругов выражается в том, что женщина заявляет о себе как равной мужу-богатырю и готова состязаться с ним в стрельбе. Ее богатырство исключает возможность нормального брака. Согласно эпическим понятиям, богатырка, став женой, должна служить мужу, родить ему богатыря, хранить домашний очаг, при этом она теряет ту силу, которой обладала будучи богатыркой. Настасья нарушает свой долг, вспоминая о прежнем своем богатырстве. В этом кроется более глубокий смысл трагедии, когда гибнут все ее участники.

В сюжете «муж на свадьбе своей жены» («Добрыня в отъезде и неудавшаяся женитьба Алеши») свадебный пир — восстановление прежнего брака и осуждение брака обманным путем на замужней женщине. В конце былины сам Алеша понимает неправомěrность таких действий:

Как кленется Олешка, проклинается:
— А будет трою проклят на веку тот был,
Кто станет будет эдак-то жениться,
От живого мужа жена отлучать
[13: № 49, 449].

В отличие от былин «Михайло Потык», «Иван Годинович», «Дунай», где сватовство связано с героическими подвигами и приключениями богатырей, былина о Соловье Будимировиче носит реально-исторический характер, хотя ис-

торические события в ней пересемантизированы и перекодированы в соответствии с фольклорным кодом.

Эта былина считается самой поэтической и в то же время странным исключением из былин о сватовстве, потому что «счастливый брак не может быть предметом эпоса в Киевской Руси, как недостаточно высокий и значительный предмет для воспевания» [16: 168]. В былине «Соловей Будимирович» воспето сватовство «заморского гостя» к племяннице князя Владимира Забаве Путятичне. Наперекор русской эпической традиции, в которой «женихи невест себе не ищут: герою невесту предлагают» [Там же: 178], «героем этой песни является не только жених, ищущий себе невесту, но и невеста, ожидающая для себя жениха» [Там же: 169].

С. В. Горюнков выдвигает гипотезу, согласно которой сватовство в былине «Соловей Будимирович» — метафорическое обозначение исторического события наивысшей общественной значимости — языческой реформы 980 года [8: 76], но полностью переосмысленного и перекодированного в былинной картине мира. В связи с этим предположением исследователь проводит параллели: св. Владимир осуществил реформу в 980 году сразу же по возвращении «из-за моря», то есть оттуда же, откуда прибывают на Русь Соловей Будимирович (в былине) и Рюрик (в летописи) [Там же: 89].

По его мнению, главная героиня былины *Забав Путятична* олицетворяет принявший «языческое крещение» народ [Там же: 76]. В имени главного героя былины *Соловей* можно отметить наложение нескольких смыслов: *соловей* — жених (связано с символикой свадебного обряда и свадебной поэзии), и жрец (в Иоакимовской летописи *сладкоречия ради нареченный Соловьем*), и строитель трех чудесных теремов с художественной отделкой на астральную тематику: «*На небе солнце — и в тереме солнце, На небе месяц — и в тереме месяц, На небе звезды — и в тереме звезды, На небе заря — и в тереме заря, И вся красота поднебесная*» [10: № 1, 12–13]. К этим смыслам добавляется значение говорящего отчества *Будимирович* — тот, который способствовал

пробуждению невесты — Руси к принятию новой веры, следовательно, и к новой жизни.

Исследователи рассматривают постройку терема как иносказательное сватовство на племяннице князя. В. Я. Пропп считает, что постройка терема в былине восходит не к свадебной поэзии, а «к древней русской эпической традиции, а именно к испытанию жениха в эпической поэзии. Постройка терема есть один из рудиментов такого испытания» [16: 176]. В отличие от сказки, где постройка дворца входит в состав трудных задач, задаваемых жениху, в былине «герой выстраивает чудесный златоверхий терем или дворец по собственному почину — чтобы поразить невесту, прельстить ее, обратить на себя внимание, показать свое молодечество» [Там же]. С. В. Горюнков высказал мнение, что златоверхие терема в былине являются иносказательным названием языческих храмов [8: 79]. Просьба разрешить выстроить три терема златоверхих помогает понять причину отказа Соловья Будимировича от награды.

— А й млад Соловей да сын Будимирович!
 А чим-то мне-ка тебя жаловати
 А за эти подарочки великии?
 Города ли тебе надо с пригородками,
 Аль села ли тебе надо е с присёлками,
 Али много наб бесчетной золотой казны?
 Да он говорит промолвит таково слово:
 — Да ай же князь да стольне-киевской!
 А не наб мне городов с пригородками,
 Да не наб мне-ка сел да с присёлками,
 А не наб-то мни бесчетной золотой казны,
 А у меня да своей есте долюби.
 А столько ты мне позволь-ко ещѣ
 А поставить построить мне-ка три терема,
 А три терема мне златоверхиих,
 Среди города да среди Киева,
 А гди маленьки ребятка да сайки продают,
 А гди сайки продают да гди барышничают.
 А говорит, промолвит таково слово
 Ино тот ли князь да стольно-киевской:
 — Ах ты млад Соловей да сын Будимирович!
 Куды знаешь туды ставь-ко еше,
 А за эти подарочки за великии
 [13: № 53, 495–497].

Фольклорный мотив трех теремов восходит к специфике храмовой архитектуры, включающей в себя три части (алтарь — место хранения главных святынь и ценностей, основное помеще-

ние для молящихся, притвор, в который может входить и трапезная). Сравните: в былинной картине мира в первом тереме обычно молится матушка Соловья, во втором лежит его золотая казна, в третьем пирует и играет на гусях Соловей Будимирович.

Место установления теремов в былинке: в саду (в вишене-орешенье) Забавы или князя, что связано со свадебной обрядностью [6: 67–68], посреди Киева, на горке, во всех случаях к городу и горке добавляется замечание: на торговой площади, выраженная формулой: «Где женки и бабы блины (сайки) продают, А малые ребята барышничают». Известно, что «когда Владимир ввел христианство как государственную религию и учредил высшее церковное управление — митрополию», то «для нового митрополичьего храма было выбрано центральное место у Бабина торгога» [9: 84]. Именно там «удачно поставили Десятинную церковь — храм во имя Успения Богоматери» [Там же: 88].

Забаву Путятична, ослепленная блеском теремов, богатством Соловья и его красотой, забывает об условностях и приличиях древнерусской свадебной обрядности и сама предлагает себя в жены. Необычность ее поведения (самопросватанье) с точки зрения свадебного ритуала является нарушением традиционных моральных норм:

— Ты молодец есть холост не женат,
Я красна девица на выдаваньи.
Говорит Соловей сын Будимирович:
«Всім ты мне девица прилюбиласе.
Одним ты мне девица не слюбиласе,
Сама себя за муж просватываёшь»
[13: № 208, 66].

В самопросватанье («сама просваталась») заключен глубинный архетип самости («сами крестились»), самостоятельного выбора веры, что нашло отражение и в русской историографической мысли XIX в.: «Владимир решил принять христианство сам собой, без всякого чьего-нибудь посредства, участия и содействия» [7: 120]. Самопросватанье Забавы происходит по причине ее восхищенности, ослепленности блеском теремов. Этот же мотив «восхищенности-ослепленности» является определяющим и в летописном рассказе о принятии христианства.

Самостоятельный выбор веры и восхищенность выбранной верой относятся к двум религиозным реформам 980 и 988 гг.

Итак, изучение былинной картины мира с опорой на мифологический, этнографический и исторический материал, рассматриваемый в призме фольклорных кодов и с учетом перекодировки, пересемантизации этого материала путем перевода традиционных культурных смыслов на язык поэтической символики, свидетельствует о полисемантической «свадебного» кода. Свадьба в былинной картине мира имеет несколько значений, но во всех случаях символизирует начало новой жизни: новая жизнь в ином мире (возвращение из подземного царства или, наоборот, уход в него), новый трудный период (годину) в жизни богатыря, новый период в жизни государства (принятие христианства на Руси). А свадебный пир в былинке, в отличие от сказки, выявляет несовместимость мнимых супругов, что приводит к трагедии или восстановлению прежнего брака.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артеменко Е. Б. Миф — фольклор: аспект модальности в его концептуальной и языковой презентации // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения: сб. ст. Матер. науч. региональной конф. 2012 г. / ВГУ (Афанасьевский сб.: матер. и исследования. Вып. XII). Воронеж, 2012. С. 262–280.
2. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.; Л., 1954. Т. 5.
3. Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901.
4. Булаев Ф. И. О литературе. Исследования. Статьи. М., 1990.
5. Венгранович М. А. Традиционность как базовая стилевая черта фольклорного текста // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. научн. тр. / Под ред. проф. М. П. Котюровой. Вып. 7. Пермь, 2004. С. 96–110.
6. Веселовский В. Н. Южно-русские былины. Приложение к XXXIX тому Записок Императорской Академии наук. СПб., 1881, № 5.
7. Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1997. Т. I.
8. Горюнков С. В. Незнакомая Древняя Русь, или Как изучать язык былин. 2-е изд. СПб., 2010.
9. Древнерусское градостроительство X–XV веков / Под общ. ред. Н. Ф. Гуляницкого. М., 1993.
10. КД — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.; Л., 1958.
11. Еремينا В. И. Обряд соумирания в фольклорной и литературной традиции // Русский фольклор. Т. XXV. Л., 1989. С. 71–85.
12. Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М., 1980. Т. 2.
13. Г. — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т. 4-е изд. М.; Л., 1949–1951.

14. Р. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Под ред. А. Е. Грузинского: В 3 т. 2-е изд. М., 1909–1910.

15. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

16. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1958.

17. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994.

18. Черноусова И. П. Былинная картина мира в призме фольклорных кодов (на примере «княжеского» кода) // Первые Щеулинские чтения: Матер. Всерос. научн. конф. с междунар. участием, посвященной памяти д-ра филол. наук, проф. Василия Васильевича Щеулина (Липецк, 25 марта 2016 года). Липецк, 2016. Ч. 2. С. 84–93.

REFERENCES

1. Artemenko E. B. (2012) Mif — fol'klor: aspekt modal'nosti v ego kontseptual'noi i iazykovoii prezentatsii. In: Afanaševskii sbornik: materialy i issledovaniia, issue 12. Voronezh, p. 262–280. (in Russian)

2. Belinskii V. G. (1954) Polnoe sobranie sochinenii, vol. 5. Moscow; Leningrad. (in Russian)

3. Belomorskie byliny, zapisannye A. Markovym. (1901) Moscow. (in Russian)

4. Buslaev F. I. (1990) O literature. Issledovaniia. Stat'i. Moscow. (in Russian)

5. Vengranovich M. A. (2004) Traditsionnost' kak bazovaia stilevaia cherta fol'klornogo teksta. In: Kotiurova M. P., ed. (2004) Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste: mezhdunarodskii sbornik nauchnykh trudov, issue 7. Perm, p. 96–110. (in Russian)

6. Veselovskii V. N. (1881) Iuzhno-russkie byliny. Prilozhenie k XXXIX tomu Zapiskov Imperatorskoi Akademii nauk, no. 5 St. Petersburg. (in Russian)

7. Golubinskii E. E. (1997) Istoriia russkoi tserkvi, vol. 1. Moscow. (in Russian)

8. Goriunkov S. V. (2010) Neznakomaia Drevniaia Rus', ili Kak izuchat' iazyk bylin. 2nd ed. St. Petersburg (in Russian)

9. N. F. Gulianitskii, ed. (1993) Drevnerusskoe gradostroitel'stvo X–XV vekov. Moscow. (in Russian)

10. Drevnie rossiiskie stikhovvoreniia, sobrannye Kirshieu Danilovym (1958). Moscow; Leningrad. (in Russian)

11. Eremina V. I. (1989) Obriad soumiraniia v fol'klornoii i literaturnoi traditsii. In: Russkii fol'klor, vol. 25. Leningrad, p. 71–85. (in Russian)

12. Tokarev S. A., ed. (1980) Mify narodov mira: Entsiklopediia, in 2 vols., vol. 2. Moscow. (in Russian)

13. Onezhskie byliny, zapisannye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 goda, in 3 vols, 4th ed. (1949–1951) Moscow; Leningrad. (in Russian)

14. Pесni, sobrannye P. N. Rybnikovym (pod red. A. E. Gruzinskogo), in 3 vols. 2nd ed. (1909–1910) Moscow. (in Russian)

15. Propp V. Ia. (1986) Istoricheskie korni volshebnoi skazki. Leningrad. (in Russian)

16. Propp V. Ia. (1958) Russkii geroicheski epos. Moscow. (in Russian)

17. Putilov B. N. (1994) Fol'klor i narodnaia kul'tura. St. Petersburg. (in Russian)

18. Chernousova I. P. (2016) Bylinnaia kartina mira v prizme fol'klornykh kodov (na primere «kniashcheskogo» koda). In: Pervye Shcheulinskie chteniia: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posviashchennoi pamiati doktora filologicheskikh nauk, professora Vasiliia Vasil'evicha Shcheulina (Lipetsk, 25 marta 2016 goda). Lipetsk, part 2, p. 84–93. (in Russian)

[хроника]

XXXVII АПРЕЛЬСКИЕ ЧТЕНИЯ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СПбГУ

(Начало на с. 10, 18, 25, 36)

баи)» на материале русской лирики XX века было показано, как метрическая и строфическая форма «подсказывает» современному автору, какие именно смыслы и ассоциации имманентно заложены в ней. Е. М. Матвеев (ИЛИ, СПбГУ) представил риторический анализ стихотворения Г. Иванова «Свободен путь под Фермопилами...», которое являет собой пример «центонной» поэтики. В докладе Р. Л. Шмараква (НИУ ВШЭ СПб.) «Горацианский центон М. Н. Муравьева: стихотворение „К Хемнице“» предметом рассмотрения стала рецепция поэзии древнеримского автора в юношеском произведении Муравьева. С. И. Монахов (СПбГУ), отталкиваясь от наблюдений над особенностями ритмической организации стихотворения А. А. Блока «Осенняя воля», поставил вопрос о необходимости скорректировать подход к изучению проблемы семантического ореола размера и предложил вместо попыток обнаружить в текстах, написанных одинаковыми размерами, один или несколько устойчивых мотивов, определять наличие или отсутствие связи между конкретной лирической темой и ритмическим строением текста.

Доклады двух участников семинара были объединены вопросом о функциях русского интертекста у иностранных авторов. А. И. Жеребин (РГПУ) представил интерпретацию ранней новеллы Т. Манна «Тонио Крегер»

(1903) в смысловом пространстве символистской философии жизнотворчества и в связи с темой возврата к религиозным корням гуманистической культуры, которую немецкие поэты и философы начала XX века формулировали под влиянием русской мысли. Б. М. Гаспаров (Колумбийский университет) посвятил свое выступление антисоциалистическому роману американской писательницы Айн Рэнд «Источник» (1943). Один из его персонажей исповедует идеалы, отражающие влияние толстовства и Вл. Соловьева, другой парадоксально близок героям соцреализма. При этом в произведении на поверхность выступает сродство нищестанства, в особенности в его популистском воплощении (Горький, революционная идеология начала века), с советским моральным и эстетическим каноном.

Работа семинара, объединившего ученых, диапазон интересов которых простирается от древнерусской словесности до литературы XX века и от традиционной риторической топки до современных интермедийных и гипертекстовых форм межтекстового взаимодействия, была чрезвычайно плодотворной и позволила представить сегодняшнее состояние интертекстуальных исследований в отечественной и зарубежной русистике.

А. А. Карпов, Е. А. Филонов, СПбГУ

НЕКОТОРЫЕ ЭТАЛОНЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ КОНЦЕПТА «УДАЧА / НЕУДАЧА» В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

SHI YAN

SOME ETALONS IN THE REPRESENTATION OF THE CONCEPT
OF FORTUNE / MISFORTUNE IN RUSSIAN PROVERBS

Пословицы опосредованно — с помощью целого ряда используемых стереотипов и эталонов — передают представление народа об окружающем мире, об отдельных его фрагментах. В данном исследовании рассматриваются являющиеся результатом сравнения паремии, представляющие концепт «удача/ неудача» в различных его вербальных реализациях. Делается попытка выявить особенности символического значения использованных в паремиях эталонов.

Ключевые слова: пословица; удача; неудача; концепт; лингвокультура.

The author asserts that the proverbs convey the people's perception of the world and its fragments, doing it indirectly with the help of stereotypes and etalons. The article compares the proverbs, representing the concept of fortune / misfortune in different verbal realizations, attempting to detect specific features of the symbolic meanings in the etalons.

Keywords: proverb; fortune; misfortune; concept; linguoculture.

**Ши Янь**

Аспирант кафедры русского языка
как иностранного и методики
его преподавания

Санкт-Петербургский
государственный университет

Университетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

► shiyicheng7@gmail.com

Shi Yan

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034 Russia

Научный руководитель:
д-р филол. наук,
проф. Е. И. Селиверстова

Лингвокультурологическое направление активно разрабатывается в современной науке, поскольку предоставляет исследователям большие возможности для наблюдения за вербализованными знаниями о мире — знаниями, которые свидетельствуют об образе мышления носителей отдельных языков, их привычках и традициях, укладе жизни.

В русле этого направления обращение к пословицам представляется особенно плодотворным, поскольку из пословичного фонда языка можно черпать сведения об образах-эталонах, которые становятся символическими стереотипами, отражающими различные «сгустки культуры в сознании человека» [3: 42].

Обращение к образным эталонам, с которыми ассоциируется то или иное представление о предметах окружающего мира, раскрывает некоторые законы используемой говорящими логики, особенности национального видения мира, характер образно-ассоциативных связей.

Паремиологических единиц (ПЕ) о везении, удаче, т. е. о благоприятном стечении обстоятельств, и о неудачах в русских паремиологических источниках* достаточно много, поскольку человеку свойственно уповать на благополучный исход любого дела, удачное стечение обстоятельств; ср.: *Удача — брага, а неудача — квас; Кому пироги да пышки, а нам желваки да шишки*. Не случайно русские люди любят полагаться на *авось* — будто бы управляющий событиями в мире фактор, на который рассчитывают русские люди, предпринимая рискованные шаги [1: 369].

В данном случае мы обратимся к русским паремиям, репрезентирующим концепт «удача/неудача» и содержащим некие эталоны, относительно которых выявляется представление о везении, счастье. Наш материал составляют ПЕ, связанные с представлением об удаче и неудаче, вербализованным разными компонентами: *счастье, талант, несчастье (бессчастье), беда, рок* и др.

Эталоны, используемые в представлении концептов «удача/неудача», наиболее ярко и явно выступают в ПЕ, построенных с использованием сравнения «А как/ словно/ подобно Б» или «А похоже на Б» — иногда с последующим комментарием (*Счастливы — что калач в меду; Жизнь как луна: то полная, то на ущербе*), а также отрицательного сравнения «А не Б», позволяющего подчеркнуть несходство между двумя объектами: *Счастье — не лошадь: не везет по прямой дорожке; Талант не туман — не мимо идет*. Подобные выражения со структурой отрицательного сравнения З. К. Тарлановым названы отрицательными предложениями тождества [4: 154]. Им свойственна традиционная структурно-логическая форма и специфика формирования семантики паремии как целого. Однако мы учитываем и те ПЕ, в которых формально сравнительный союз отсутствует, но все изречение является выводом из наблюдаемого сходства или различия, найденного между двумя явлениями в результате сравнения.

Одна из популярных в паремике культурных установок — (1) **идея непостоянства удачи, ее переменчивости**. Здесь на первый план выступают ПЕ, построенные по модели классического пословичного сравнения, например: *Жизнь как луна: то полная, то на ущербе. На ущербе — 'на сходе, на спаде'*. Само сравнение жизни с луной не представляется конкретным и не приводит к каким-либо выводам относительно признака, по которому они сопоставляются — *круглая, далекая, таинственная?* Но поясняющая часть раскрывает смысл целого. Для луны понятия *полная* и *на ущербе* являются противопоставленными: *полная луна* наблюдается в полнолуние, «когда Луна обращена к Земле своей освещенной стороной и имеет вид диска» [ТСК: 1151]. *На ущербе* — вид, положение, при котором луна кажется

уменьшающейся, серп луны' (МАС; <http://enc-dic.com/academic/Uscherb-69432.html>). Полная луна и в народных сонниках трактуется как счастливое предсказание, позволяющее ожидать позитивных событий, а ее признак изменчивости распространяется носителями русского языка на жизнь в целом. Парный союз *то...то...*, выражающий несовместимость, также указывает на переменчивость, непостоянство.

Эта пословица перекликается с другими ПЕ, реализующими идею непостоянства удачи. Сравните паремии об удаче, но без элемента сравнения: *Временем в горку, а временем в норку; Везет в картах, не везет в любви*. Семантика ненадежности удачи представлена и в ПЕ с опущенным сравнительным союзом — *Счастье — вешнее ведро. Ведро* — 'ясная, тихая, сухая погода' (ТСОШ: 357), т. е. счастье (удача) так же редко случается и так же ненадежно и преходяще, как хорошая погода весной. Компонент *вешний* усиливает сему ненадежности в звучании пословицы, как и в иной ПЕ: *Вешний ледок, что чужой избы порог* — 'ненадежен'. Весна с ее неустоявшейся погодой отразилась и в других ПЕ, ср.: *Пришел март — надевай двое портков*.

На возможность смены удачи неудачей, как и хорошей погоды — плохой, указывает и содержащая сравнение ПЕ **Счастье с бессчастьем** — как *ведро с ненастьем*. (ср.: *Счастье с бессчастьем на одних санях ездят*) Этот паремийный фрагмент — *ведро с ненастьем*, указывающий на несовместимость противоположностей, — входит и в состав иных народных изречений: *Сей в ненастье, а убирай в ведро* (о проведении сева и уборки урожая). *То и счастье, что одному ведро, а другому ненастье* — 'Счастье, везение у каждого своё', 'Одному везет, другому — нет'. В ПЕ об удаче и неудаче немало паремий, основанных на паре антонимических компонентов, например: *Недоля пудами, доля золотниками; Где нет доли, тут и счастье невелико*.

Пословицу *Наше счастье — вода в бредне*, вербализующую идею **временности и быстротечности, моментальности** (2) удачи, мы также рассматриваем как содержащую сравнение, тем более что в текстах она встречается и со сравни-

тельным союзом, например, у И. Бунина: «Счастье наше, дружок, как вода в бредне. Тянешь — надуться, а вытащишь — ничего нету». Это вариант ПЕ *Людское счастье что вода в бредне. Бредень* — ‘Небольшой невод, прикрепленный верёвками к двум шестам, которым ловят рыбу в мелководных местах, идя вброд’ (ТСОШ: 137). В ПЕ речь идет о том, что удача быстро мелькнёт, пройдет — как пройдет вода сквозь сетку, — и его больше не вернуть. Мотив ускользающей воды встречается и в других народных выражениях: *носить воду решетом*, (уходить) *как вода сквозь* и др.

О ненадежности, непостоянстве везения, удачи говорят и иные ПЕ: *Кто бывал на коне, тот бывал и под конем*; *Счастье мать, счастье мачеха, счастье бешеный волк*. Последняя поговорка особенно интересна: в ней, кроме двух противопоставленных по значению компонентов, весьма типичных для русских поговорок — *мать и мачеха*, — есть еще и третий компонент, усиленный определением *бешеный*. Позитивная степень — когда счастье к человеку как мать (‘близко, рядом’; ‘помогает’), негативная сторона — счастье к человеку как мачеха (‘не любит’, ‘сторонится’), а *бешеный волк* — указывает на крайнюю степень несовместимости человека и его счастья, т. е. речь идет о невезении.

Использование отдельных компонентов ПЕ в переносных значениях свидетельствует о некотором соотношении, связи понятий, одно из которых в тексте поговорки названо, а второе остается за ее пределами и только мыслится говорящими.

В поговорке *Мой талан съел баран* удача иронически соотносится с чем-то, что может легко быть «съедено», уничтожено вполне безобидным животным — как, например, трава. Подобные выражения указывают на непостоянство, временность, даже хрупкость удачи.

Для народного сознания характерно и представление о **невозможности (3) контролировать удачу, управлять ею, распоряжаться по своему усмотрению**, передаваемое посредством таких образов: *Счастье не конь (не кляча): хомута не наденешь (не взнуздаешь)*; *Счастье не батрак: за вихор не притянешь*; *Счастье не лошадь: не везет*

по прямой дорожке; Счастье, что трясье: на кого захочет, на того и нападёт; *трясье* — ‘лихорадка, лихорадочное состояние’ (ТСД: 912); *Счастье вольная пташка: где захотела, там и села*. Это общее звучание лингвокультурной установки, которая может быть конкретизирована.

Упоминание *хомута*, который надевают на лошадь, чтобы управлять ею — отсюда и вариантный компонент (глагол *взнуздывать*) — акцентирует семантический момент «невозможность управлять, подчинять». С другой стороны, это изречение вступает в противоречие с иной, весьма оптимистичной поговоркой: *Удача — кляча: садись да скачи*. Следует отметить, что образ лошади в качестве эталона — один из частотных в пословицах об удаче и неудаче; ср. также: *Счастье в оглобли не впряжешь*.

Притянуть за вихор батрака — значит, иметь право или возможность спросить с него и даже наказать, чего нельзя сделать со счастьем и удачей.

Счастье не лошадь: не везет по прямой дорожке можно понимать так: удача переменчива и непостоянна и, во-вторых, отличается от того понимания удачи на жизненном пути, который человек себе вообразил. Ср.: ПЕ о переменчивости жизненного пути: *Не все дорога скатертью, бывают и перебоинки* (‘неприятные перемены, исключения’).

Пословица с образом лихорадки *Счастье, что трясье: на кого захочет, на того и нападёт* и ПЕ *Счастье вольная пташка: где захотела, там и села* реализуют идею случайности удачи — кому повезет. Олицетворение образа счастья позволяет представить именно его совершающим выбор, кого оделить счастьем и удачей; согласно пословицам, этот выбор не даётся человеку.

Счастье обманчиво и преходяще, оно недолговечно — так говорится об этом в поговорке *Счастье что волк: обманет, да в лес уйдёт*.

Счастье нельзя унаследовать, оно не передается в роду от старшего к младшему: *Счастье не дворянство, не родом ведется*.

Мы ограничились на данном этапе лишь частью имеющихся в нашем распоряжении пословиц. Тем не менее проделанный анализ позво-

ляет, как нам кажется, увидеть, что представление о счастье/ несчастье и удаче/ неудаче реализуется в паремике целым рядом образов-эталонов, связывающих абстрактное представление о везении и невезении с конкретными предметами и явлениями действительности.

Счастье (удача, талант и т. д.) в народном сознании весьма многогранно: оно представляется своеобразным, недолговечным, случайным, изменчивым, обманчивым, неуправляемым — хотя и управляемым тоже, поскольку в паремике нередко наблюдается амбивалентность используемого эталона.

ПРИМЕЧАНИЕ

* В настоящем исследовании мы опираемся на материал, полученный в результате выборки из «Большого словаря русских пословиц» [2].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1983.
2. ТСД — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2002.
3. ТСК — *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000.

4. ТСОШ — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2007.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на матер. русской грамматики). М., 1997.
2. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М., 2007.
3. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М., 2004. С. 42–67.
4. *Тарланов З. К.* Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск, 1999.

REFERENCES

1. Bulygina T. V., Shmelev A. D. (1997) Iazykovaia kontseptualizatsiia mira (na materiale russkoi grammatiki). Moscow. (in Russian)
2. Dal' V. I. (2002) Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka, in 4 vols. Moscow. (in Russian)
3. Kuznetsov S. A. (2000) Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka. St. Petersburg. (in Russian)
4. Mokienko V. M., Nikitina T. G. (2007) Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok. Moscow. (in Russian)
5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. (2007) Tolkovyi slovar' russkogo iazyka. Moscow. (in Russian)
6. Evgen'eva A. P. (1983) Slovar' russkogo iazyka, in 4 vols. 2nd ed. Moscow. (in Russian)
7. Stepanov Iu. S. (2004) Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury, 3rd ed. Moscow, p. 42–67. (in Russian)
8. Tarlanov Z. K. (1999) Russkie poslovitsy: sintaksis i poetika. Petrozavodsk. (in Russian)

[хроника]

НЕДЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ВО ВЬЕТНАМЕ

(Окончание на с. 94)

RUSSIAN LANGUAGE WEEK IN VIETNAM

С 5 по 12 июня 2016 года в г. Ханое (Вьетнам) проходила «Неделя русского языка во Вьетнаме», организованная Российским центром науки и культуры. В состав российской делегации входили представители Института русского языка и культуры МГУ им. М. В. Ломоносова, Института государственной службы и управления — РАНХ и ГС при Президенте России, Калмыцкого государственного университета, Казанского федерального университета, Иркутского технического университета, Санкт-Петербургского Политехнического университета им. Петра Великого.

В рамках этого мероприятия российскими преподавателями были проведены методические семинары, открытые уроки и мастер-классы в Ханое и в других городах Вьетнама. На семинарах обсуждались актуальные вопросы теории и практики преподавания РКИ.

Особый интерес слушателей (преподаватели школ и вузов Вьетнама, переводчики, филологи) вызвали проблемы обучения разговорной речи, обусловленные спецификой местной учебной аудитории. Проведенные встречи показали высокую востребованность новых методических разработок по обучению разговорной речи для уровней А2–В1, направленных на повышение мотивации изучения языка. Об этом

говорят предложенные вьетнамскими коллегами темы для дискуссий и мастер-классов: «Как оптимизировать и интенсифицировать общение на русском языке в учебной аудитории»; «Игровая деятельность на уроке»; «Методические приемы работы с информацией при чтении и аудировании»; «Методические приемы работы с информацией при говорении и письме»; «Письменный и речевой этикет»; «Речевые ситуации в обучении спонтанной речи»; «Новое в теории и практике преподавания РКИ. Актуальные направления и перспективы».

Основной проблемой на занятиях по русскому языку, по мнению вьетнамских коллег, является формирование речевых умений, организация занятий по продуктивным видам речевой деятельности. Ограниченное количество часов, большая аудитория (классы по 20–30 человек), национальная специфика учащихся (стеснительность), низкая мотивация — все это приводит к пассивному усвоению языкового материала. В связи с этим обсуждались вопросы о формах организации занятий по разговорной речи в указанных условиях, методах работы с большой аудиторией, видах самостоятельной работы учащихся. Кроме этого говорили и о содержании обучения разговорной речи, о речевых си-

ПОСЛОВИЧНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМОГО СМЫСЛА «ХОЗЯИН, ПРИНИМАЮЩИЙ ГОСТЕЙ» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

YUAN LIYING

THE PROVERBIAL REPRESENTATION OF THE CULTURALLY VALUABLE MEANING
OF "THE HOST RECEIVING VISITORS" IN RUSSIAN AND CHINESE

Пословицы аккумулируют неписанные правила и культурно-маркированные модели поведения человека в обществе, дают им оценку и представляют тем самым ценный материал для наблюдений за универсальным и национально-специфическим в разных культурах. В статье рассматриваются лингвокультурологические установки русских, репрезентирующие концепт «Хозяин, принимающий гостей», на фоне китайского языка. Это позволяет увидеть ощутимое сходство установок, представляющих концептуальное поле в двух языках, но также и весьма яркое его своеобразие в каждой из культур.

Ключевые слова: пословица; лингвокультура; хозяин; русский и китайский языки.

The author asserts that the proverbs accumulate unwritten rules and culturally motivated models of behavior in society, giving them evaluations; they represent a valuable material for observations of universal and national features of different cultures. This paper is devoted to linguocultural presuppositions of Russian proverbs about the "The Host Receiving Visitors", perceived by Chinese speakers, and discloses the differences and similarities between two cultures.

Keywords: proverb; linguoculture; host; Russian and Chinese proverbs.

**Юань Лиин**

Аспирант кафедры русского языка
как иностранного и методики
его преподавания

Санкт-Петербургский
государственный университет

Университетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

► yeliannayuan@yandex.com

Yuan Liying

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034 Russia

Научный руководитель:
д-р филол. наук,
проф. Е. И. Селиверстова

Пословицы — единицы, вполне оправданно привлекающие в последнее время все большее внимание ученых, являясь ярким кодом культуры как в отношении выражаемой паремией семантики, так и в аспекте наименований реалий, используемых в выражении-прототипе.

Для нас представляется весьма важной способность пословичных единиц (ПЕ) отражать народный взгляд на разные стороны жизни человека, фиксировать совокупность мнений, выработанных определенной лингвокультурной общностью. Эта черта дает возможность обращаться к ПЕ как единицам, фиксирующим одобряемые или порицаемые черты характера и модели поведения человека в обществе, моральные и аморальные качества и поведение [2; 3; 4; 6 и др.]. Действительно, в ПЕ нет ни одной идеи, вытекающей из представленной жизненной ситуации, которая не получила бы в народной философии и народном своде правил поведения предварительной оценки в категориях поощряемого или неодобряемого.

С давних пор люди приглашают гостей и ходят в гости. Это один из традиционных способов общения, поддерживающий контакты, но также возможность порадовать близких людей вкусной едой и приятной беседой Быть радушным хозяином — одно из требований этикета,

что отразилось в ПЕ *Гость в дом — радость в дом; Доброму гостю хозяин рад; Кто в гости не ездит, к себе не зовет, тот недобрый слывет*¹ и т. д.

Китайцы также придают большое значение приему гостей. Так, в книге Лунь Юй «Беседы и суждения» мы находим такие выражения: 货物是草, 客是宝。(Трава — товар, а гость — драгоценность), где трава значит 'дешевая' — в противопоставление дорогому гостю.

В русских ПЕ представлен целый свод правил, сложившихся в национальной традиции и отмечающих подобающее и порицаемое поведение гостей и отношение к гостям хозяина. Покажем на некоторых примерах, как отражается в ПЕ культура приема гостей, какие лингвокультуремы² представляют концептуальное поле «хозяин, принимающий гостей», какова общность в видении этой важной ситуации русскими и китайцами.

1. Обобщенная идея **«Хозяин должен встречать (принимать) гостей тепло, радушно»** отразилась в ПЕ *Хозяин весел, и гости радостны (довольны); Умел в гости звать, умей и встречать.*

2. В китайских ПЕ акцентируется **важность проявления в отношении гостя воспитанности, вежливости**: 笑脸聚得天边客。(Улыбающееся лицо может привлечь и гостя издалека). Интересен прием указания на важность достойного приема гостей через образ смиренной собаки или склонённой перед гостем палки: 狗不咬上门客。(Собака не кусает гостя) — если так, то человеку тем более следует с почтением принимать гостей.

3. **«Визит гостей воспринимается как оказанная хозяевам честь»**: *Гостю почет — хозяину честь; Честь да место, а за пивом пошлем.* Не случайно в ПЕ упоминается *передний (красный) угол* как место для уважаемых гостей: *Принимают, за обе руки берут да в красный угол сажают; Гостю в переднем углу место.*

В китайских ПЕ отразилась традиция **самоуничижения хозяина**, подчеркивания его незначительности по сравнению с гостем: 贵足踏贱地, 草舍生辉。(Дорогие ноги ступили на дешёвую землю, лачуга с соломенной крышей озарилась светом).

4. В китайских ПЕ отразилась и традиция **усиленно приглашать гостя**, подчеркивая его желанность: иногда для этого хозяину надо для приглашения навестить зазываемого гостя: 登门请客意才真。(Пойти на дом и пригласить в гости — только это может показать искренность хозяина). Благородного гостя следует приглашать очень настойчиво — 三请四催 (букв. 'приглашать три раза и торопить четыре раза').

5. В ПЕ обоих языков подчеркнута **необходимость достойно принимать любых гостей, в том числе — неприятных, незваных**: *Гость не кость, за дверь не выкинешь; Нежданный гость лучше жданного.*

Ср. в китайских ПЕ: 三请不抵一遇。(Незванный гость лучше гостей, приглашенных трижды); 客来不纠嘴, 多搁一瓢水。(Если [незванный] гость пришёл, не надо надуть губы, просто надо добавить один ковш воды).

6. **Следует проявлять радушие и гостеприимство искренне**, лицемерие в пословицах осуждается: *За фальшивое уважение не жди почтения.* Сюда же можно отнести и ПЕ *С ложки кормит, а чивьём глаза колет, где чивьё — 'ручка, рукоять ковша, кувшина, ложки'* Д,4: 603.

В китайской ПЕ 问客杀鸡。(Хозяин спрашивает гостя, нужно ли зарезать курицу) показано лицемерие хозяина, который жалеет угощения и, не желая потерять лицо, спрашивает гостя, голоден ли он — видимо, в расчете на то, что гость из вежливости откажется, даже если останется голодным.

7. Противоречивость пословиц проявляется в наличии значительного количества выражений, говорящих о **нежелательности незваных гостей** (Званный — гость, [а] незванный — пес; Не было ветру — вдруг навянули; не было гостей — вдруг нагрязнули) и о традиции ходить в гости преимущественно по приглашению. Незванный гость может остаться без места (Непрошеному гостю места нет), без ложки (На незваного гостя не припасена и ложка), без еды (Незванные/ частые гости гложут и кости). Хозяин может не оказать ему достойного приема: *Незван гость, непасена и честь.* Нельзя не отметить в ПЕ связи между незванным гостем и нечистой силой: *Самовар*

на стол, а бес за гостями; Незваного гостя кликали черти с лыками.

Китайский язык также располагает ПЕ, отмечающей осуждаемое поведение хозяина в отношении гостя: 人来扫地, 人走煎茶. (Пришёл гость — начать подметать пол, ушёл гость — начать заваривать чай). Поощряется терпимое отношение к любому гостю: 客无亲疏, 来者当受. (Независимо от степени родства пришедшего гостя надо его достойно принять).

8. С другой стороны, **неожиданность появления гостей может оправдывать небогатое угощение**, которое было бы неприлично предложить званым гостям: Незванный гость легок, а званый тяжел: [на званого всё паси]; Званому гостю много нужно; Званые гости убыточны.

9. Радущие хозяина проявляется и в том, как и чем он потчует гостей — об этом в ПЕ сказано много; ср.: Гость доволен — хозяин рад.

9.1. Во-первых, **к приему гостей нужно готовиться заранее**: Кипите, щи, чтоб гости шли! Пиво вари, да гостей зови.

9.2. Во-вторых, **хозяину следует быть внимательным, не забывать о гостях**: Пей по всей, да примечай гостей.

来客陪一阵, 莫丢冷板凳. (Когда гость пришёл, надо с ним посидеть, а не бросать ему холодную скамейку). Холодная скамейка становится символом равнодушия хозяина и, возможно, долгого ожидания.

9.3. В-третьих, **гостя нужно угощать щедро** — Умел в гости звать, умей и угощать; Гостю щей не жалей, а погуще лей; Не красна изба углами, а красна пирогами. Радущие хозяина в русских ПЕ передается символически через использование образа хлеба и хлеба-соли — традиционно символа гостеприимства и радушия на Руси: Хлеб на стол — стол престол, а хлеба ни куска — и стол доска. Гостю следует предложить все лучшее, что есть в доме: Все, что в печи, на стол мечи.

Согласно китайским ПЕ, хозяин также должен встречать гостей щедрой рукой: 居家要俭, 待客宜丰 (Дома самим нужно быть непритязательными, но гостей угощать богатой едой); 一斗不分十天吃, 就不能过日子; 十斗不做一顿吃, 就不能待客人 (букв. Если человек не растянет 1 доу риса на 10

дней, то он недолго живёт; Если человек не готовит на обед 10 доу риса, то он не может принимать гостей; доу — 'ковшик') — аналогия между едой на целую жизнь и значительным количеством еды для одного приема гостей.

Плох тот хозяин, чьи гости голодны, кого не встречают обильной едой: Пришел в гости, посидел у холодной печи. Скупость хозяина порицается в ПЕ Жалеть вина — не видать гостей — 'гости останутся недовольными'. Отсутствие гостей, как видим, в народном кодексе не одобряется.

Здесь особенно выделяются ПЕ с частотным паремийным биномом гости — кости³: Зазвал гостей глодать костей.

10. Согласно известной русской ПЕ, Бедность не порок. В паремиях о гостях также представлена мысль о том, что **скромного угощения хозяин не должен стыдиться**, если он делится всем имеющимся: Не будь гостю запасен, будь ему рад; Не дорог обед, дорог привет. Необычна и русская ПЕ Гость на хрен, на редьку — дорогой гость, которую можно трактовать так: 'особенно ценится гость, готовый прийти даже на невкусное угощение'.

В китайской ПЕ скромное, но от души угощение символизируют семечки: 瓜子待客一点心. (Угощать гостей семечками — это тоже знак внимания).

11. В китайских ПЕ выделяется лингвокультурема, отсутствующая, как представляется, в русских ПЕ — «гость в доме значит больше, чем хозяин»: 客来客为大, 客去主为大. (Гость пришёл — он больший; гость ушёл, хозяин является большим); 主不先宾. (Хозяину не раньше, чем гостю).

12. **Нужно уважать гостей и их волю, не пользоваться чрезмерно правами хозяина**: Потчевать потчуй, а неволить не неволь; Гости сидят, где хотят, а нам, где велят. ПЕ Гость не больной, чего его спрашивать? ('говоря о потчевании «не угодно ли?»') в ироническом ключе намекает на поведение хозяина, не спрашивающего мнения гостя.

13. **Хозяину следует проявлять такт** и не замечать оплошностей гостя, не заводить разговоров на неприятные для него темы, например: Не поминай плешивого перед лысым гостем.

Этой теме в китайских ПЕ отводится значительное место: *对客不得嗔狗 (Перед гостями нельзя бранить собаку)*. Слова порицания гость может ошибочно принять на свой счет.

14. Для хозяина все гости равны: *Гостей не разбирают: гость гостю равен.*

Эту идею мы находим и в китайских ПЕ: 莫以鞍子的好坏待客人。 (*Не следует принимать гостей по хорошему или плохому следу его лошади*); 壶难装两样酒。 (*Трудно наполнять чайник двумя водками*), т. е. надо потчевать гостей одинаковой водкой.

Приведенные паремии позволили нам выявить общие черты достойного хозяина и оказываемого им приёма в русских и китайских пословицах: это тёплая встреча и прощание, искренность и достоинство хозяина, вежливое и уважительное, равное отношение к гостям, щедрое угощение, внимательность и проявление тактичности в отношении к гостям, благодарность хозяев за визит к ним. Общей является и лингвокультура «хозяин не должен стыдиться скромного угощения».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Примеры пословиц приводятся преимущественно из «Большого словаря русских пословиц» (2010).

² *Лингвокультуремой* в данной работе мы, вслед за В. В. Воробьевым, считаем комплексную единицу описания лингвокультурологического поля, представляющую собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (языкового и внеязыкового) содержания [1: 36–37].

³ См. об этом типе пословичного бинорма подробнее в: [5: 216–223].

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы. М., 1997. С. 36–37.
2. Ветрюк К. А. К вопросу о языковой репрезентации культурно значимых смыслов «добро» / «good» и «зло» / «evil» в русских и английских пословицах // Вестн. Орловского гос. ун-та. 2010. № 2(10). С. 215–221.
3. Маркелова Е. В. Когнитивно-семантическая структура имен деятельности (на матер. русских пословиц о труде и лени): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004.
4. Сайфуллина Э. Р. Сплетня, ссора, лесть и др. как негативно оцениваемые речевые жанры (на примере пословиц о речевом поведении) // Вестн. Башкирского ун-та. 2008. Т. 13. № 4. С. 986–989.

5. Селиверстова Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. СПб., 2009.

6. Селиверстова Е. И. Вода и водоем в русской паремииологии: бинарные отношения // «Вода» в славянской фразеологии и паремииологии: В 2 т. Будапешт, 2013. С. 554–560.

СЛОВАРИ

Д — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2011.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М., 2010.

Чжэнь Хунфэн, Цзян Жуйлян. Пословицы китайского языка. Пекин, 2008.

Ху Чжицянь. Национальные пословицы, которые китайцам следует знать. Гуанси, 2014.

REFERENCES

1. Vetriuk K. A. (2010) K voprosu o iazykovoј reprezentatsii kul'turno znachimyh smyslov «dobro» / «good» i «zlo» / «evil» v russkikh i anglijskikh poslovitsakh. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (10), p. 215–221. (in Russian)
2. Vorobëv V. V. (1997) *Lingvokul'turologiia: teoriia i metody*. Moscow, p. 36–37. (in Russian)
3. Dal' V. I. (2011) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka*, in 4 vols. Moscow. (in Russian)
4. Markelova E. V. (2004) *Kognitivno-semanticheskaia struktura imen deiatel'nosti (na materiale russkikh poslovits o trude i leni): dissertacia*. Tomsk. (in Russian)
5. Mokienko V. M., Nikitina T. G., Nikolaeva E. K. (2010) *Bol'shoi slovar' russkikh poslovits*. Moscow. (in Russian)
6. Saifullina E. R. (2008) *Spletnia, ssora, lest' i dr. kak negativno otsenivaemye rechevye zhanry (na primere poslovits o rechevom povedenii)*. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 13, no. 4, p. 986–989. (in Russian)
7. Seliverstova E. I. (2009) *Prostranstvo russkoi poslovitsy: postoianstvo i izmenchivost'*. St. Petersburg. (in Russian)
8. Seliverstova E. I. (2013) *Voda i vodoem v russkoi paremiologii: binaurnye otnosheniia*. In: «Voda» v slavijskoi frazeologii i paremiologii, in 2 vols. Budaпешt, p. 554–560. (in Russian)
9. Khu Chzhitsian (2014). *Natsional'nye poslovitsy, kotorye kitaisam sleduet znat'*. Guansi. (in Chinese)
10. Chzhen' Khunfen, Tszian Zhuilian. (2008) *Poslovitsy kitaiskogo iazyka*. Pekin. (in Chinese)

Ю. В. Доманский

ХОЛМ В РУССКОЙ ЛИРИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (Л. АРОНЗОН «УТРО», Б. ГРЕБЕНЩИКОВ «СИДЯ НА КРАСИВОМ ХОЛМЕ», И. КОРМИЛЬЦЕВ «ЛЮДИ НА ХОЛМЕ»)

YURI V. DOMANSKI

THREE HILLS IN RUSSIAN POETRY OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY
(«UTRO» BY L. ARONZON, «SIDIA NA KRASIVOM KHOLME» BY B. GREBENSHCHIKOV,
AND «LIUDI NA KHOLME» BY I. KORMIL'TSEV)

В статье рассматривается мотив холма в трёх произведениях русской лирики второй половины прошлого века. Доказывается, что каждый из поэтов создаёт свой холм, но при этом у всех троих холм становится метафорой места обретения той счастливой гармонии, к которой стремится человек. Отмеченная общность позволяет говорить о единой линии в русской лирике, той линии, в которой важнейшим для жизни человека провозглашалось обретение личного Счастья.

Ключевые слова: русская лирика XX века; лирический субъект; мотив; песенная поэзия; Леонид Аронзон; Борис Гребенщиков; Илья Кормильцев.

This article examines the motif of the hill in three Russian poems written in the 2nd half of the 20th century. Each poet is seen as creating his own hill, but at the same time in all three texts the hill serves as a metaphor for the place where that happiness and harmony can be achieved that is the common objective of humanity. The commonality of purpose thus revealed can be seen as the overarching theme of Russian poetry, which proclaims that the most important thing in the life of man is the achievement of personal Happiness.

Keywords: twentieth-century Russian poetry; lyrical ego; motif; sung lyrics; Leonid Aronzon; Boris Grebenshchikov; Ilya Kormil'tsev.



Юрий Викторович Доманский

Доктор филологических наук, профессор
кафедры теоретической и исторической
поэтики Института филологии и истории

*Российский государственный
гуманитарный университет*

*Миусская площадь, д. 6,
Москва, ГСП-3, 125993, Россия*

► domanskii@yandex.ru

Yuri V. Domanski

Russian State University for the Humanities

Miuskaya sq. 6,

Moscow, GSP-3, 125993, Russia

Сразу скажу, что не буду касаться никаких других холмов у других поэтов, ограничившись только теми тремя, что вынесены в название статьи. Хотя холмов в русской лирике второй половины прошлого века довольно много: можно вспомнить «Холмы» и »Ты поскачешь во мраке, по бескрайним холодным холмам...» Бродского, «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...» Рубцова, «Было» Вени Д'ркина... в уже веке нынешнем появляются «Холмы» Дианы Арбениной (созданные, кстати, по мотивам уже упомянутого Бродского), «Вдалеке от высоких холмов» Макаревича... Список можно множить и множить. Однако я возьму лишь три примера — одно стихотворение и две песни. Стихотворение Аронзона создано в 1960-е годы, песня Гребенщикова в 1980-е, а песня Бутусова-Кормильцева в 1990-е. И в этих произведениях меня будет интересовать только один мотив — холм. Начну с представляющего в заявленной системе 60-е годы «Утра» Леонида Аронзона.

Утро

Каждый лёгок и мал, кто взошел на вершину холма.
Как и лёгок и мал он, венчая вершину лесного холма!
Чей там взмах, чья душа или это молитва сама?
Нас в детей обращает вершина лесного холма!

Листья дальних деревьев, как мелкая рыба в сетях,
и вершину холма украшает нагое дитя!
Если это дитя, кто вознёс его так высоко?
Детской кровью испачканы стебли песчаных осок.
Собирая цветы, называй их: вот мальва! вот мак!
Это память о рае венчает вершину холма!
Не младенец, но ангел венчает вершину холма,
то не кровь на осоке, а в травах разросшийся мак!
Кто бы ни был, дитя или ангел, холмов этих пленник,
нас вершина холма заставляет упасть на колени,
на вершине холма опускаешься вдруг на колени!
Не дитя там — душа, заключённая в детскую плоть,
не младенец, но знак, знак о том,

что здесь рядом Господь.

Листья дальних деревьев, как мелкая рыба в сетях,
посмотри на вершины: на каждой играет дитя!
Собирая цветы, называй их, вот мальва! вот мак!
Это память о Боге венчает вершину холма!

1966¹

Из особенностей организации этого стихотворения Аронзона стоит отметить двукратную экспликацию субъекта; да и то это коллективный субъект. Однако важно, что в обоих случаях экспликации субъект появляется тогда, когда появляется пространственный мотив вершины холма: «**Нас** в детей обращает вершина лесного холма!» и «Кто бы ни был, дитя или ангел, холмов этих пленник, // **нас** вершина холма заставляет упасть на колени, // на вершине холма опускаешься вдруг на колени!»

Другая особенность организации стихотворения Аронзона — экспликация адресата при помощи глаголов второго лица: «Собирая цветы, **называй** их: вот мальва! вот мак!» и «Листья дальних деревьев, как мелкая рыба в сетях, // **посмотри** на вершины: на каждой играет дитя! // Собирая цветы, **называй** их, вот мальва! вот мак!». Этим эксплицитивным адресатом может быть и читатель, и некий «персонаж», к которому стихотворение обращено. В той же степени и эксплицитивным субъектом может быть и лирический герой (в данном случае — героиня), и тот, кто читает стихотворение — безграничное множество его реципиентов, то есть тот (те), кто читает (читают) стихотворение, может (могут) включать себя в множественного субъекта. Во многом это слияние субъекта и адресата явлено через начальное слово первого стиха — «Каждый», то есть каждый, всякий участвует в лирическом сюжете.

И такое слияние актуализируется как раз через развёртывание ведущего пространственного мотива стихотворения.

А ведущим пространственным мотивом является не просто холм, а вершина холма, то есть самое высокое место на высоком локусе. Слово «вершина» встречается в состоящем из двадцати одного стиха тексте Аронзона 10 раз. С этим мотивом связано и то, что можно обозначить как центральную проблему — лирическое выяснение того, *что* всё-таки находится на вершине холма, то есть *что* оказывается в пространстве самым высоким. И композиционно стихотворение Аронзона выстроено так, что ответ на ключевой вопрос по ходу текста в точке зрения коллективного субъекта не только не звучит прямо и однозначно, но и постоянно меняется, эволюционирует. Все, достигшие вершины лесного холма, обращаются в детей, а потому неудивительно, что «вершину холма украшает нагое дитя». Но потом ответ на вопрос, что же всё-таки там находится, начинает звучать иначе: «память о рае», «не младенец, но ангел». Однако с какого-то момента становится не важно, кто там, на вершине холма; важно же то, что:

нас вершина холма заставляет упасть на колени,
на вершине холма опускаешься вдруг на колени!

Получается, что то ли там находится объект поклонения, то ли сама вершина холма таким объектом поклонения становится. Но как бы там ни было, человек на вершине холма представлен своей душой: «Не дитя там — душа, заключённая в детскую плоть». А в итоге самая высокая точка в пространстве — вершина холма — становится местом, где человек приближается к Богу: «не младенец, но знак, знак о том, что здесь рядом Господь». В самом же финале сближение с Богом на вершине холма оказывается ещё более отчётливым: «Это память о Боге венчает вершину холма!»

Таким образом, вершина холма в стихотворении «Утро» Леонида Аронзона оказывается той точкой земного пространства, достигнув которой каждый из нас способен приблизиться к Богу, обрести Бога в душе. Можно, наверное, сказать, что это своего рода локус высшей формы человеческого Счастья.

Менее двадцати лет отделяет стихотворение Аронсона от песни Б.Г. «Сидя на красивом холме», песни, открывающей альбом «Аквариума» 1984 года «День Серебра».

Сидя на красивом холме

Сидя на красивом холме
Я часто вижу сны, и вот что кажется мне:
Что дело не в деньгах, и не в количестве женщин,
И не в старом фольклоре, и не в Новой Волне —
Но мы идём вслепую в странных местах,
И всё, что есть у нас — это радость и страх.
Страх, что мы хуже, чем можем,
И радость того, что всё в надёжных руках;
И в каждом сне
Я никак не могу отказаться,
И куда-то бегу, но когда я проснусь,
Я надеюсь, ты будешь со мной...²

Однако первый стих этой песни, как и её заглавие, тождественное первому стиху, является автоцитатой. Двумя годами раньше альбома «День Серебра», в 1982 году записывается альбом «Аквариума» «Табу». И в этом альбоме, в песне «Игра на верняка» один из рефренов звучит так:

Сидя на красивом холме
Видишь ли ты, что видно мне?³

И, конечно, холм и человек на холме в песне, открывающей альбом «День Серебра», должны быть рассмотрены с учётом этого претекста с более раннего альбома. Вопрос из рефрена песни «Игра на верняка» обращён к эксплицированному адресату. Для песни таковым может быть и каждый слушатель, и кто-то вполне конкретный, и абстрактный реципиент — не будем пытаться как-то определить, кто же этот «ты» в «Игре на верняка». Тут важно другое — важно отношение эксплицированного субъекта к этому адресату. И отношение это вряд ли может быть истолковано как однозначное противопоставление или же как однозначное сближение. Тут синтезированы обе эти крайности: субъекту, сидящему на холме, открывается что-то такое, что видит или же не видит адресат, тоже, кстати говоря, сидящий на холме: «Видишь ли ты, что видно мне?» Мы так и не знаем, видит ли адресат то, что увидел субъект; вероятно, это зависит от того, кем всё-таки адресат является. Другое дело — что же видит субъект, сидя на красивом холме? Ответ на этот вопрос находит-

ся не в песне «Игра на верняка», а в песне «Сидя на красивом холме». И ответ прям и прост:

Сидя на красивом холме
Я часто вижу сны...

Сон — явление индивидуальное. Следовательно, кем бы ни был адресат, видеть то, что видит субъект, он не может (хотя категорически утверждать это нельзя — мало ли кем является субъект). Впрочем, не узнаём мы и того, что субъект видит во сне; узнаём только то, что субъекту *кажется*: «И вот что кажется мне». А точнее сказать, и этого не узнаём — ведь далее следует сразу несколько отрицаний:

...дело не в деньгах, и не в количестве женщин,
И не в старом фольклоре, и не в Новой Волне...

По началу песни можно заключить, что холм — такое место, где можно абстрагироваться от суеты житейской в самых её разных проявлениях — деньги, женщины, искусство старое и новое. Чем это можно заменить, правда, не говорится. Более того, сразу же следом на смену статике приходит движение. Союз «но» противопоставляет движение предшествующему состоянию. Это вторая (средняя) часть песни, строки с 5-й по 8-ю. Тут буквально всё противоположно созерцательному сну сидящего на холме: вместо сидения — «мы идём»; вместо «вижу» — «вслепую»; места оказываются «странными» (у этого слова есть и значение, связанное с передвижением в пространстве, — «странствовать»). И вместе с движением «вслепую в странных местах» субъект (обратим внимание, что в этой части песни субъект эксплицируется во множественном числе) оставляет в себе только лишь крайние относительно друг друга эмоциональные проявления: «И всё, что есть у нас — это радость и страх». Да, в 7-м и 8-м стихах обе эти эмоции — страх и радость — несколько конкретизируются:

Страх, что мы хуже, чем можем,
И радость того, что всё в надёжных руках...

Однако это не отменяет того, что при движении только эмоции и остаются. Между тем из завершающей части, из стихов с 9-го по 12-й, выясняется, что и движение «вслепую в странных местах» тоже происходило во сне, а значит, субъект не покидал красивого холма:

И в каждом сне
Я никак не могу отказаться,
И куда-то бегу, но когда я проснусь,
Я надеюсь, ты будешь со мной...

От чего отказаться? Возможно, от соблазнов мира. Субъект, сидя на красивом холме, понимает, что дело не в них — не в деньгах, не в женщинах (точнее — не в их количестве, это важно в связи с последним стихом песни), не в искусстве. Но вот, даже поняв это, отказаться от всего этого субъект не может, не может полностью отдаться сидению на красивом холме и созерцанию снов. Вместо этого он куда-то бежит. Однако и бежит тоже во сне. И что же остаётся? Только надежда: «...но когда я проснусь, // Я надеюсь, ты будешь со мной...» Надежда присутствует во сне, но связывается с перспективой пробуждения. Так что же такое холм в мире Б.Г., если судить по рассматриваемой песне? Место, сидя на котором понимаешь всю суетность того, чем живёт мир. Однако и понимая это, *мы* не остаёмся на месте, а движемся, тем самым давая волю проявлениям эмоциональных крайностей; но при этом в ожидании пробуждения сохраняем надежду на любовь. Итак, гребенцовский красивый холм — место сна, в процессе которого осознаются ценностные ориентиры жизни, важнейший из коих — Любовь. В ней, в Любви человеческое Счастье.

И теперь третий холм, холм из 1990-х годов. Это песня «Люди на холме» (В. Бутусов — И. Кормильцев), открывающая альбом группы «Nautilus Pompilius» «Яблокитай» (1997) и завершающая — на последних кадрах и титрах — фильм Алексея Балабанова «Брат» (1997).

Люди на холме

мы лежим под одуванчиковым солнцем
и под нами крутится земля
она больше чем моя голова
в ней хватит места
для тебя и меня

мы лежим на склоне холма
кверху ногами
на склоне холма

люди на холме
кричат и сходят с ума
о том кто сидит

на вершине холма
но у холма нет вершины —
он круглый как эта земля

иногда мне кажется что я должен встать
и отнести тебя как дитя
броситься вместе с вершины холма
так будет лучше
для тебя и меня
но мы лежим на склоне холма
и мне кажется
что это всё ерунда

люди на холме
кричат и сходят с ума
разбиваются
падая с вершины холма —
но у холма нет вершины
об этом знаем ты и я

я люблю тебя⁴

В этой песне очень необычная субъектная организация. Кроме первого и второго лиц в песне есть ещё третьи лица: есть люди на холме и есть тот, кто сидит на вершине холма. Впрочем, того, кто сидит на вершине холма, возможно, и нет, ведь у холма нет вершины. А может быть, тот, кто сидит на вершине холма, находится среди людей на холме. То есть люди на холме кричат и сходят с ума об одном из них самих — о том, кто (возможно, по их мнению) достиг вершины. То есть тут, как и в стихотворении Аронзон, важным пространственным мотивом становится не просто холм, а вершина холма. В оппозицию же к этому локусу, к локусу вершины становится другой элемент холма — склон. У Аронзон склона холма не было, у Б.Г. холм не делился на элементы. То есть холм Ильи Кормильцева относительно предшественников в большей степени структурирован. Однако и у этого холма, как было уже с холмом у «Аквариума», есть в поэтическом творчестве Кормильцева предшественник: написанный целиком на кормильцевские тексты альбом «15» группы «Урфин Джюс» (одной из старейших рок-групп Свердловска) завершается песней «Другая сторона холма» (музыка Александра Пантыкина). И этот альбом был записан в 1982 году — том самом году, когда, напомним, появился альбом «Аквариума» «Табу» с песней «Игра наверняка», где рефреном шла фраза «Сидя на красивом холме», через

два года ставшая начальной в одноимённой песне. Текст песни «Другая сторона холма» приведу полностью:

Эй, вы там,
На другой стороне холма!
Как вы там
На другой стороне холма?
Я кричу, словно камни, кидая слова.
Знаю я, что мне не докричаться
До другой стороны холма.

Хлебное поле затянул плевел,
Жаркое пламя гасит ветер,
Раковая опухоль меня встретит
На другой стороне холма.
Коварный разум возводит стены,
На тело и дух установлены цены,
Холодный приказ и насилия сцены
На другой стороне холма.

Час наслажденья за годы мученья,
Замысел грязный и осуществленья,
Лишь огненный дождь принесет очищенье
Другой стороне холма.

Ты все это знаешь, но в чём же причина
Того, что порою тебя беспричинно
Тянет в разверзнутую пучину
Другой стороны холма?⁵

Относительно более поздней песни «Люди на холме» тут появляется и становится важнейшим ещё один элемент холма — его другая сторона. Там — те, до кого пытается, но не может докричаться субъект. А ещё там много всего страшного и ужасного, того, от чего очистить может лишь огненный дождь. Напомню, эта песня создана в 1982 году прошлого века, а потому напрашивается её актуальное для той поры политическое толкование: люди на другой стороне холма — соотечественники субъекта, он пытается докричаться до них, сознавая, насколько там, в их стране всё ужасно; впрочем, субъект понимает тщетность своих усилий; не может он только понять, что же всё-таки так тянет туда — «в разверзнутую пучину // Другой стороны холма». Конечно, такое толкование отнюдь не единственное. Столь же легко песню можно прочитывать как универсальную — воссоздающую общую ситуацию, при которой личность безуспешно пытается убедить общество в том, что это общество обретается там,

где ничего хорошего нет и не может быть. В любом случае, другая сторона холма — страшный мир. Но туда, как это часто бывает, человека почему-то тянет; почему именно — разумом понять нельзя.

Но что же стало с кормильцевским холмом спустя 15 лет после «Другой стороны холма» — в песне «Люди на холме»? Другой стороны холма со всеми её ужасами тут уже нет; наоборот — тут заявленный с самого начала коллективный субъект («мы») находится в состоянии благополучного покоя. Он даже не сидит, как субъект у «Аквариума», он лежит. Вернее — не он, а они: «мы лежим». И совсем не вершину холма *мы* выбрали для этого, а его склон. Согласно тексту — то место, которое разместилось между солнцем и землёй. Далее субъект разделяется на «я» и «ты», то есть на собственно единичного субъекта и на эксплицированного адресата. Лирическая ситуация начала песни довольно проста и хорошо представима визуально: двое влюблённых лежат кверху ногами на склоне холма, а сверху на них светит солнце (для визуализации особенно важно, что именно кверху ногами). Но лирический сюжет песни не стоит месте, из его движения узнаём о присутствии на холме третьих лиц («люди») и о том, что кто-то находится на вершине холма — он там, подобно гребенщиковскому субъекту, «сидит». И всё уже не так спокойно и благополучно, как было в начале песни, теперь

люди на холме
кричат и сходят с ума
о том кто сидит
на вершине холма

Так кто же там, на вершине холма, тот, о ком люди сходят с ума? Может, Господь, как у Аронсона, а может, это сам Борис Гребенщиков — как автор и исполнитель песни-предшественника относительно песни Бутусова-Кормильцева? Оказывается же, что и не важно, кто там сидит, потому что:

...у холма нет вершины —
он круглый как эта земля

И ситуация с вершиной холма и людьми на холме отнюдь не завершается во второй строфе, она будет продолжена почти в самом финале.

Но ещё прежде, в третьей строфе будет продолжена линия отношений влюблённых — субъекта и адресата. И здесь наблюдаем переключку с песней «Сидя на красивом холме» «Аквариума»; там, напомним, субъект во сне не мог оставаться на красивом холме и куда-то бежал. Похожие желания (кстати, как и в песне Б.Г., транслированные через слово «кажется») преодолевают и кормильцевского субъекта:

иногда мне кажется что я должен встать
и отнести тебя как дитя
броситься вместе с вершины холма
так будет лучше
для тебя и меня

Вместо благополучного покоя на склоне холма субъект предлагает движение; надо сказать — довольно странное, странное тем, что оно ведёт к гибели. То есть вершина холма, бывшая у Аронсона местом, приближающим к Господу, у Кормильцева стала местом, откуда можно осуществить прыжок из жизни. Если вдуматься, то и это тоже путь к Богу — «так будет лучше». Однако ничего этого с *нами* не происходит — *мы* по-прежнему лежим на склоне холма. И только те «люди на холме», которые «кричат и сходят с ума», в итоге «разбиваются // падая с вершины холма».

А впрочем, как и раньше, «у холма нет вершины». И следовательно, ничего с этими людьми не происходит; и с *нами* тоже ничего не может произойти — *мы с тобой* так и останемся счастливо лежать на склоне холма кверху ногами под одуванчиковым солнцем. Потому что «я люблю тебя»; именно это звучит последним стихом в песне. И тогда всё встаёт на свои места: что бы там ни казалось человеку, как бы ни стремился он двигаться вверх, чтобы броситься вниз, как бы ни вели себя люди вокруг, всё равно самое важное и главное — это Любовь, а Любовь — это покой, обретаемый на склоне холма. Вершины же, вносящей суету в это состояние любовного покоя, у холма нет — «об этом знаем ты и я». И это знание становится для влюблённых гарантом сохранения вечного блаженства, Счастья, обретаемого в любовном покое.

Теперь осталось только соотносить в систему холмы Аронсона, Гребенщикова и Кормильцева. И так, на вершине холма у Аронсона человек при-

ближался к Богу, обретал гармонию, а потому должен был стремиться туда. У Гребенщикова уже иное понимание холма — место, где осознаётся главная ценность жизни, а это Любовь. Впрочем, холмы Аронсона и Б.Г. сближаются через формулу «Бог есть Любовь». А к тому же в обоих случаях важна возможность осознания того, как человек может достичь Счастья. Кормильцев же, если соотносить оба его текста о холме, проходит путь от однозначной страшной, но в этом ужасе своём притягательной другой стороны холма к куда как более сложному склону холма, тому склону, на котором, как это было у Гребенщикова, обретается осознание Любви как покоя. Дисгармонию в эту картину вносит только вершина холма, с ней приходит суета и странно притягивающая жажда ухода, однако влюблённые знают то, чего, вероятно, не знают другие люди (те, которые «кричат и сходят с ума»), влюблённые знают, что «у холма нет вершины», а раз так, то и на вершине тоже никого нет. Холм — круглый. И на этом холме нет никого, кто бы был выше влюблённых. А это и есть Счастье.

Следовательно, все три рассмотренных холма являют собой локусы, на которых человек способен обрести Счастье. Можно сказать, что холм становится метафорой места обретения той счастливой гармонии, к которой стремится человек. Каждый поэт по-своему понимает эту гармонию, каждый преподносит её своими оригинальными способами, но каждый для этого выбирает мотив холма. И отмеченная общность между холмами трёх текстов позволяет говорить о своего рода единой линии, наметившейся в русской лирике второй половины прошлого века, той линии, в которой важнейшим для жизни человека провозглашалось обретение личного Счастья.

В начале мы предупредили, что не будем касаться других холмов кроме трёх. Однако же нам пришлось обратиться к холмам-предшественникам и у Б.Г., и у Кормильцева. Завершить же сказанное хотелось бы ещё одним холмом. Это холм из «Стихотворения, написанного в ожидании пробуждения» Леонида Аронсона. Приведем текст этого стихотворения, созданного, согласно авторской датировке, два года спустя после стихотворения «Утро».

Резвится фауна во флоре,
топча ее и поедая,
а на холме сидит Даная,
и оттого вуаль во взоре,
и оттого тоска кругом,
что эта дева молодая
прелюбодействует с холмом!
май, утро 1968

Думаю, что после всего сказанного каждый сам в состоянии сделать вывод относительно места этого холма в описанной выше системе и, соответственно, обо всей системе холмов Аронзона, Гребенщикова и Кормильцева.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русская поэзия 1960-х годов. Аронзон А. Утро. — URL: <http://www.ruthenia.ru/60s/aronzon/ytro.htm>

² Б. Г. Песни. Тверь, 1996. С. 123.

³ Там же. С. 81.

⁴ NAUTILUS POMPILIUS: Введение в наутилосоведение. М., 1997. С. 313–314.

⁵ Текст песни «Урфин Джюс» — «Другая сторона холма». — URL: <http://www.megalyrics.ru/lyric/urfin-dzhius/drughaia-storona-kholma.htm>

REFERENCES

1. NAUTILUS POMPILIUS: Vvedenie v nautilosovedenie (1997). Moscow, p. 313–314. (in Russian)

[хроника]

НЕДЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ВО ВЬЕТНАМЕ

(Начало на с. 83)

туациях, которые должны быть актуальны с учетом местной специфики учащихся, многие из которых никогда не поедут учиться в Россию.

Проблема мотивации обучения актуальна на всех уровнях изучения языка, поэтому необходимо учитывать все условия процесса познания иностранного языка вне языковой среды, решать вопрос о компенсации ее отсутствия. Такой компенсацией становится формирование социокультурной компетенции.

Социокультурная компетенция — это «совокупность знаний о стране изучаемого языка, национально-культурных особенностях социального и речевого поведения носителей языка и способность пользоваться такими знаниями в процессе общения, следуя обычаям, правилам поведения, нормам этикета, социальным условиям и стереотипам поведения носителей языка» [1: 286–287]. Обращение к культуре становится необходимым условием поддержания интереса к языку: «Чтобы заинтересовать студента нашей аудитории, обучение должно идти не от языка к культуре, а, наоборот, от культуры к языку. Культура и есть тот крюк, на который они цепляются своим любопытством» [2: 472]. В связи с этим на семинарах активно обсуждали использование на уроках аутентичных материалов: художественных и документальных фильмов, телепередач, просмотр новостей, использование песен, обращение к интернет-ресурсам и т. д. Особый интерес у преподавателей вьетнамских школ вызвали разрабатываемые уроки на базе отечественных мультфильмов.

В конце «Недели русского языка» российским преподавателям предлагалось организовать так называемые творческие лаборатории. Все слушатели делились на группы и расходились по аудиториям, где одновременно преподаватели — члены делегации проводили занятия по одной и той же теме: «Речевые ситуации в обучении спонтанной речи» (A1–A2). Российским преподавателям ещё перед приездом

во Вьетнам было предложено сделать методическую разработку одной разговорной темы и показать все этапы и методические приемы работы при обучении разговорной речи. После этого вьетнамские коллеги должны были разработать другие речевые ситуации, используя изученные методические приемы. Для этого слушателей делили на небольшие подгруппы, каждой из которых давались различные речевые ситуации. В ходе данной работы происходил своеобразный обмен опытом: вьетнамские преподаватели использовали разные методы работы с одним речевым материалом, а российские преподаватели наблюдали, как предложенная ситуация в разработке вьетнамскими коллегами обретает национально-обусловленную специфику (лексика, определенный алгоритм поведения и т. д.).

Проведенная в Ханое «Неделя русского языка» дала возможность не только обменяться опытом преподавания, но и обсудить актуальные проблемы методики и содержания обучения русскому языку вне языковой среды, взглянуть на трудности процесса обучения в другой стране, а следовательно, сделать необходимые выводы о перспективах и направлениях дальнейшего сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э.Г., Шукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009.

2. Быкова О.П. К вопросу о принципиальных различиях в преподавании РКИ в российских и зарубежных учебных заведениях // I Междунар. науч.-практ. Интернет-конф. «Русский язык @ Литература @ Культура: актуальные проблемы изучения и преподавания в России и за рубежом». Тр. и матер. М., 2010. С. 470–480.

М. Ю. Доценко,
доц. ИМОП СПбПУ

Е. Н. Виноградова, Л. П. Клобукова

ОТБОР И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРЕДЛОГОВ В ЛЕКСИЧЕСКИХ МИНИМУМАХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

EKATERINA N. VINOGRADOVA, LIUBOV P. KLOBUKOVA
ON SELECTION AND REPRESENTATION OF THE PREPOSITIONS
IN THE BASIC DICTIONARIES ON RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Статья посвящена проблемам развития и совершенствования градуальной серии Лексических минимумов разных уровней общего владения РКИ, в частности исследованию представленности в Лексических минимумах предлогов как важной служебной части речи современного русского языка.

Ключевые слова: предлог; Лексический минимум; российская система тестирования ТРКИ.

The article deals with some problems of improving and evolving of basic dictionaries' gradual series. The research is focused on representation of prepositions as an important part of speech within basic dictionaries of different levels.

Keywords: preposition; basic dictionaries; Russian as a foreign language tests.



**Екатерина Николаевна
Виноградова**

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
для иностранных учащихся
гуманитарных факультетов
► ekaterinavin@mail.ru

**Любовь Павловна
Клобукова**

Доктор педагогических наук, профессор,
заведующая кафедрой русского
языка для иностранных учащихся
гуманитарных факультетов
► klobukov@list.ru

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1,
Москва, 119991, Россия

**Ekaterina N. Vinogradova,
Liubov P. Klobukova**
Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russia

Разработка системы тестирования по русскому языку как иностранному (ТРКИ) началась в России более двадцати лет тому назад. К началу XXI века были опубликованы базовые нормативно-методические документы: Стандарты (Требования) и Типовые тесты шести уровней общего владения русским языком как иностранным. Неотъемлемым компонентом системы ТРКИ стала градуальная серия Лексических минимумов (ЛМ), которые конкретизировали списки лексических единиц, подлежащих обязательному усвоению на первых четырех уровнях общего владения русским языком как иностранным (РКИ). Это дало иностранным гражданам, изучающим русский язык, ясное представление о лексической базе, на основе которой составлены тестовые материалы соответствующих сертификационных экзаменов. Кроме того, ЛМ стали использоваться российскими и зарубежными преподавателями РКИ как надежный ориентир в процессе разработки учебных программ, средств обучения (учебников и учебных пособий), тестовых материалов и др.

В настоящее время градуальная система ЛМ находится на новом этапе своего функционирования: она развивается и совершенствуется. С одной стороны, ведется разработка и подготовка к публикации нового компонента системы — ЛМ Третьего уровня общего владения РКИ. С другой стороны, происходит постоянный анализ уже изданных ЛМ с точки зрения наиболее оптимальной представленности в них отдельных фрагментов языковой системы. Проводимые в последние годы исследования в области лингводидактики (в том числе на диссертационном уровне) позволяют при переиздании ЛМ вносить в них необхо-

димые коррективы, касающиеся как объема словника в целом, так и формы подачи конкретных лексических единиц (см., напр.: [7; 11]).

В этой связи одной из актуальных задач является исследование представленности в ЛМ разных уровней общего владения РКИ **предлогов** как важной служебной части речи современного русского языка. Особое внимание лингводидактики именно к этому фрагменту языковой системы объясняется, в частности, тем, что за последнее столетие в отечественной русистике произошло значительное расширение объема понятия «предлог».

В «Российской грамматике» 1755 года [15] М. В. Ломоносов выделял 24 прямых предлога (понимая под предлогами и приставки): *во* или *въ*, *возъ*¹, *вы*, *для*, *до*, *за*, *изъ*, *ко* или *къ*, *межъ*, *на*, *надъ*, *низъ*, *о* или *объ*, *отъ*, *по*, *подъ*, *пре*, *предъ*, *при*, *про*, *ради*, *разъ*, *со* или *съ*, *у*, а также ряд отнаречных предлогов: *прежде*, *внутри*, *внѣ*, *блиско*, *противу*, *около*, *подль*, *чрезъ*, *сквозъ*, *посль*, *мимо*, *кромѣ* и проч.

В «Русской грамматике» 1954 года [16] предлагается следующая классификация:

- простые предлоги: *без*, *в*, *до*, *для*, *за*, *из*, *к*, *на*, *над*, *о*, *от*, *по*, *под*, *пред* — *перед*, *при*, *про*, *с*, *у*, *чрез* — *через*, *между*, *ради*, *сквозъ*, *из-за*, *из-под*, *по-за*, *по-над*, *по-под*;
- отнаречные предлоги: *вблизи*, *вдоль*, *вне*, *внутри*, *внутрь*, *возле*, *вокруг*, *впереди*, *кроме*, *кругом*, *мимо*, *напротив*, *около*, *поверх*, *подле*, *позади*, *поперек*, *после*, *посреди*, *прежде*, *сбоку*, *сверху*, *свыше*, *сзади*, *вслед*, *навстречу*, *наперекор*, *согласно*, *соответственно*, *сообразно*, *соразмерно* и т. п.;
- отыменные предлоги: *ввиду*, *в деле*, *в меру*, *в области*, *в отношении*, *в продолжение*, *в силу*, *в смысле*, *вроде*, *вследствие*, *в течение*, *в целях*, *за исключением*, *наподобие*, *насчет*, *по линии*, *по мере*, *по поводу*, *по причине*, *по случаю*, *по части*, *со стороны*, *средством*, *путем*, *в противовес*, *не в пример* и нек. др.;
- отглагольные предлоги: *благодаря*, *включая*, *спустя*, *исключая*, *не считая*, *начиная*, *кончая*².

Наконец, «Русская грамматика-80» [17] дает закрытый список предлогов, включающий 27 простых предлогов, 67 наречных предлогов, 93 отыменных предлога и 18 отглагольных предлогов. Перечислим мотивированные предлоги, акцентируя внимание на тех из них, которые ранее в качестве таковых не назывались (по сравнению с РГ-1954):

1) наречные предлоги: *близ*, *вглубь*, *взамен*, *вместо*, *вопреки*, *вслед*, *касательно*, *наверху*, *накануне*, *около*, *относительно*, *подобно*, *помимо*, *посередине*, *против*, *сверх*, *сквозь*, *среди*; *вблизи от*, *вдалеке от*, *вдали от*, *вместе с*, *вплоть до*, *впредь до*, *вровень с*, *наравне с*, *наряду с*, *невдалеке с*, *независимо от*, *применительно к*, *рядом с*, *следом за*, *совместно с*, *согласно с*, *сообразно с*, *соответственно с*, *соразмерно с*, *сравнительно с*;

2) отыменные предлоги: *без помощи*, *без сопровождения*, *в адрес*, *в виде*, *в границах*, *в духе*, *в знак*, *в интересах*, *в ипостаси*, *в качестве*, *в контраст*, *в направлении*, *в пользу*, *в порядке*, *в пределах*, *в противоположность*, *в районе*, *в рамках*, *в результате*, *в роли*, *в свете*, *в случае*, *в сопровождении*, *в сторону*, *в сфере*, *в счет*, *в условиях*, *в честь*, *в ходе*, *вне границ*, *вне пределов*, *вне рамок*, *вне сферы*, *во время*, *во имя*, *за счет*, *на основании*, *на предмет*, *на протяжении*, *на пути*, *по адресу*, *по образцу*, *под видом*, *под предлогом*, *при помощи*, *при посредстве*, *при условии*, *с помощью*, *с целью*, *через посредство*, *в зависимости от*, *в направлении к*, *в ответ на*, *в отличие от*, *в связи с*, *в согласии с*, *в содружестве с*, *в сообществе с*, *в соответствии с*, *в сравнении с*, *в стороне от*, *в сторону от*, *в унисон с*, *в уровень с*, *на пути к*, *по направлению к*, *по отношению к*, *по сравнению с*, *порядка*, *типа*;

3) отглагольные предлоги: *не доходя до*, *погода*, *пройдя*, *считая*, *глядя по*, *смотря по*, *судя по*, *невзирая на*, *не смотря на*, *не доходя до*, *исходя из*, *начиная с*.

Как видим, за 26 лет, которые прошли между изданиями Грамматик [16] и [17], реестр предлогов значительно расширился. В то же время, с одной стороны, некоторые предлоги (*в меру*, *насчет*, *сверху*, *кругом*, *исключая*), названные в РГ-1954, не отражены в РГ-1980, а с другой стороны, список РГ-1980 так и не стал «истиной в последней инстанции»: в Словаре 2007 года Н. Ю. Шведовой [20] целый ряд единиц из перечня предлогов РГ-1980 маркирован «в значении предлога» (*порядка*, *типа* и др.), а некоторые единицы не отмечены вообще (*без помощи*, *без сопровождения*, *в контраст*, *вне границ*, *вне пределов*, *вне рамок*, *вне сферы*).

Приведенные примеры показывают, что в лингвистической литературе наблюдается постепенное расширение понятия «предлог»; по-видимому, этот процесс должен затронуть также современную теорию и практику преподавания РКИ. Будучи важной служебной частью речи, предлоги активно используются инофонами уже на ранних этапах овладения русским языком. В соответствии с этим «новые» предлоги должны найти свое адекватное отражение

в соответствующих нормативно-методических документах: в Лингводидактических описаниях, Требованиях, в Лексических минимумах и Программах, с опорой на которые создаются соответствующие средства обучения — учебники, учебные пособия и др.

Анализ опубликованных ЛМ, ориентированных на разные уровни общего владения РКИ, показал, что в настоящий момент недостаточное внимание уделяется мотивированным (или первообразным) предложениям, которые за редким исключением обычно не представлены в ЛМ. Продemonстрируем распределение предлогов в ЛМ Базового, Первого и Второго сертификационных уровней.

В «Лексическом минимуме Базового уровня ТРКИ» (ЛМ БУ) [8] мотивированные предлоги не представлены, что естественно, так как словарь этого уровня весьма ограничен, в него включены лишь 13 первообразных предлогов: **без** + р.п., **во** 1) + в.п. *куда?* / *когда?*, 2) + п.п. *где?* / *когда?*, **до**³ + р.п., **за** + в.п., **из** + р.п., **к** + д.п., **на** 1) + п.п. *где?*, 2) + п.п. *на чём?*, 3) + п.п. *когда?*, 4) + в.п. *куда?*, **о**, **об**, **обо** + п.п., **около** + р.п., **по** + д.п., **с**, **со** 1) + р.п. *откуда?*, 2) + т. п. *с кем?*, **у** + р.п., **через** + в.п. и один наречный: **после** + р.п.

В «Лексическом минимуме Первого уровня» (ЛМ ПУ) [9] к предлогам, упомянутым в ЛМ БУ, добавлено 15 первообразных предлогов (включая предлоги, у которых актуализированы новые значения): **для** + р.п., **за** 1) + в.п. *за что?*, 2) + в.п. *за сколько времени?*, 3) + т. п. *где?*, 4) + *за чем?*, **из** + р.п., **из-за** + р.п., **кроме** + р.п., **между** + т. п., **на** 5) + в.п. *на сколько времени?*, **над**, **надо** + т. п., **от** + р.п., **перед** + т. п., **по** 4) отдыхать по субботам, **под** + т. п., **с**, **со** 3) + р.п. *когда?*, **у** + р.п. 1) *у кого?* 2) *где?*, **через** + в.п. 1) перейти через дорогу, 2) вернуться через полчаса.

Кроме того, появляется шесть наречных предлогов (**вокруг** + р.п., **впереди** + р.п., **мимо** + р.п., **навстречу** + д.п., **против** + р.п., **среди** + р.п.), два отглагольных (**благодаря** + д.п., **несмотря на** + в.п.) и один отыменной — **во время** + р.п.

В «Лексический минимум Второго уровня» (ЛМ ВУ) [10] включены следующие новые по отношению к ЛМ БУ и ЛМ ПУ предлоги:

1) первообразные: **в** 5)⁴ + п.п. *в чём?* (девушка в куртке), **за** 5) + в.п. *куда?*, **из**, **изо** + р.п. 1) выйти из магазина, 2) узнать из газеты, 3) спросить из любопытства, **из-за** + р.п. 1) выйти из-за угла, 2) опоздать из-за транспорта, **к** + д.п. 1) идти к парку, 2) закончить работу к январю, 3) варенье к чаю, **между** + т. п. 1) между лесом и рекой, 2) ссора между друзьями, **на** 6) + в.п. *на кого?* *на что?* — смотреть на девушку, смотреть на речку, **по** 5) + д.п. *почему?* — сделать ошибку по невнимательности, 6) + в.п. — отпуск по 20-е июня, 7) + д.п. — получили по сто рублей, 8) + п.п. — по окончании учебы, **под** 2) + в.п. *куда?*, **при** + п.п., **про** + в.п., **ради** + р.п., **сквозь** + в.п., **у** 3) *у кого?* — Она училась шить у мамы, 4) *у кого?* — Об экскурсии надо узнать у Олега;

2) наречные: **вдоль** + р.п., **вместо** + р.п., **вопреки** + д.п., **напротив** + р.п., **накануне** + р.п., **согласно** + д.п.;

3) отыменной: **вследствие** + р.п.

Таким образом, в целом во всех трех ЛМ в числе мотивированных предлогов названы 13 наречных (**вдоль** + р.п., **вместо** + р.п., **вокруг** + р.п., **вопреки** + д.п., **впереди** + р.п., **мимо** + р.п., **навстречу** + д.п., **напротив** + р.п., **накануне** + р.п., **после** + р.п., **против** + р.п., **согласно** + д.п., **среди** + р.п.), 2 отглагольных (**благодаря** + д.п., **несмотря на** + в.п.) и 2 отыменных (**во время** + р.п. и **вследствие** + р.п.). В этой связи отметим, что в некоторых случаях наблюдается выделение в отдельное значение отыменных предлогов при соответствующих существительных. Например, в ЛМ ВУ в статье «область» находим третье значение — *открытие в области генетики*; ср. также словарную статью «специализироваться» (специализируюсь, специализируешься) нсв I *на чём?*, *в области чего?* Вряд ли такую презентацию материала можно признать оптимальной. Как кажется, выделение отыменного предлога **в области** + р.п. в отдельную словарную статью в большей степени соответствует сегодняшним представлениям лингвистов о функционировании этой лексической единицы в современном русском языке.

Необходимо также, на наш взгляд, расширить перечень мотивированных предлогов в ЛМ ВУ. В настоящее время в этом нормативно-

методическом документе для таких существительных, как **качество, связь, результат, отношение, условие, цель**, не выделяется даже предложного значения. Между тем, с учетом значительного объема коммуникативных задач, стоящих перед инофонами на данного уровне общего владения РКИ, было бы целесообразно дополнить ЛМ ВУ следующими самостоятельными словарными статьями, дав их хотя бы для рецептивно-го усвоения: **в области** + р.п., **в качестве** + р.п., **в связи с** + т. п., **в результате** + р.п., **в отношении** + р.п., **по отношению к** + д.п., **при условии** + р.п., **в целях** + р.п. и др.

Принимая во внимание перечень предлогов, приведенный в РГ-80, можно утверждать, что ЛМ, особенно продвинутых уровней общего владения языком, должны быть дополнены отглагольными, отнаречными и отыменными предлогами, при этом актуальной является задача отбора и распределения предлогов по уровням. Каковы критерии отнесения того или иного предлога к словнику ЛМ определенного уровня общего владения русским языком как иностранным? На основании анализа какого корпуса текстов могла бы быть проведена корректная поуровневая классификация предлогов?

Как известно, в практике преподавания РКИ списки лексики, необходимой тому или иному контингенту иностранных учащихся, формируются с учетом актуальных для них коммуникативных потребностей. Так, например, в Программе по русскому языку для иностранных магистрантов гуманитарных вузов и факультетов России [14] представлен значительный объем мотивированных предложных единиц, необходимых данной категории иностранных учащихся для решения их коммуникативных задач в различных сферах общения (в учебной, научной, социально-политической и социально-культурной): **в интересах** + р.п., **в отличие от** + р.п., **в память о** + п.п., **в период** + р.п., **в противовес** + д.п., **в противоположность** + д.п., **в процессе** + р.п., **в результате** + р.п., **в связи с** + т. п., **в силу** + р.п., **в соответствии с** + т. п., **в сопоставлении с** + т. п., **в течение** + р.п., **в условиях** + р.п., **в ходе** + р.п., **в целях** + р.п., **в честь** + р.п., **во избежание** + р.п.,

ввиду + р.п., **вроде** + р.п., **на основании** + р.п., **наподобие** + р.п., **независимо от** + р.п., **по поводу** + р.п., **по причине** + р.п., **по случаю** + р.п., **по сравнению с** + т. п., **под влиянием** + р.п., **под воздействием** + р.п., **под давлением** + р.п., **под действием** + р.п., **подобно** + д.п., **при поддержке** + р.п., **при содействии** + р.п., **при условии** + р.п., **с одобрения** + р.п., **с помощью** + р.п., **с разрешения** + р.п., **с согласия** + р.п., **с целью** + р.п. / + инфинитив, и т. д.

Заметим, что приведенные лексемы по-разному идентифицируются в современных толковых словарях. Например, в Толковом словаре Русского языка Российской академии наук [20] все непервообразные предлоги представлены в рамках словарной статьи, посвященной слову, выступающему производящей основой для соответствующего предлога. Так, **в интересах** + р.п. помещен в статье **интерес** с пометой *в значении предлога*, **в отличие от** + р.п. представлен в статье **отличие**, но с другой пометой — *предлог с род.п.*, а **в период** + р.п. и **с разрешения** + р.п. вообще не рассматриваются в качестве особых лексем. Между тем все они уверенно функционируют в современном русском языке как предложные единицы. Многие из них характерны прежде всего для научной речи, что и обусловило необходимость включения их в Программу для магистрантов [14]: ведь научная сфера деятельности является важнейшей для данной категории иностранных учащихся. В то же время эти предлоги активно используются в языке современных российских СМИ, поэтому часть из них целесообразно, на наш взгляд, включить и в ЛМ ВУ общего владения РКИ.

Второй актуальной проблемой в рамках темы данной статьи является, на наш взгляд, форма представления предложных единиц, включенных в словники ЛМ. Проведенный нами анализ ЛМ разных уровней позволил обнаружить целый ряд проблемных зон.

1. Прежде всего, необходимо последовательно дифференцировать различные значения предлогов. В опубликованных ЛМ это требование, как правило, выполняется. В качестве отрицательного примера приведем предлог **перед** + т. п. (ЛМ ПУ), для которого разные значения

не выделяются, при этом в переводах даны эквиваленты как для временного, так и для локативного значения: англ. **before** (временное значение), **in front of** (локативное значение); исп. **delante de**, **enfrente** (локативное), **ante** (локативное и временное), **antes** (временное). Аналогичным образом представлен также предлог **до** + р.п.

2. Требуется найти оптимальную модель представления полисемичных предлогов в ЛМ. Обычно при введении таких единиц под номерами даются вопросы и примеры, позволяющие идентифицировать значение: **в; во** 1) + в.п. *куда?* — в комнату / *когда?* — в среду; 2) + п.п. *где?* — в музее / *когда?* — в январе. Однако в ряде случаев используется другая система. Так, для предлога **по** в ЛМ ВУ дается (уже без вопросов!) три примера употребления: **по** + д.п. 1) гулять по городу, 2) учебник по физике, 3) говорить по телефону. Аналогичным образом представлен в ЛМ ПУ предлог **через**: **через** + в.п. 1) перейти через дорогу, 2) вернуться через полчаса. Для унификации представлялось бы целесообразным выбрать одну из этих моделей и последовательно ее реализовывать.

3. Релевантным для корректного представления предлогов является, на наш взгляд, понятие синтаксемы [6]. Предлоги, формирующие свободные синтаксемы, должны быть представлены отдельными словарными статьями: **в лесу**, **на столе**. Предлоги, входящие в связанные синтаксемы, целесообразно вводить при управляемом слове: *включить в тест*. Что же касается предлогов в обусловленных синтаксемах, то они должны даваться на уровне предикативных конструкций: *Свобода — в независимости*.

В этом случае дискуссионным остается вопрос, нужно ли указывать связанные употребления в основной словарной статье предлога. Так, при глаголах **играть — сыграть** (ЛМ ПУ) выделены типичные употребления 1) *во что?* в теннис и 2) *на чем?* на гитаре. Однако это никак не отмечается в словарных статьях соответствующих предлогов. В статье **интерес** (ЛМ ВУ) указывается управление *к чему?* интерес к музыке, но в статье **к** эта информация не отражена: **к, ко** + д.п. 1) идти к парку; 2) закончить работу к январю; 3) варенье

к чаю. Очевидно, словарную статью **к** необходимо соответствующим образом дополнить четвертым пунктом: 4) интерес к музыке.

4. В случае омонимии предлога и наречия целесообразно предусматривать для них в составе словника ЛМ две отдельные словарные статьи, как это принято для обычных омонимов; ср. в ЛМ ВУ двумя словарными статьями представлены **долг 1** — *брать в долг; отдавать долг* и **долг 2** только ед.ч. — *гражданский долг*. Однако в том же ЛМ ВУ для омонимов (предлога и наречия) **вокруг** принято другое решение: слово представлено как имеющее 2 значения: **вокруг 1**) + р.п. — *Вокруг дома росли ели*; 2) *Вокруг было тихо*.

5. При презентации омонимичных предлога и наречия необходимо тщательно следить за тем, чтобы лексема, представленная в ЛМ более низкого уровня, в обязательном порядке присутствовала в ЛМ более высоких уровней. В настоящее время это правило соблюдается, к сожалению, не всегда. Так, в ЛМ ПУ слово **напротив** представлено как наречие (без управления), а в ЛМ ВУ оно дается, наоборот, только как предлог: **напротив** + р.п.

Наконец, третий вопрос, неизбежно встающий при изучении мотивированных предлогов, — это вопрос об объективности определения частеречного статуса именных, глагольных и наречных сочетаний, функционирующих в качестве предлогов. Так, даже в РГ-80 не названы основания отнесения сочетаний самостоятельных частей речи к предлогам, в связи с чем не всегда можно определить, почему одни единицы упомянуты в списке предлогов (например, *в районе чего, в контрасте кому-чему, в адрес кого-чего, в сопровождении кого-чего, вне сферы чего, в сторону кого-чего, при посредстве кого-чего* и пр.), а другие, казалось бы подобные им (например, *в диапазоне чего, в контрасте с кем-чем, на контрасте чего, в лице кого-чего, от лица кого-чего, в компании с кем-чем, вне области чего, в глубину чего, при поддержке кого-чего* и т. д.), — нет. Заметим также, что некоторые из отыменных предлогов, перечисленных в РГ-80, не отмечаются в словаре Ожегова и Шведовой [19], который характеризуется гораздо более широкой трактовкой предлога.

Действительно, как определить, какие из приведенных ниже единиц относятся к предложениям, а какие нет: **заботами кого, силами кого, стараниями кого, усилиями кого, хлопотами кого, трудами кого, тщанием кого?** И как распределить по степени предложности такой ряд единиц: **в лице кого-чего, от лица кого-чего, перед лицом кого-чего, лицом к кому-чему, лицом к лицу с кем-чем, в лицо кому-чему, (не) к лицу кому-чему что/что делать, глазами кого-чего, на глазах у кого-чего?** Подробнее об этих проблемах см. в [2].

Таким образом, определение степени грамматикализации (как процесса перехода слов самостоятельных частей речи в служебные), или конкретнее — степени предложности единицы, вызывает зачастую большие трудности. Несомненно, необходимо при этом основываться на объективных инструментальных методах, позволяющих зафиксировать переход слов одной части речи в другую. Описание подобных методик в настоящее время активно ведется: поиску и формулировке объективных критериев отнесенности лексических единиц к предложениям посвящены, в частности, исследования [21; 18; 4; 13; 3; 12], однако работа в этом направлении еще не закончена. В этой связи отметим, что для прикладной лингводидактической модели языка [1] не всегда необходима строгая грамматическая стратификация единиц по частям речи, гораздо важнее оказывается реальное функционирование единиц в процессе коммуникации, что обуславливает широкий подход в лингводидактике к пониманию предложения и предложных единиц [5].

Подводя итоги, выразим надежду, что широкое профессиональное обсуждение и решение поставленных в статье проблем будет способствовать совершенствованию градуальной серии Лексических минимумов — важного компонента Российской системы тестирования по русскому языку как иностранному.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М. В. Ломоносов [15] подчеркивает, что «предлоги *вы, возъ, низъ, разъ* раздельно никогда не сочиняются с падежами имен, но всегда слитно: *выходъ, выбираю, воздаяніе, низвергаю, раздоръ*», то есть суть приставки.

² В [16] упомянуты также «сочетания (!) *начиная с и не смотря на*», для которых «возможно также употребление в функции предлога».

³ Отметим, что для *до* + р.п. в Лексических минимумах Базового, Первого и Второго уровней не выделяются различные значения.

⁴ В ЛМ БУ принята иная нумерация значений (по падежу), поэтому там выделено два пункта, отражающие на самом деле четыре значения: *куда?* и *когда?* с в.п., а также *где?* и *когда?* с п.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амiantoва Э. И., Битехтина Г. А., Всеволодова М. В. и др. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингводидактической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2001. № 6.
2. Виноградова Е. Н. Мотивированные предлоги и аналоги предлогов: пути грамматикализации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2013. № 4.
3. Виноградова Е. Н. О грамматикализации в русском языке (поле предлога) // Матер. XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сент. 2015 года) / Ред. кол. Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова и др. Т. 4. СПб., 2015.
4. Всеволодова М. В. К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 3.
5. Всеволодова М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. Русские предлоги и средства предложного типа. Матер. к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Кн. 1. М., 2013.
6. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
7. Кольовска Е. Г. Природно-ландшафтный код русской культуры в аспекте лингводидактики: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2014.
8. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение / Н. П. Андрияшина, Т. В. Козлова. 3-е изд. М.; СПб., 2006.
9. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение / Н. П. Андрияшина и др. 5-е изд., испр. и доп. СПб., 2011.
10. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / под ред. Н. П. Андрияшиной. 4-е изд. СПб., 2013.
11. Макарова О. В. Лингвометодические основы исследования архитектурно-домоустроительного кода русской лингвокультуры в целях преподавания русского языка как иностранного: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2010.
12. Панков Ф. И. Русские наречия в их соотношении с русскими предложениями // Мир русского слова. 2009. № 1.

13. Попова З. Д. Предложно-падежные формы и обороты с производными предложениями в русских высказываниях (синтаксические отношения и функции). Воронеж, 2014.

14. Программа-справочник по русскому языку для иностранных магистрантов гуманитарных вузов и факультетов России. М., 2015.

15. Российская грамматика Михайла Ломоносова печатана в Санктпетербургъ При Императорской Академии Наукъ 1755 года (<http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-3892.htm>).

16. Русская грамматика / Ред. кол. В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, С. Г. Бархударов. М., 1954.

17. Русская грамматика / Ред. кол. Н. Ю. Шведова, Н. Д. Арутюнова, А. В. Бондарко и др. М., 1980.

18. Тихомирова Т. С. Процессы адвербиализации форм творительного беспредложного в польском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.

19. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 1992.

20. Толковый словарь Русского языка Российской академии наук / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.

21. Черкасова Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967.

REFERENCES

1. Amiantova E. I., Bitekhtina G. A., Vsevolodova M. V., Klobukova L. P. (2001) Funktsional'no-kommunikativnaia lingvodidakticheskaia model' iazyka kak odna iz sostavliaiushchikh sovremennoi lingvodidakticheskoi paradigmy (stanovlenie spetsial'nosti «Russkii iazyk kak inostrannyi»). *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 9. Filologiya, no. 6. (in Russian)
2. Vinogradova E. N. (2013) Motivirovannye predlogi i analogi predlogov: puti grammatikalizatsii. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 9. Filologiya, no. 4. (in Russian)
3. Vinogradova E. N. (2015) O grammatikalizatsii v russkom iazyke (pole predloga). In: *Materialy XIII Kongressa MAPRYAL (g. Granada, Ispaniya, 13–20 sentiabria 2015 goda)*, ed. board: L. A. Verbitskaia, K. A. Rogova, T. I. Popova et al. T. 4. St. Petersburg. (in Russian)
4. Vsevolodova M. V. (2011) K voprosu ob operatsional'nykh metodakh kategorizatsii predlozhnykh edinits. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 9. Filologiya, no. 3. (in Russian)
5. Vsevolodova M. V., Kukushkina O. V., Polikarpov A. A. (2013) Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. *Materialy k funktsional'no-*

grammaticheskomu opisaniiu real'nogo upotrebleniia: Vvedenie v obektivnuiu grammatiku i leksikografiu russkikh predlozhnykh edinits. Book 1. Moscow. (in Russian)

6. Zolotova G. A. (1973) *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo iazyka*. Moscow.

7. Kolovska E. G. (2014) *Prirodno-landshaftnyi kod russkoi kul'tury v aspekte lingvodidaktiki: avtoreferat dissertatsii*. Moscow. (in Russian)

8. Andriushina N. P., Kozlova T. V. (2006) *Leksicheskii minimum po russkomu iazyku kak inostrannomu. Bazovyi uroven'. Obshchee vladenie*, 3rd ed. Moscow; St. Petersburg (in Russian)

9. Andriushina N. P. et al. (2011) *Leksicheskii minimum po russkomu iazyku kak inostrannomu. Pervyi sertifikatsionnyi uroven'. Obshchee vladenie 5th ed.* St. Petersburg (in Russian)

10. Andriushina N. P., ed. (2013) *Leksicheskii minimum po russkomu iazyku kak inostrannomu. Vtoroi sertifikatsionnyi uroven'. Obshchee vladenie. 4th ed.* St. Petersburg. (in Russian)

11. Makarova O. V. (2010) *Lingvometodicheskie osnovy issledovaniia arkhitekturno-domoustroitel'nogo koda russkoi lingvokul'tury v tseliakh prepodavaniia russkogo iazyka kak inostrannogo: dissertatsia*. Moscow. (in Russian)

12. Pankov F. I. (2009) *Russkie narechiia v ikh sootnoshenii s russkimi predlogami. Mir russkogo slova*, no. 1. (in Russian)

13. Popova Z. D. (2014) *Predlozhno-padezhnye formy i obroty s proizvodnymi predlogami v russkikh vyskazyvaniakh (sintaksicheskie otnosheniia i funktsii)*. Voronezh. (in Russian)

14. *Programma-spravochnik po russkomu iazyku dlia inostrannykh magistrantov gumanitarnykh vuzov i fakul'tetov Rossii (2015)*. Moscow. (in Russian)

15. Rossiiskaia grammatika Mikhaila Lomonosova pechatana v Sankt-Peterburge Pri Imperatorskoi Akademii Nauk 1755 goda (<http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-3892.htm>). (in Russian)

16. Vinogradov V. V., Istrina E. S., Barkhudarov S. G. (1954) *Russkaia grammatika*. Moscow. (in Russian)

17. Shvedova N. Iu., Arutiunova N. D., Bondarko A. V., eds. (1980) *Russkaia grammatika*. Moscow. (in Russian)

18. Tikhomirova T. S. (1972) *Protsesty adverbializatsii form tvoritel'nogo bespredlozhnogo v pol'skom iazyke: dissertatsia*. Moscow. (in Russian)

19. Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. (1992) *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka*. Moscow. (in Russian)

20. Shvedova N. Iu., ed. (2007) *Tolkovyi slovar' Russkogo iazyka Rossiiskoi akademii nauk/ Moscow*. (in Russian)

21. Cherkasova E. T. (1967) *Perekhod polnoznachnykh slov v predlogi*. Moscow. (in Russian)

[предлагаем вашему вниманию]

Копров В. Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков: монография. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. — 348 с.

Работа относится к теоретико-прикладному, «университетскому», направлению. На основе методики поаспектного анализа семантики и функционирования предложения по-новому решены некоторые спорные вопросы грамматики русского и английского языков. Русский синтаксис системно сопоставлен с английским в семантико-структурном и в семантико-функциональном планах. Подробно рассматриваются средства выражения субъектно-объектных, локативных, посессивных, определительных и причинно-следственных отношений, а также особенности русского официально-делового стиля на фоне английского.

Для студентов, магистрантов, аспирантов-филологов и лингвистов, специалистов по межкультурной коммуникации, переводчиков, преподавателей русского и английского языков как иностранных.



РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ В НЕЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ В УЧЕБНОМ ПОСОБИИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ (БАЗОВЫЙ УРОВЕНЬ)

SAKORNNOI KATIKA

IMPLEMENTATION OF NATIONAL-ORIENTED MODEL OF TEACHING RUSSIAN LANGUAGE
IN NON-LINGUISTIC ENVIRONMENT IN A TEXTBOOK FOR THAI STUDENTS (BASIC LEVEL)

Статья посвящена актуальной проблеме разработки национально ориентированной методики обучения русскому языку как иностранному, которая предопределяет необходимость учёта культурно-национальной специфики учащихся. Рассматриваются особенности учебного пособия по русскому языку для тайских студентов, построенного на основе национально ориентированной модели обучения в неязыковой среде.

Ключевые слова: национально ориентированная модель обучения; неязыковая среда; учебник для тайских учащихся; русский язык как иностранный (РКИ); Базовый уровень.

The article is focused on topical problem of developing a national-oriented methodology of teaching Russian language for foreigners, which is prejudged by a requirement of integration of students' cultural-national specific. The author considers specificity of a Russian language textbook for Thai students, written on the base of national-oriented model of teaching in non-linguistic environment.

Keywords: national-oriented model of teaching; non-linguistic environment; textbook for Thai students; Russian as a foreign language (RFL); basic level.



Сакорнnoi Катика

Аспирант кафедры русского языка
как иностранного и методики
его преподавания

Санкт-Петербургский
государственный университет

Университетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

► katicanew@hotmail.com

Sakornnoi Katika

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034 Russia

Научный руководитель:
д-р пед. наук,
проф. Н. Л. Федотова

В соответствии с учебными программами вузов Таиланда русский язык как иностранный (РКИ) изучается на начальном и продвинутом этапах. Тайские студенты-филологи, получая степень бакалавра, обязаны сдать ТРКИ-I.

Одна из основных проблем обучения тайцев русскому языку заключается в том, что в программах таиландских высших учебных заведений не предусматривается достаточного аудиторного времени для эффективного овладения изучаемым языком. У студентов первого курса занятия по русскому языку только 2 академических часа в неделю. На втором курсе на изучение русского языка отводится 6 академических часов в неделю, но при этом добавляется большое количество специальных дисциплин, из-за чего почти не остаётся времени на выполнение домашнего задания по русскому языку, что отрицательно сказывается на результатах обучения. Кроме того, по мнению тайских студентов, русский язык, в отличие, например, от английского языка, чрезвычайно сложен для усвоения (например, техника письма, падежные формы, виды глагола, пунктуация и др.).

Оптимизация процесса обучения тайских студентов и повышение их мотивации к изучению русского языка возможны в том случае, если будут не только пересмотрены содержание и структура образовательного процесса, но и осуществлено его методическое обновление. В связи

с этим становится очевидной необходимость разработать и внедрить в практику средства обучения, с помощью которых можно обеспечить качественное выполнение требований к Базовому уровню владения РКИ.

Для решения данной проблемы предлагается уточнить некоторые положения национально ориентированной методики преподавания русского языка как иностранного и разработать модель обучения, учитывающую культурно-национальную специфику тайских учащихся. Как представляется, благодаря такому подходу у тайских студентов значительно повысится уровень владения русским языком.

Для теоретического обоснования национально ориентированного обучения РКИ в неязыковой среде необходим достаточный объем знаний о национально-культурных особенностях данного контингента учащихся, что должно успешно влиять на процесс обучения в целом. Таким объемом знаний располагают прежде всего преподаватели-русисты, носители культуры учащихся.

При разработке учебного пособия по русскому языку для тайских учащихся мы опирались на национально ориентированную модель обучения русскому языку в неязыковой среде*, которая, по нашему мнению, должна включать 5 аспектов: рефлексивно-сопоставительный, учебный, познавательный, воспитывающий и развивающий.

Рассмотрим, как реализуются названные аспекты в учебном пособии «Бангкок — Питер», созданном нами для тайских студентов, которые получают филологическое образование на родине.

Рефлексивно-сопоставительный аспект. Данный аспект напрямую связан с принципом учета родного языка учащихся. Необходимость опоры на этот принцип обусловлена неоспоримостью факта, на который обратил внимание Л. В. Щерба, — невозможность изгнания родного языка из сознания учащихся на уроках иностранного языка. Признание этого факта обуславливает потребность в создании правил не изучаемого языка, а правил, построенных на сопоставлении иностранного языка и родного языка учащихся [12: 343].

В. Г. Костомаров и О. Д. Митрофанова, анализируя особенности формирования двуязычия, описали ситуации, когда обращение к родному языку учащихся является вполне оправданным [4]:

1. *Сопоставление изучаемого и родного языка учащихся в учебном процессе с целью выявления сходства и различий на разных языковых уровнях, что позволяет прогнозировать и предотвращать межъязыковую интерференцию и т. д.*

2. *Учет родного языка учащихся при создании национально ориентированных средств обучения.*

3. *Применение родного языка на практических занятиях по РКИ для решения организационных задач, при объяснении грамматического материала, семантизации лексики и т. п.*

4. *Ориентация на родной язык учащихся при адаптации типовых учебных материалов для студентов разных национальностей.* В случае использования универсальных учебников русского языка преподаватель, учитывая когнитивно-психологические особенности усвоения материала данным контингентом учащихся, определяет, в какой последовательности и в какой форме должны быть представлены языковые явления изучаемого языка, какими должны быть комментарии к текстам, какие дополнительные упражнения необходимо включить с целью повышения эффективности овладения иноязычными навыками и умениями.

Е. А. Осинцева-Раевская считает возможным дополнить предложенный В. Г. Костомаровым и О. Д. Митрофановой список ситуаций обращения к родному языку учащихся еще одной: *использование иностранного языка для ознакомления со страноведческой и лингвострановедческой информацией.* Свою позицию автор обосновывает тем, что «на начальном этапе, когда уровень владения русским языком еще недостаточен для восприятия такой информации, преподаватель знакомит студентов с русской культурой через предъявление материала, прежде всего текстового, на их родном языке или языке-посреднике (желательно с параллельным введением русской безэквивалентной лексики, названий реалий русской культуры и т. д.)» [8: 98]. Однако данное дополнение представляется избыточным. Во-первых, практика показывает, что иностранные студенты (в том числе и тайские учащиеся), которые привыкли искать любую интересующую их информацию в Интернете, могут самостоятельно, на своем родном языке, по собственному желанию ознако-

миться с фактами и явлениями русской действительности во внеучебное время. Во-вторых, именно безэквивалентная лексика и названия реалий русской культуры никак не связаны с родным языком иностранных учащихся и вряд ли их понимание следует проверять с помощью перевода, как предлагает Е. А. Осинцева-Раевская: «...если контролируется понимание аудио- или письменного текста, допустимы такие виды заданий, как ответ на вопросы по содержанию или передача содержания на родном языке учащихся» [Там же: 100].

Основываясь на новейших исследованиях в области преподавания РКИ, считаем методически целесообразным использовать термин «принцип учета родной культуры учащихся» в отношении целостного учебного процесса. Если рассматривать культуру как многомерный сложный феномен, как «все то, что создано людьми; как ценностное образование; как совокупность норм; как символический аспект современной жизни и деятельности людей; как технологии адаптации человека к окружению; как способность трансляции социально значимой информации; как коммуникативные системы в обществе и т. п.» [7: 14], то язык носителей любой национальной культуры является ее обязательной составляющей (коммуникативная система). В том случае, когда необходимо сопоставление систем контактирующих языков (например, для прогнозирования ошибок в русской речи учащихся и отбора языкового материала), можно использовать термин «принцип учета родного языка учащихся».

В национально ориентированном пособии «Бангкок — Питер» тайский язык и факты тайской культуры привлекаются в следующих случаях:

- 1) для отбора содержания обучения тайцев русскому языку (определение наиболее трудных для усвоения грамматических тем, подбор материала для фонетических упражнений, отбор текстов для чтения и аудирования и т. д.);
- 2) для лингвистического комментария, используемого при введении новой грамматической темы (по желанию преподавателя или студентов);
- 3) для семантизации лексики;
- 4) для вводной лекции, посвященной решению организационных вопросов (учебный план, построение

курса, система оценивания, содержание итогового теста и т. д.);

- 5) при самостоятельном переводе лексики, которая встречается в текстах для домашнего задания, на тайский язык.

Во всех остальных ситуациях преподаватель и тайские студенты пользуются для общения только русским языком.

В каждом уроке пособия «Бангкок — Питер» предлагается два текста для чтения, посвященных одной теме и построенных с использованием одних и тех же грамматических конструкций. Например, в рамках урока «Известные люди» предлагаются тексты «Король Таиланда» и «В. В. Путин» (конструкции *родился где? учился где? занимается чем? увлекается чем?*). Поскольку в одном случае предлагается известная учащимся информация о своей стране, но на русском языке, а в другом — наиболее интересная для тайцев информация о России, то благодаря таким текстам студенты, овладевая рефлексивными умениями, лучше осмысливают и усваивают и языковой, и речевой материал.

Учебный аспект предполагает опору на принцип взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности (РД) на изучаемом языке. Как известно, в основе этого принципа «лежит организация учебного процесса, обеспечивающая формирование речевых умений и навыков в основных видах речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо) во взаимодействии друг с другом» [1: 36]. Каждый урок учебного пособия «Бангкок — Питер» построен таким образом, чтобы формировались и развивались умения в разных видах РД. Например: Урок «Путешествие»: *чтение* — текст «Путешествие моей мечты», *аудирование* — кинотекст «Путешествие в Европу», *письмо* — «Реклама тура по Таиланду», *говорение* — «Рассказ о путешествии» (презентация).

Кроме того, мы сочли необходимым «включение реальных тем, ситуаций, проблем в обучение, приближение учебной деятельности к естественным условиям общения» [2]. Это означает, что все аспекты русского языка оценивались с точки зрения их необходимости для выраже-

ния той или иной мысли. Так, при изучении темы «Город» студенты знакомятся с такими структурами русского предложения, как: *Я живу в Бангкоке. Это мой любимый город. В Бангкоке находится Королевский дворец*, и т. п.

В учебное пособие включены упражнения, максимально воссоздающие реальные ситуации общения, которые являются актуальными для тайских студентов. Это касается не только условно-коммуникативных упражнений, обеспечивающих владение умениями во всех видах РД, но и упражнений, формирующих аспектные навыки и направленных на овладение средствами и способами осуществления речевой деятельности. Например, предлагаются следующие условно-коммуникативные задания (ситуативные, репродуктивные, описательные, дискуссионные, композиционные, инициативные) (см.: [9; 10]):

*«Давайте поговорим о...», «Расскажите о...», «Скажите, как Вы думаете...», «Напишите письмо русскому другу о...» и т. д. К языковым упражнениям относятся: «Составьте предложения, используя данные ниже слова/словосочетания и глаголы **играть** или **заниматься**», «Вместо пропусков вставьте подходящий по смыслу глагол. Трансформируйте полученные предложения в вопросительные со словом **Зачем?**», «Прочитайте текст о традиционных тайских видах спорта. Поставьте вопросы к каждому предложению».*

Познавательный аспект. Данный аспект должен обеспечиваться аутентичными учебными материалами. По определению Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина, аутентичными называются «материалы для изучающих язык, которые используются в реальной жизни страны. К ним относятся газеты и журналы, билеты на транспорт, в театр, письма, реклама, программы радио и телевидения, объявления и др.» [1: 25]. Мы полагаем, что можно согласиться только с примерами аутентичных материалов. Само определение нуждается в уточнении: аутентичные обучающие материалы — это тексты и наглядность, предназначенные для носителей данного языка, но пригодные для использования в учебных целях.

Методисты по-разному относятся к использованию аутентичных текстов на Элементарном и Базовом уровнях. Существует точка зрения, что упрощение языка в соответствии с нуждами слу-

шающего/пишущего является частью естественной коммуникации, следовательно, упрощенный текст, подвергшийся адаптации, не может рассматриваться как «неаутентичный». На этом основании некоторые авторы считают, что «допускается методическая обработка текста, не нарушающая его аутентичности, как и специальное составление текста в учебных целях» [6].

Однако такая позиция представляется нам весьма спорной. Как показывает анализ учебных пособий по РКИ, во многих из них «специально составленные в учебных целях тексты» воспринимаются носителями русского языка как неестественные, а иностранцам кажутся, по меньшей мере, «странными». Так, в статье Н. В. Крашевской «Как это делается: реплика, диалог, пересказ в аспекте обучения языку» приводится пример смоделированного диалога:

- Добрый день.
- Здравствуйте.
- Скажите, откуда вы? Вы из Англии?
- Да, я из Англии.
- Как ваша фамилия? Ваша фамилия Браун?
- Да, моя фамилия Браун. А как вас зовут?
- Меня зовут Алексей.
- Очень приятно.
- Мне тоже... Это ваш чемодан?
- Да, это мой чемодан. Скажите, Алексей, у вас есть часы?
- Да, конечно, у меня есть часы.
- Сколько сейчас времени?
- Сейчас одиннадцать тридцать [5].

По справедливому замечанию Н. В. Крашевской, «диалог, который, на первый взгляд, кажется простейшим по своей смысловой структуре, связанной с ситуацией, достаточно сложен» [Там же]. Сложность заключается в том, что учащийся даже на родном языке не знает, как следует отреагировать на ту или иную реплику собеседника (*Скажите, у Вас есть часы?*), не понимает связей между вопросами (*– А как Вас зовут? — Это Ваш чемодан?*). В приведенном выше диалоге не учтены ни социальные роли говорящих; ни место, где люди общаются; ни действия или намерения участников диалога; ни возможные особые обстоятельства, в которых оказываются собеседники. При подготовке упражнений для развития диалогических умений мы попытались принять

во внимание все названные особенности учебного диалога.

В пособии «Бангкок — Питер» использованы аутентичные тексты для чтения и тексты для аудирования («Три зимних праздника в России», «Азбука спорта. Игра в городки»), графический интерфейс социальной сети Вконтакте, поздравительные открытки и т. д. При работе с аутентичными текстами для чтения предусматривается предварительное снятие лексико-грамматических трудностей путем «культурной адаптации»: редуцирование, не нарушающее логики текста и не влияющее на его общий смысл (например, исключение иллюстративного материала, некоторых фамилий, названий компаний или фирм); наглядность, перевод некоторых слов или выражений.

Предлагаемые в пособии аутентичные аудиотексты, как правило, предназначены для самостоятельной работы, поэтому у студентов есть возможность прослушать текст столько раз, сколько им необходимо для его понимания, выписать новые слова и найти их перевод. Кроме того, адекватному восприятию такого текста способствует видеоряд, сопровождающий текст.

Воспитывающий аспект. Учебный материал (тексты, материал упражнений) должен так или иначе воспитывать поликультурную языковую личность. Г. Б. Кучикова рассматривает поликультурную личность в современном образовательном пространстве как «творческий, гуманистический, билингвальный, этнотолерантный субъект со сформированными культурообразовательными ценностями, обладающий культурной компетенцией, самоидентификацией, навыками интеркультурной коммуникации в ситуации культурной плюралистической среды, адаптации к иным культурным ценностям, способный создавать материальные и духовные богатства» (цит по: [3]).

Применительно к тайским студентам, изучающим русский язык в неязыковой среде (мноэтническое образовательное пространство), такое понимание поликультурной личности приводит к необходимости привлекать учебные материалы, обеспечивающие формирование культурологической и социокультурной компетенций

(знания об истории России, о коммуникативном поведении носителей русского языка, о их духовных ценностях и т. п.) и навыков межкультурной коммуникации (устной и письменной).

Думается, следует говорить не о присвоении чужой (в данном случае русской) культуры тайскими студентами, а о ее адекватном восприятии и понимании фактов и явлений, важных для менталитета русскоязычных. В связи с этим для учебного пособия мы отобрали тексты о национальных российских праздниках, о народных играх, о русской кухне, о предпочтениях в проведении свободного времени, русские песни и т. д. Использование таких текстов позволяет формировать личность, которая готова к межкультурному взаимодействию, и, сохраняя самоидентичность, стремится к пониманию других этнокультур и уважает другие этнические общности [11].

Кроме того, у тайских студентов есть прекрасная возможность познакомиться с русскими туристами, которых достаточно много в Таиланде, и подружиться с людьми, близкими по возрасту, интересам, занятиям. Впоследствии тайцы могут общаться с русскими друзьями по Скайпу, обмениваться важной для них информацией, видеофайлами и фотографиями.

Развивающий аспект. Общеизвестно, что при обучении неродному языку необходимо учитывать коммуникативные потребности и индивидуальные особенности каждого учащегося. По определению «Нового словаря методических терминов и понятий», принцип индивидуализации обучения предполагает «учет индивидуальных особенностей учащихся в процессе занятий и внеаудиторной работы» [1: 77]. Цель этого принципа — предложить учащимся выбор тех стратегий овладения русским языком, которые обучаемый считает наиболее оптимальными при изучении иностранного языка. В учебное пособие по русскому языку для тайских учащихся включены такие задания, как: «Закончите предложения», «Восстановите начало предложений», «Напишите русскому другу о своем родном городе» и т. д. При выполнении подобных заданий раскрывается личность учащегося, его мировоззрение, интересы. Наш опыт показывает,

что тайские студенты нуждаются в овладении мнемоническими приемами для запоминания большого количества русских лексических единиц, в развитии логического мышления (навыков установления причинно-следственных связей), ассоциативного мышления на русском языке. С этой целью используются задания для самостоятельной работы: «Подготовьте презентацию на тему...», «Сделайте своими руками открытку и поздравьте русского друга с Днем рождения» и др.

Таким образом, мы предприняли попытку разработать учебное пособие по русскому языку для тайских студентов-филологов, обучающихся в вузах Таиланда, основанное на национально ориентированной модели обучения в неязыковой среде, которая представляет собой единство взаимосвязанных аспектов: рефлексивно-сопоставительного, учебного, познавательного, воспитывающего и развивающего.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При разработке национально ориентированной модели обучения мы опирались на концепцию Е. И. Пассова, изложенную в монографии «Методика как наука будущего. Краткая версия новой концепции». СПб., 2015.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э. Г., Шукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009.
2. Акишина А. А., Каган О. Е. Учимся учить: для преподавателя русского языка как иностранного. М., 2002.
3. Батарчук Д. С. Психолого-педагогическое сопровождение развития поликультурной личности в условиях полиэтнической образовательной среды. — URL: <http://psibook.com/articles/psihologo-pedagogicheskoe-soprovozhdenie-razvitiya-polikulturnoy-lichnosti-v-usloviyah-polietnicheskoy-obrazovatelnoy-sredu.html> Дата обращения: 07.12.15
4. Костомаров В. Г., Митрофанова О. Д. Методика как наука. Ст. 2: Методическая проблематика двуязычья // Русский язык за рубежом. 1979. № 6. С. 67–73.
5. Крашевская Н. В. Как это делается: реплика, диалог, пересказ в аспекте обучения языку / Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Матер. XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сент. 2015 года) / Ред. кол.: Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова и др. В 15 т. Т. 10. Направление 9. Методика преподавания русского языка как иностранного, родного и неродного. СПб., 2015. С. 570–575.
6. Носонович Е. В. Методическая аутентичность в обучении иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2000. № 1. С. 11–16.
7. Орлова Э. А. Динамика культуры и целеполагающая активность человека // Морфология культуры. Структура и динамика. М., 1994.
8. Осинцева-Раевская Е. А. Роль и место родного языка при изучении русского языка как иностранного // Вестн. Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. 2014. Вып. 5. С. 96–102.
9. Пассов Е. И. Коммуникативные упражнения. М., 1967.
10. Скалкин В. Л. Коммуникативные упражнения на английском языке: пос. для учителя. М., 1983.
11. Формирование толерантной личности в полиэтнической образовательной среде: учеб. пособие / В. Н. Гуров, Б. З. Вульфсон, В. Н. Галяпина и др. М., 2004.
12. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 2004.

REFERENCES

1. Azimov E. G., Shchukin A. N. (2009) Novyi slovar' metodicheskikh terminov i poniatii (teoriia i praktika obucheniia iazykam). Moscow. (in Russian)
2. Akishina A. A., Kagan O. E. (2002) Uchimsia učit': dlia prepodavatelya russkogo iazyka kak inostrannogo. Moscow. (in Russian)
3. Batarчук D. S. Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie razvitiia polikul'turnoi lichnosti v usloviiakh polietnicheskoi obrazovatel'noi sredy. URL: <http://psibook.com/articles/psihologo-pedagogicheskoe-soprovozhdenie-razvitiya-polikulturnoy-lichnosti-v-usloviyah-polietnicheskoy-obrazovatelnoy-sredu.html> (in Russian)
4. Kostomarov V. G., Mitrofanova O. D. (1979) Metodika kak nauka. St. 2: Metodicheskaiia problematika dviuiazych'ia Russkii iazyk za rubezhom, no. 6, p. 67–73. (in Russian)
5. Krashevskaiia N. V. (2015) Kak eto delaetsia: replika, dialog, pereskaz v aspekte obucheniia iazyku. In: Russkii iazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury: Materialy XIII Kongressa MAPRiAL (g. Granada, Ispaniia, 13–20 sentiabria 2015 goda), in 15 vols, vol. 10. Napravlenie 9. Metodika prepodavaniia russkogo iazyka kak inostrannogo, rodnogo i nerodnogo. St. Petersburg, 2015, p. 570–575. (in Russian)
6. Nosonovich E. V. (2000) Metodicheskaiia autentichnost' v obuchenii inostrannym iazykam. Inostrannye iazyki v shkole, no. 1, p. 11–16. (in Russian)
7. Orlova E. A. (1994) Dinamika kul'tury i tselepolagaiushchaia aktivnost' cheloveka. In: Morfologiia kul'tury. Struktura i dinamika. Moscow.
8. Osintseva-Raevskaiia E. A. (2014) Rol' i mesto rodnogo iazyka pri izuchenii russkogo iazyka kak inostrannogo. Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta, issue 5, p. 96–102. (in Russian)
9. Passov E. I. (1967) Kommunikativnye upravneniia. Moscow. (in Russian)
10. Skalkin V. L. (1983) Kommunikativnye upravneniia na angliiskom iazyke: pos. dlia uchitel'ia. Moscow. (in Russian)
11. Gurov V. N., Vul'fon B. Z., Galiapina V. N. et al. (2004) Formirovanie tolerantnoi lichnosti v polietnicheskoi obrazovatel'noi sredy: ucheb. posobie. Moscow. (in Russian)
12. Shcherba L. V. (2004) Iazykovaia sistema i rechevaia deiatel'nost'. Moscow. (in Russian)

И. Э. Файман, И. А. Бойцов

МЕЖДУ ПРАГМАТИЗМОМ И ЖЕЛАНИЕМ ОБЩАТЬСЯ (О МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ПРИБАЛТИКИ)

ILANA E. FAIMAN, IVAN A. BOITSOV

BETWEEN PRAGMATISM AND DESIRE TO COMMUNICATE: ON MOTIVATION
TO LEARN RUSSIAN IN EASTERN EUROPE AND BALTIC COUNTRIES

В статье содержится описание мотивации к изучению русского языка в Эстонии и Венгрии. На основании независимо друг от друга проведённых исследований и в ходе последующего анализа авторами было установлено, что основными мотивами разных категорий учащихся-иностранцев являются прагматические и коммуникационные мотивы. Сделанный вывод позволяет предположить, что сходные мотивы имеются у большинства иностранных студентов Восточной Европы и Прибалтики, изучающих русский язык вне языковой среды. Выявленные мотивы могут быть учтены стратегически, могут определять весь процесс обучения русского языка и касаться разных его аспектов: отбор учебного материала, система обучения, методы и формы преподавания.

Ключевые слова: мотивы; мотивация; социокультурологическое анкетирование; имиджевая характеристика; стереотипизация.

The article describes the motivation for learning Russian language in Estonia and Hungary. Independently conducted studies and the analysis of their results prove that main motives of different categories of foreign students are pragmatic and communication ones. The authors suggest that the majority of foreign students studying Russian outside the language environment have similar motives. These reasons should be taken to consideration in the future, and should determine the whole process of teaching Russian and be regarded as decisive in selecting educational material, system, forms and methods of teaching.

Keywords: motives; motivation; sociological survey; image characteristics; stereotyping.



Илана Эдуардовна Файман

Лектор Института гуманитарных наук
Таллинский университет
Таллин, Эстония
► ilana.faiman@tlu.ee

Иван Арсентьевич Бойцов

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского
как иностранного и методики
его преподавания
Санкт-Петербургский
государственный университет
Университетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия
► i.boitsov@spbu.ru

Ilana Faiman

Tallinn University
Narva mnt 25,
Tallinn, 10120, Estonia

Ivan A. Boitsov

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034 Russia

На рубеже 1990-х — 2000-х гг. в связи с общественно-политическими изменениями в восточно-европейских странах — Польше, Словакии, Чехии, Румынии и др., а также в прибалтийских государствах — Латвии, Эстонии, Литве — произошло заметное падение интереса к изучению русского языка среди всех категорий учащихся. Следствием этого процесса явилось то, что из литовской, венгерской, чешской, словацкой и польской лингвистики ушли многие видные русисты. Значительная часть специалистов была вынуждена переквалифицироваться и начать преподавание более востребованных в этих странах языков (государственные языки, а также английский, немецкий и другие). Снижился методический уровень преподавателей-словесников, многие из которых длительное время не имели возможности выезжать в Россию на курсы повышения квалификации. Это, в свою очередь, привело к тому, что часть учителей недостаточно знакома с новыми подходами и тенденциями в преподавании РКИ, не в должном объеме владеет знаниями о важнейших страноведческих и культурологических реалиях страны языковой метрополии. Это отрицательно сказались на качестве и эффективности преподавания русского языка (см., напр.: [3]).

В настоящей статье авторами, имеющими значительный и разнообразный опыт преподавания русского языка в Эстонии и Венгрии, харак-

теризуется мотивация к изучению русского языка, сложившаяся в этих странах. Проведённые исследования проходили независимо друг от друга с использованием различных методик, однако в результатах оказалось много сходного. Обработка и последующий анализ данных, собранных в странах, имеющих собственную историю преподавания и изучения русского языка¹, обнаруживают общие тенденции и позволяют говорить об общих чертах в описании мотивации к изучению русского языка в странах Восточной Европы и Прибалтики. Общей чертой, объединяющей названные страны, является снижение мотивации.

Рассмотрим последовательно ситуацию преподавания русского языка, сложившуюся в Эстонии и Венгрии.

1. О понятиях «мотив» и «мотивация»

Переходя к анализу мотивации к изучению русского языка в Эстонии и Венгрии, необходимо обратиться к терминам «мотив» и «мотивация». В психологии под термином «мотив» принято понимать «внутреннее побуждение к действию на основе личного интереса», внутреннее психическое состояние человека, которое связано с объективными характеристиками предмета, на который направлена активность [4: 30]. В РКИ термин «мотив» трактуется как «побуждение к деятельности, связанное с удовлетворением потребностей человека, <...> вызывающее активность субъекта ...» [2: 162].

В работах методистов мотивация связывается с делением мотивов на внутренние и внешние (см.: [6]). Внешние мотивы — это те, которые возникают вне пределов субъекта (СМИ, общественное мнение, сложившиеся стереотипы, ценности общества и др.). Внутренние мотивы — это мотивы, которые возникают в человеке под воздействием собственных мыслей, раздумий, стремлений, потребностей и эмоциональных переживаний.

Термин **мотивация** в современной российской методической литературе понимается по-разному:

- 1) совокупность внешних факторов, вызывающих учебную активность [5];
- 2) совокупность мотивов [1];
- 3) совокупность мотивов и факторов, влияющих на активизацию этих мотивов [10].

Можно утверждать, что определение мотивации, данное Л. Шепелевич, отражает суть явления, т. к. оно включает соотношение мотива и мотивации. Согласно её определению, мотивация — это комплекс мотивов и совокупность факторов, приводящих их в активное состояние.

Подчеркнём, что в основе мотивации лежат мотивы. Соединение мотивов с факторами, которые активизируют, придают им силу и устойчивость, увеличивают их количество, создают мотивацию, которая выступает как необходимое условие, способствующее достижению эффективности обучения. Мотивация, в свою очередь, активизирует учебную деятельность.

2. Типология мотивов изучения русского языка

Исследователи выделили несколько типологий мотивов изучения иностранного языка. Одна из них, наиболее авторитетная, принадлежит канадским лингвистам Гарднеру и Ламберту [11], изучавшим отношение к французскому языку и его пользователям в Канаде. Им удалось обозначить два вида мотивов к изучению языка:

- 1) инструментальные (мотивы, нацеленные на изучение языка как инструмента);
- 2) интегративные (мотивы, связанные с интересом к стране, её культуре и людям, говорящим на данном языке, и собственно к процессу изучения).

Согласно типологии мотивов изучения РКИ В. Молчановского и Л. Шепелевич [7], выделяются следующие группы мотивов:

- 1) эмоционально-эстетические мотивы (отношение к русскому языку и России);
- 2) прагматические мотивы (желание получить образование или работу в России);
- 3) дидактические (увлечение процессом учения);
- 4) познавательные (увлечение содержанием учения);
- 5) коммуникативные (желание общаться с русскими или на русском языке);
- 6) мотив принуждения и обязательности (отсутствие выбора или необходимость сдать экзамен).

3. Мотивация к изучению русского языка в Эстонской республике

С целью изучения мотивации был осуществлён опрос студентов, изучающих русский язык как иностранный в Центре изучения языков Таллинского университета. Всего в опросе

участвовало 120 студентов, для которых русский язык как учебный предмет не является обязательным. В качестве респондентов были выбраны эстонские студенты дневной формы обучения. Полученные сведения обрабатывались с помощью количественного метода. Анонимный опрос был проведён в электронном варианте. Это была анкета, включающая утверждения и вопросы закрытого типа.

В анкете, распространённой среди студентов, был вопрос закрытого типа с вариантами ответов, выявляющих мотивы изучения студентами русского языка. Вопросы были сформулированы в соответствии с типологией В. Молчановского — Л. Шепелевич. Варианты ответов предлагались следующие:

1. Мне всегда нравился русский язык.
2. Мне необходим русский язык для того, чтобы найти хорошую работу.
3. Мне нужно получить необходимое количество пунктов.
4. Мне хочется общаться со знакомыми и родственниками по-русски.
5. Мне нравится учить язык, всё равно какой.
6. Мне нравится выполнять задания по иностранному языку.

Студенты должны были против каждого предложенного утверждения поставить цифры от 1 (самый высокий) до 6 (самый низкий), исходя из собственных предпочтений.

Результаты, полученные в ходе проведённого опроса, наглядно демонстрируют, что при выборе русского языка в качестве иностранного преобладают прагматические мотивы: желание получить лучшую работу и укрепить свои позиции на рынке труда. Данные, полученные при опросе, соответствуют замечанию, сделанному А. Л. Бердичевским, о том, что знание одного английского языка в современном мире является недостаточным, зачастую иностранец стоит перед выбором: какой еще иностранный язык выбрать для изучения. Ученый отмечает, что в наше прагматическое время иностранный язык должен прежде всего приносить *личную* пользу (читай: материальную), выгоду [4: 8–10].

В числе ведущих мотивов, как видно на диаграмме, оказывается значимым коммуникацион-

ный мотив или потребность «применения языка в практической деятельности, связанная с коммуникативными потребностями личности» [Там же: 12–14]. Потребность общаться с русскоговорящими родственниками, знакомыми, со своими сверстниками формирует данный мотив. Эмоциональные мотивы (любовь к России, русскому языку, интерес к русской культуре) у эстонских студентов выражены весьма слабо.

4. Мотивация к изучению русского языка в Венгрии

Обратимся к данным, описывающим мотивацию к изучению русского языка в Венгрии. В качестве методики исследования был выбран метод социокультурологического анкетирования слушателей курсов русского языка в Венгрии, проведённого с учащимися, которые только приступили к изучению русского языка или уже изучали его непродолжительное время в условиях венгерской языковой среды. Все анкетированные слушатели (общее количество анкетированных составило около 500 человек) были разделены на 3 возрастные группы: 15–25 лет, 26–40 лет и 41–60 лет. Данные, полученные в ходе исследования, позволили выделить основные черты для описания мотивации. При общем интересе к русской культуре большинство гимназистов и студентов выбирает русский язык, исходя из прагматических мотивов (как и эстонские студенты). Русский язык этой группе слушателей необходим для сдачи государственного экзамена по русскому языку и получения необходимого количества баллов для поступления в престижные вузы страны или за рубежом. Выбор обусловлен желанием увеличить заработную плату и повысить свою конкурентоспособность. Значимым для венгров является овладение языком как необходимым инструментом получения образования в России.

Важным для слушателей курсов русского языка всех возрастов является коммуникативный мотив (как и для эстонских студентов). Причём при коммуникации на русском языке венгры позиционируют себя в большей мере как реципиенты: используют язык для наблюдения за культурной и политической жизнью посредством телевидения, а также других (правые, левые, центрист-

ские, националистические и др.) СМИ. Тем не менее первым в выборе указанных мотивов остаётся русская культура. С одной стороны, такой интерес является естественным сопровождением процесса изучения любого языка. Начиная изучать другой язык, человек открывает для себя новый мир. Контакт с миром иной культуры, новизна восприятия и последующий анализ чаще всего окрашены положительными эмоциями и отмечены повышением мотивации. С другой стороны, тот факт, что тема культуры выходит в результатах опроса на первое место, говорит также и о том, что имидж современной России связывается у венгров с её культурным наследием.

Более подробно со структурой мотивации выбора русского языка можно ознакомиться, анализируя информацию, представленную в табл. 1.

Таблица 1. Мотивы (сравнительные данные в %)

Высокооплачиваемая работа в России	3,5
Обучение в России	5,5
Деловые контакты	6
Для работы (в сферах туризма, образования, бизнеса и т. п.)	9
Возможность читать русскую литературу, смотреть фильм в оригинале	10
Личный интерес (общение с русскими друзьями, переписка по Интернету и т. п.)	14
Туризм, поездки в Россию	15
Возможность сдать государственный экзамен по русскому языку в Венгрии	16
Интерес к русской культуре	21

56% опрошенных венгров, молодые люди от 18 до 40 лет, считают, что русские отрицательно повлияли на венгерскую историю. «Детерминированное и на дальней (исторической) и на короткой (политической) перспективах, усугубленное многовековыми заблуждениями, предубеждениями и искажениями, всегда — независимо от политической ориентации — одностороннее мнение о русских сегодня свободно от всех крайностей, свидетельствует об открытости, носит, в конечном счете, реалистический и прагматический характер», — приходит к нетешительному выводу профессор Д. Свак [9: 9].

Любопытно и другое наблюдение, проведенное русистами Будапештского университета

им. Л. Этвеша и описанное Д. Сваком [Там же: 10]. Респондентам предлагалось по семибалльной шкале оценить различные народы, а затем по той же шкале дать оценку чертам характера представителей этих национальностей. Полученные данные представлены в табл. 2 и 3.

Таблица 2. Характерные черты венгров и русских (по семибалльной шкале)

	1981		1991		2010	
	венгры	русские	венгры	русские	венгры	русские
Честность	5,42	6,02	4,36	4,17	3,83	4,02
Ум	5,73	5,63	4,91	4,14	5,02	4,51
Патриотичность	5,92	6,57	5,12	5,18	4,78	5,68
Образованность	5,42	5,17	4,72	3,95	4,37	3,95
Популярность	5,26	4,97	4,5	3,5	3,00	3,15
Сознательность	5,57	6,03	5,04	4,64	4,71	5,44
Интерес к политике	5,27	5,98	4,8	4,87	4,39	4,50
Доброжелательность	5,99	5,74	5,28	4,45	4,34	4,71
Трудолюбие	4,49	5,62	4,08	3,9	3,90	4,24
Чувство юмора	5,82	4,25	5,47	3,87	4,98	4,54

Таблица 3. Оценка отношения к народам (по семибалльной шкале)²

	1981	1991	2010	2015*
Американцы	5,3	4,9	4,05	4,2
Англичане	5,6	5,2	5,17	4,74
Французы	5,5	4,9	4,37	4,11
Китайцы	4	4,4	3,54	5,21
Венгры	5,5	4,7	4,51	5,1
Немцы	5,2	4,9	4,76	4,5
Русские	5,6	4,2	4,54	3,9
Румыны	4	3,6	2,90	2,48

Автор работ по русской культуре А. Силади подчеркивает, что «для обычного и типичного венгра образ России — это пока еще далеко не научный образ, не концептуальная конструкция,

а лишь продукт политтехнологии, в первую очередь — СМИ, продукт современной мифотворческой деятельности. Образ России существует только как отрицательный феномен, как отклонение от нормы, как нарушение правил: он представляет собой интерес лишь как чистая негативность, иначе он не интересен. Интересна только „нескучная Россия“, только Россия скандалов, Россия постоянных катастроф и региональных войн» [8].

Итак, мы проанализировали основные аспекты, связанные с мотивацией к изучению русского языка в Эстонии и Венгрии. Характер общих тенденций — падение интереса, наличие в качестве ведущих прагматического и коммуникативного мотивов, сохранение уважительного отношения к русской культуре и литературе — позволяет предположить, что подобная картина с небольшими поправками имеет место в большинстве стран Восточной Европы и Прибалтики. Нет причин полагать, что в ближайшее время произойдёт демонтаж большинства распространённых и привычных для современного венгра (чеха, словака, эстонца, поляка и др.) негативных стереотипов России. Не вызывает сомнений и то, что к их числу добавятся новые, отражающие непростые реалии перемен в нашей стране и за границей (события на Украине, в Сирии, Ираке и Афганистане).

Негативные представления будут сохраняться до тех пор, пока зарубежная пресса не примет в расчёт главное: сегодняшняя Россия *другая*, и россияне все *разные*. И на этом пути действительно трудно переоценить роль русского языка, являющегося важнейшим источником и средством получения объективного представления о России и богатейшем её культурном наследии.

В заключение повторим: важнейшим механизмом распространения русского языка и русской культуры является формирование мотивации инофона, так называемого «запускового механизма» (И. Зимняя), создающего условия для активного включения в процесс изучения иностранного языка.

Проведённые исследования мотивации к изучению русского языка в двух странах —

Эстонии и Венгрии — выявляют несомненные сходства. Основным побудителем к изучению русского языка в Венгрии, как и в Эстонии, является прагматический мотив, стремление повысить свои карьерные позиции и, в конечном итоге, улучшить качество своей жизни и материальное благополучие своей семьи. Однако эти мотивы имеют у изучающих русский язык в Эстонии и Венгрии разное выражение. Выбирая русский язык, эстонские студенты усиленно готовятся к своей будущей профессиональной деятельности. В ходе изучения они овладевают инструментом для расширения спектра возможных услуг (русскоговорящий сегмент населения страны и туристы). Для венгров при выборе языка изучения этот мотив также становится основным, однако добавляется желание получить образование в России, познакомиться с русскими людьми, получать информацию напрямую из российских СМИ. Венгры по-прежнему интересуются русской культурой.

Коммуникативный мотив становится одним из ведущих при выборе русского языка. Студенты из Эстонии стремятся к установлению личных контактов с русскоговорящими родственниками, друзьями и знакомыми. Венгры используют русский язык для получения информации из СМИ.

Проведение исследований, касающихся выявления мотивации изучения русского языка, основывается на убеждении, что объективное, а не гипотетическое знание о реальных мотивах должно повлиять на принципы отбора материалов для учебников и учебных пособий разных форматов, на темы учебных пособий (их содержательного компонента), на способы презентации культурологического материала, а также выбираемых методических стратегий и тактик.

В связи со сказанным думается, что сегодня в процессе обучения иностранных учащихся русскому языку должны соблюдаться некоторые стратегические постулаты современной методики, среди основных назовем творческую демократизацию процесса обучения, привлечение новых (групповые, индивидуальные, дистанционные и под.) приемов и методов обучения, издание и распространение коммуникативных учебных

пособий с аудио- и видеоприложениями, создание учебных видеофильмов, иллюстрирующих реальную жизнь в стране изучаемого языка, просмотр программ российского телевидения (по Интернету), их коллективное дискуссионное обсуждение и другие формы работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История Эстонии включает три периода (1721–1918), (1940–1941) и (1944–1991), когда русский язык имел статус государственного языка.

² Данные материалы основываются на результатах анкетирования венгерских студентов, обучающихся как в вузах Венгрии, так и в вузах РФ.

ЛИТЕРАТУРА

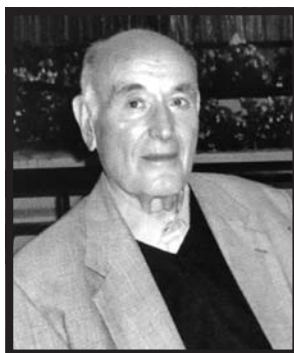
1. Аббас Ясин Хамза. Диагностирующий эксперимент по выявлению особенностей мотивации изучения русского языка у студентов-русистов Багдадского университета // 2007 // Известия Российского гос. педагогич. ун-та им. А. И. Герцена. Вып. 32. Т. 11. 2007. С. 246–249.
2. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Словарь методических терминов (Теория и практика преподавания языков). СПб., 1999.
3. Бакони И., Бойцов И. А. Актуальные вопросы преподавания русского языка в Венгрии // Вестн. «Современный язык: функционирование и проблемы преподавания». № 23 / Под ред. И. А. Бойцова. Будапешт, 2009. С. 7–13.
4. Бердичевский А. Л. Русский язык в современной Европе // Вестн. «Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания». № 20 / Под ред. И. А. Бойцова. Будапешт, 2006. С. 8–21.
5. Бердичевский А. Л. Является ли русский язык международным // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 30.
6. Лукина Я. В. 2008. Зависимость мотивации при выборе и изучении иностранного языка от образа страны изучаемого языка. <http://www.zlat-edu.ru/CatalogImages/File/lukina.doc>, (15.04.2015).
7. Молчановский В. В., Шепелевич Л. Преподаватель русского языка как иностранного. Введение в специальность. М., 2002.
8. Силеди А. Россия — с центральноевропейским акцентом (из выступления на Конференции в Центре русистики Будапештского университета им Л. Этвеша). — URL: <http://www.russtudies.hu/Aindex.php?menu=46&lang=r&hirid=290>.
9. Свак Д. Образ России в сегодняшней Венгрии // Вестн.: Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. № 24 / Под ред. И. А. Бойцова. Будапешт, 2010. С. 8–10.
10. Шепелевич Л. Повышение мотивации студентов-филологов при обучении русскому языку с использованием сети интернет // Русистика и современность. Матер. VII междунар. научн.-практ. конф. 17–18 сент. 2004 г. Т. 2. Диалог культур в обучении русскому языку и русской словесности. СПб., 2005. С. 325–330.
11. Gardner R. C., Lambert W. E. Attitudes and Motivation in Second Language Learning. Rowley. Mass.: Newbury House. — URL: <http://publish.uwo.ca/~gardner/docs/CAALOttawa2009talkc.pdf>

REFERENCES

1. Abbas Iasin Khamza. (2007) Diagnostiruiushchii eksperiment po vyivleniiu osobennosti motivatsii izuchenii russkogo iazyka u studentov-rusistov Bagdadского университета. *Izvestia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, issue 32, vol. 11, p. 246–249. (in Russian)
2. Azimov E. G., Shchukin A. N. (1999) Slovar' metodicheskikh terminov (Teoriia i praktika prepodavaniia iazykov). St. Petersburg. (in Russian)
3. Bakoni I., Boitsov I. A. (2009) Aktual'nye voprosy prepodavaniia russkogo iazyka v Vengrii. *Vestnik "Sovremennyi iazyk: funktsionirovanie i problemy prepodavaniia"*, no. 23. Budapest, p. 7–13. (in Russian)
4. Berdichevskii A. L. (2006) Russkii iazyk v sovremennoi Evrope. *Vestnik "Sovremennyi russkii iazyk: funktsionirovanie i problemy prepodavaniia"*, no. 20. Budapest, p. 8–21. (in Russian)
5. Berdichevskii A. L. (2000) Iavlaetsia li russkii iazyk mezhdunarodnym. *Mir russkogo slova*. 2000, no. 4, p. 30. (in Russian)
6. Lukina Ia. V. (2008) Zavisimost' motivatsii pri vybore i izuchenii inostrannogo iazyka ot obraza strany izuchaemogo iazyka. URL: <http://www.zlat-edu.ru/CatalogImages/File/lukina.doc>. (in Russian)
7. Molchanovskii V. V., Shepelevich L. (2002) Prepodavatel' russkogo iazyka kak inostrannogo. Vvedenie v spetsial'nost'. Moscow. (in Russian)
8. Siladi A. Rossiia — s tsentral'noevropeiskim aktsentom (iz vystupleniia na Konferentsii v Tsentre rusistiki Budapeshtskogo universiteta im L. Etvesha). URL: <http://www.russtudies.hu/Aindex.php?menu=46&lang=r&hirid=290>. (in Russian)
9. Svak D. (2010) Obraz Rossii v segodniashnei Vengrii. *Vestnik "Sovremennyi russkii ia-zyk: funktsionirovanie i problemy prepodavaniia"*, no. 24. Budapest, p. 8–10. (in Russian)
10. Shepelevich L. (2005) Povyslenie motivatsii studentov-filologov pri obuchenii russkomu iazyku s ispol'zovaniem seti internet. In: *Rusistika i sovremennost'. Materialy VII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 17–18 sentiabria 2004 goda*, vol. T. Dialog kul'tur v obuchenii russkomu iazyku i russkoi slovesnosti. St. Petersburg, p. 325–330. (in Russian)
11. Gardner R. C., Lambert W. E. Attitudes and Motivation in Second Language Learning. Rowley. Mass.: Newbury House. URL: <http://publish.uwo.ca/~gardner/docs/CAALOttawa2009talkc.pdf>. (in English)

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВИЧА БОНДАРКО

IN MEMORIAM: ALEXANDRE V. BONDARKO



Российская филология понесла тяжелую утрату: 29 марта 2016 года на 86-м году жизни скончался главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН член-корреспондент РАН доктор филологических наук, профессор Александр Владимирович Бондарко — всемирно известный славист, аспектолог, выдающийся исследователь грамматики и семантики славянских языков.

Его творческая деятельность неразрывно связана с Санкт-Петербургом, где он проработал в трех ведущих филологических институтах — ИЛИ РАН, РГПУ им. А. И. Герцена и СПбГУ — без малого 60 лет. Для многих славистов и русистов поездки в Петербург навсегда запомнились благодаря встречам и беседам с Александром Владимировичем в Тучковом переулке в отделе теории грамматики ИЛИ РАН, который он возглавлял в течение тридцати лет.

Работы Александра Владимировича стали примером всестороннего, ясного, теоретически взвешенного и нейтрального грамматического описания. В 2017 году исполняется 50 лет со дня выхода в свет написанной им в соавторстве с Л. Л. Буланиным книги «Русский глагол», которая стала классическим представлением глагольной морфологии русского языка. Ещё раньше, в 1958 году, им защищена диссертация «Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в славянских языках», посвященная сопоставлению грамматического строя и семантики славянских языков. Обе работы сохраняют своё значение до сих пор, предупре-

див общее направление грамматических исследований. Первые ссылки на них мы находим уже в работах А. В. Исаченко (1954–1965). До сегодняшнего дня А. В. Бондарко входит в число самых цитируемых российских лингвистов.

Александр Владимирович окончил чешское отделение филологического факультета и аспирантуру ЛГУ (ныне СПбГУ) под руководством всемирно известного аспектолога доктора филологических наук, профессора Ю. С. Маслова. Связь с аспектологической школой Ю. С. Маслова, опору на российскую и европейскую лингвистическую традицию в своем творчестве он подчеркивал всегда. Важную роль в его трудах играет оценка и творческое переосмысление достижений его предшественников — В. Г. Адмони, К. С. Аксакова, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. Данеша, С. Д. Кацнельсона, Э. Кошмидера, А. М. Пешковского, А. А. Потебни, Л. П. Размусена, Г. Рейхенбаха, А. А. Шахматова. Он живо интересовался новыми работами современных лингвистов: если сравнить разные издания его книг, можно заметить, как много и внимательно он читал, постоянно включая в свои труды ссылки на работы современников.

Его семантические описания отличаются широким философским взглядом на значение языковых категорий. Круг его интересов неуклонно расширялся: в 1968 году он защищает докторскую диссертацию на тему «Система времен русского глагола (в связи с проблемой функционально-семантических и грамматических категорий)». В этих ставших ныне классическими работах на-

мечена программа дальнейших исследований, посвященных соотношению семантических и грамматических категорий русского языка на фоне разноструктурных языков мира.

А. В. Бондарко — автор свыше 350 научных трудов, в том числе 15 монографий по теории языкознания, грамматической семантике, русской и славянской аспектологии, один из авторов «Русской грамматики» (1980). Последняя книга, посвященная категориям русского глагола, была целиком подготовлена им при жизни и будет издана его сотрудниками и учениками.

Многие поколения лингвистов учились по книгам Александра Владимировича: «Вид и время русского глагола (значение и употребление)» (1971), «Теория морфологических категорий» (1976), «Грамматическое значение и смысл» (1978), «Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии» (1983), «Функциональная грамматика» (1984) и др. «Семантика глагольного вида в русском языке» (1995), «Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии» (1996), «Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени» (1999), «Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка» (2002), «Теоретические проблемы русской грамматики» (2004), «Теория морфологических категорий и аспектологические исследования» (2005). «Категоризация в системе грамматики» (2011). Основным в этих работах можно считать вопрос о соотношении мыслительного (понятийного, смыслового) содержания и содержания языкового. Термин «значение» трактуется им как план содержания языковых знаков, отражающих категории определенного языка. Под «смыслом» понимается содержание, не закрепленное за конкретными языковыми формами, не обязательно присущее исключительно языковым знакам. При этом большую роль играет контекст и речевая ситуация, а также опыт, имеющийся у говорящего и слушающего. В связи с этим ставится вопрос о случаях разной интерпретации речевого смысла говорящим и слушающим.

Основным местом работы А. В. Бондарко был Институт лингвистических исследований

РАН, где он начал и осуществил главный труд своей жизни — сравнительное описание грамматической системы русского языка с позиций функциональной грамматики. Александру Владимировичу удалось объединить вокруг этой темы огромный авторский коллектив из российских и зарубежных ученых и подготовить к печати двенадцать книг двух серий «Теория функциональной грамматики» и «Проблемы функциональной грамматики» за последние тридцать лет.

Основы коллективного исследовательского проекта, который был начат в 80-е годы XX столетия и продолжается до сих пор, были разработаны в книге А. В. Бондарко «Теория функциональной грамматики» (1984). С 1987 года под его руководством выходит серия «Теория функциональной грамматики», объединившая последователей разрабатываемого им научного направления — теории ФСП и КС. Шеститомная серия содержит описание основных функционально-семантических полей русского языка на фоне широкого типологического сопоставления с данными других языков. В проекте в разное время принимали участие более пятидесяти исследователей из России и других стран.

Первоначально исследование осуществлялось на материале русского языка, позже состав участников позволил включить в этот труд данные по грамматике ряда разноструктурных языков, таких как германские, романские, иранские и, конечно, славянские, а также языки народов России. Общим в исследовании этих разнородных данных является концепция описания средств выражения основных мыслительных категорий единицами разных уровней языка — морфологического, синтаксического и лексического. Такое направление анализа получило название «от семантики — к средствам ее выражения» и соответствует тем аспектам речевой деятельности, которые осуществляются говорящим.

После выхода в свет шести томов первоначально запланированной серии «Теория функциональной грамматики» работа над этой темой была продолжена в проекте «Проблемы функциональной грамматики» (ПФГ). Под руководством Александра Владимировича было издано пять то-

мов этой серии, последний из них готовится к печати его коллегами в настоящее время. В новой серии проводится сопоставление основных принципов и достижений теории ФСП и КС с другими теоретическими подходами и научными парадигмами. Особенность научных проектов Александра Владимировича состояла в том, что он старался привлекать к работе ученых с разными теоретическими установками. Разработанная им модель описания легко интегрировала достижения других лингвистических направлений. При этом он всегда ясно формулировал свою точку зрения и отстаивал ее в научной полемике. Многие ученые помнят спонтанные выступления Александра Владимировича на докладах коллег, развернутые дискуссии, в которых он принимал участие. Отличительными чертами этих дискуссий были корректность и доброжелательность, которые он всегда проявлял по отношению к своим оппонентам, несмотря на теоретические расхождения с ними. Параллельно с интенсивной научной работой Александр Владимирович преподавал в двух ведущих филологических вузах Санкт-Петербурга — сначала в Российском педагогическом университете им. А. И. Герцена, а в последние двадцать лет — и в Санкт-Петербургском государственном университете.

Александр Владимирович оказал огромное влияние на развитие лингвистической науки: он входит в сотню наиболее цитируемых российских лингвистов, воспитал целую плеяду учеников и последователей и объединил вокруг своей теории огромный авторский коллектив.

Его исследования не замыкались только в теоретической сфере — функциональная модель описания нашла широкое применение в практике преподавания русского языка как иностранного. Существенным для этого оказался сам принцип «грамматики говорящего» с его преимущественным вниманием к семантической стороне грамматических явлений, с их делением на центральные и периферийные. Важную роль в практическом преподавании играет также понятие категориальной ситуации — «типовой содержательной структуры, представляющей в высказывании эле-

менты определенного функционально-семантического поля». Именно в работах А. В. Бондарко сформулированы принципы описания типовых контекстов, которые нашли широкое применение в преподавании таких категорий, как вид и время русского глагола. Это был поворот от структуралистского представления о языке как наборе единиц и правил к более адекватному образу языка как сложной функциональной системы.

Его заслуги были признаны при жизни. С 1997 года Александр Владимирович — член-корреспондент Российской академии наук. Он являлся Почетным членом Общества русистов Болгарии и Лингвистического общества Чешской республики, деятельно участвовал в работе редколлегии российских журналов «Вопросы языкознания», «Язык и речевая деятельность» и редакционных советов международных журналов «Съпоставително езикознание» (Болгария), “Cuadernos de Rusística Española” (Испания), за деятельное участие в создании «Русской грамматики» он был удостоен Государственной премии СССР, в 2010 году получил Премию имени акад. С. Ф. Ольденбурга в области гуманитарных наук Правительства Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургского научного центра РАН за создание оригинальной модели описания языка — теории функционально-семантических полей и категориальных ситуаций, за выдающиеся достижения в области изучения русского (славянского) глагола, за разработку новой концепции функциональной грамматики и теории значения.

Важной заслугой Александра Владимировича как руководителя научных исследований было создание делового творческого климата, внимательного отношения к традиции и доброжелательной поддержки открытий его коллег и молодежи, которая всегда его окружала. Отсутствие Александра Владимировича уже заметно во всех сферах петербургской лингвистической жизни. Однако значение его трудов, их востребованность, интерес к его научному творчеству будет только возрастать. Светлая память об Александре Владимировиче Бондарко навсегда сохранится в сердцах его коллег, учеников и последователей.

М. Д. Воейкова, ИЛИ РАН, СПбГУ

Публикуемая статья — это отрывок из новой книги Народного артиста РСФСР, лауреата государственной премии РФ, профессора И. Ф. МАСЛЕННИКОВА, в основу которой положены его лекции, прочитанные в Санкт-Петербургском Институте кино и телевидения и во Всероссийском Университете кинематографии им. С. А. Герасимова (ВГИК) в 1998–2015 гг.

Игорь Масленников

«ПРАКТИКА КИНО», ИЛИ «КИНО БЕЗ КИНОПЛЁНКИ»

IGOR MASLENNIKOV
"CINEMA PRACTICE",
OR THE CINEMA WITHOUT CELLULOID

* * *

...1958 год. В Москве на Цветном бульваре рядом с Цирком открылся панорамный кинотеатр «МИР». Москвичи и гости столицы, не успевшие попасть на цирковое представление с тиграми Ирины Бугримовой и клоунадой Юрия Никулина, имели возможность отдохнуть и развлечься, вертя головами на панорамном киноаттракционе.

Шли видовые фильмы «Широка страна моя», «Час неожиданных путешествий», «Течет Волга» кинопрограмма «Волшебное зеркало», автокиноревю «Опасные повороты»...

Появились панорамные кинотеатры в Ленинграде на Невском, в Киеве, в Астрахани...

Вскоре открылось «Стереokino». Думали ли мы в молодости — студенты и школьники, надевая на нос бумажные очки с разноцветными окошками, чтобы ради забавы посмотреть какой-нибудь «Счастливый рейс» или «Робинзон Крузо», что через 60 лет весь мир в тысячах кинотеатров снова станет надевать такие же бумажные, но уже американские очки, чтобы смотреть голливудские блокбастеры системы «3D»?

Нет, не думали. Триста тысяч советских кинотеатров показывали нам каждые два дня — новый отечественный фильм. Вот, например, некоторые фильмы тех (1957–1958) годов, когда в Москве открылся панорамный кинотеатр «Мир»:

- «Дело было в Пенькове» С. Ростюцкого,
 - «Дом, в котором я живу» Л. Кулиджанова,
 - «Дон Кихот» Г. Козинцева,
 - «Цвет граната» С. Параджанова,
 - «Щит и меч» В. Басова,
 - «Летят журавли» М. Калатозова,
 - «Тихий Дон» С. Герасимова,
 - «Зигзаг удачи» Э. Рязанова,
 - «Мертвый сезон» С. Кулиша,
 - «Освобождение» Ю. Озерова,
 - «Братья Карамазовы» и «Идиот» И. Пырьева,
 - «Бриллиантовая рука» Л. Гайдая...
- ...Было, что посмотреть!

Сегодня, т. е. конкретно — в середине второго десятилетия двадцать первого века, кино стоит на распутье. Киноиндустрия и её флагман — «Голливуд» — в погоне за прибылью упорно движется в «интертейнмент», т. е. по-нашему в «развлекуху».

Возвращаются в прокатную практику давно забытые технические эксперименты и кинофокусы типа «стереokino» (теперь это называется «3D») или «кинопанорама» (IMAX). Стереозвук, задолго до появления английской многоканальной системы «Doiby», мы когда-то слушали в широкоформатном кино, отечественная аппаратура которого (камеры, монтажные

столы, проектора) с девяностых годов лежит на свалке металлолома.

Кинотеатры, после того как они побывали автомобильными или мебельными салонами, превратились в подобие Парков культуры и отдыха. Молодежь идёт туда развлекаться, отдыхать в баре, веселиться, жевать попкорн, пить пиво и пепси, резаться в бильярд. Душевные переживания — по боку.

А ведь душевные переживания, тем не менее, существуют. Желание соприкоснуться с серьёзными чувствами живёт в людях, в том числе и в молодых.

Что делать?.. Созрела новая эпоха!

И вот пришли «гаджеты»...

Слово-то какое — Гад же Ты!

Хитрые трансконтинентальные электронные корпорации в той же погоне за прибылью год за годом планомерно меняют или заменяют свои модели с тем, чтобы покупатель пребывал в постоянной «перестройке».

Видеомагнитофоны меняли свою начинку — сначала бабины, потом кассеты, диски...

VHS вытеснили пленку, диски вытеснили VHS, флэшки памяти и SIM-карты — диски и т. д. В металлолом превратилась съёмочная, монтажная и проекционная техника, выцветает или сыпется магнитная пленка, диски и флэшки боятся воды, как когда-то пленка боялась огня. И это будет продолжаться, ибо у производителей есть, наверняка, план на много лет перемен и вытеснений.

Студия «Троицкий мост», в которой я работаю, решила избавиться от своей фильмотеки. Но никто не хотел забрать у нас наши фильмы — ни прокатчики, ни Госфильмофонд. Мы сдали 750 килограммов (около тонны) пленки фирме, которая сжигает старое кино, извлекая из целлулоида серебро, много серебра. Пленка с расчётом на сто лет эксплуатации стала никому не нужна. Они заплатили нам за серебро триста рублей...

И вот новоявленные гаджеты протянули руку помощи серьёзному киноискусству. Не беда, что домашние видеотеки VHS, похожие на книжные шкафы, ушли на свалку. Печально, что почти исчезла (кроме фестивалей) «соборность» кинопросмотров. Но появились новые видеоносители от крошечной флэшки до Интернета включительно.

А главное — появились новые средства съёмочной техники. Магия операторского и монтажного искусства стала возможна и заманчива...

Вы можете сами снимать своё кино камерой-мыльницей, фотоаппаратом, планшетом, даже — часами или телефоном! Это доступно каждому — от школьника до создателя «Крестного отца» и «Апокалипсиса сегодня», знаменитого преклонных лет кинорежиссёра, продюсера, виноторговца, издателя, владельца сети отелей, миллионера — Френсиса Форда КОППОЛЫ, например. И он этим занимается, снимает как миленький фотоаппаратом, а потом сидит дома и с удовольствием монтирует...



Иллюстрации с сайта ru.wikipedia.org

И то, что Коппола смонтирует, потом можно будет показать на огромном экране любого кинотеатра.

Эпоха гаджетов!

А как же быть с душевными переживаниями?

Видимо, они перемещаются в зону интимных посланий, лирических киностихотворений, наблюдений и видеодневников. Конечно, это слегка смахивает на самодеятельность...

Поживём — увидим...

... И уже увидели.

Например, ЯКУТСКОЕ КИНО. В республике с населением около миллиона человек родилось национальное кино — успешное и востребованное. Семь профессиональных театров, режиссеры, окончившие кинематографические вузы, клубные работники, наконец, самодеятельность откликнулись на неожиданное требование населения республики — смотреть «своё» кино, на языке «САХА» о сегодняшней жизни, о своей истории, о легендах земли «ОЛОНХО» и преданиях этого древнего народа.

Страна наша многонациональная. Глядишь, и ещё какой-нибудь братский народ увлечётся ГАДЖЕТАМИ.

...Техническая ломка всей системы кинематографа не могла не привести и к трансформации зрительского сознания. Обилие телесериалов, раз-

рубленных на короткие серии, реклама, пестрота социальных сетей в Интернете, клиповая эстетика привели сознание наших зрителей, особенно — молодёжи, к привычкам быстрого «схватывания», краткосрочного внимания, фрагментарности впечатлений и реакций. Полуторачасовой фильм — это мука!.. Даже два футбольных тайма по телевидению — перебор!

Так на наших глазах рождается новое зрительское пристрастие — интерес к короткометражному кино!

Пять лет назад в издательстве «Амфора» вышла моя книга «Из личной кинопрактики» («Стопка за стопкой»).

Я оставлял тогда после каждой главы пустые странички, на которых читатели или слушатели моих лекций могли записывать свои мысли и наблюдения по каждой теме.

С годами эти странички были заполнены. Но не мной, а моими учениками, ибо эпоха гаджетов — это уже их стихия. Мимо неё пройти нельзя, она наступила. Подобно Копполе они сами снимали и монтировали свои учебные работы.

Я же продолжал говорить с ними о Высоком. «Практика кино» — продолжение той книги лекций. Она посвящена вечным законам искусства, тысячелетней истории драматургии, этике и эстетике экрана, психологии творчества, жизни профессиональной съёмочной группы.



* * *

Вот что пишут, например, в этой книжке мои ученики Евгений Черепанов и Николай Котяш о фестивалях короткометражного кино.

Евгений ЧЕРЕПАНОВ

Фильм готов.

В мире существует огромное количество кинофестивалей, где его можно пристроить. Информацию о фестивалях легко найти в Интернете: смотрите список фестивалей на разных специализированных сайтах, узнавайте, какие из них принимают в данный момент заявки, изучайте требования и отправляйте заявку.

Если фильм на десятке фестивалей не приняли — не стоит отчаиваться, ведь фестивалей больше тысячи!

Если некогда самому заниматься продвижением, обратитесь в агентства. Они тоже широко представлены в Интернете.

* * *

Николай КОТЯШ

На Высших режиссёрских курсах в Петербурге у меня были сняты два короткометражных фильма: «Потерянный дом» (2013) и «Каждый первый» (2014).

Курсовая работа «Потерянный дом» в течение года была отобрана в программы 55 фестивалей, получила 19 наград на 16 фестивалях, в том числе были первые, вторые, третьи места, победы в номинациях «лучший короткометражный фильм», «лучшая режиссура», «лучший сценарий», «лучшая женская роль» и т. д.

Дипломный фильм «Каждый первый» осенью 2014 года начал участвовать в фестивалях. Состоялась его премьера на фестивале «Арткино», и на нем он победил сразу в двух номинациях.

Есть, однако, много фестивалей, где мои фильмы не победили или даже не были отобраны в программу. Гораздо больше, чем в тех, где они участвовали. Поэтому, если вдруг вас сразу не заметили, не стоит расстраиваться. Фестиваль — это в какой-то степени лотерея.

Отправляйте фильм на как можно большее число фестивалей. Где-то да выстрелит...

Один мой друг назвал это «методом ковровой бомбардировки».

Сначала я составил список фестивалей, выбрав те, на которые мой фильм проходит по хронометражу, тематике, возрасту, полу и стране проживания режиссера и т. д.

Несмотря на то, что большинство кинофестивалей принимают работы любых тем и жанров, есть, однако, и узкопрофильные, которые принимают фильмы на определенные темы: экология, права человека, спорт, детское кино, женское кино, фантастика...

Существует также ограничение по хронометражу.

Для отправки фильма на зарубежные фестивали необходимо наличие субтитров с переводом. Как правило, требуются субтитры на английском языке, но в некоторых странах, например в Испании, обязательное требование — субтитры на национальном языке. Об этом тоже написано в регламенте.

Сами субтитры на большинстве фестивалей нужны уже «вшитые» в видеофайл. Но некоторые фестивали требуют субтитры отдельным файлом в формате.srt.

По форме отправки фестивали делятся на те, которые принимают фильм только на DVD диске, отправленном по почте, и те, на которые можно отправить ссылку на скачивание или просмотр фильма в Интернете. Таких с каждым годом становится все больше.

Эту информацию, а также сведения про технические требования к копии необходимо прочитать в регламенте фестиваля.

После того как фильм отправлен, остается только дожидаться объявления итогов предварительного отбора. Фильм могут включить в конкурсную или неконкурсную программу.

Самостоятельно отправить фильм на фестиваль не сложно, но это требует времени и внимания.

Уверен, каждый фильм найдет своего зрителя...